

"...ИСТОРИЯ
ПРЕДКОВ
ВСЕГДА
ЛЮБОПЫТНА
ДЛЯ ТОГО,
КТО ДОСТОИН
ИМЕТЬ
ОТЕЧЕСТВО".

Н. М. Карамзин

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 4-5 1992

ISSN 0321-0626



- ... И свергнут властью рукой
- И. Т. СМИЛГА. Ликвидация Думенко
- Роберт К. МЭССИ. Николай и Александра

Смотр участников
военно-патриотического
праздника на Бородинском
поле. 1991 г.

Фото А. Е. ШАДРИНА

«МИР СТОИТ ДО РАТИ, РАТЬ – ДО МИРА»

5 АПРЕЛЯ 1242 года немецкие войска устремились на русских, "наехаша на полк немцы и чудь и прошибошася свиныею сквозь полк". Крестоносцы использовали древний строй – клин, который летописцы называли "свиныею". По словам одного римского историка, так сражались варвары. Во главе "свиныею" обычно вставляли командоры и наиболее известные рыцари, здесь же под охраной везли знамена.

Александр Невский, чтобы выиграть битву на Чудском озере, предотвратить продвижение на восток германских оккупантов, смело изменил тактику русских войск. Русские отступали на обширное пространство замерзшего озера, где легче было провести маневр, задуманный Невским. Рыцари, пробившись сквозь русскую рать, считали битву выигранной, но внезапно были атакованы с флангов и "бысть сеча ту велика немцемъ и чуди". Это была великая и жаркая битва. Но русские сражались за свою Родину, за правое дело. Каждый удар меча был тяжел и точен. Русские "исполнишася духом ратным: бяху бо сердца их, акы сердца львом". Это была невиданная битва, в которой русские выразили всю свою боль и горе за страдания, пережитые Русью. "Труск от копий ломления и звук от сечения мечного" был такой, будто "озеру померзшю двинуться; и не бе видети леду, покры бо ся кровию" – так описывал битву современник Александра Ярославича русский митрополит Кирилл в "Житии Александра Невского".

Победа на Чудском озере – Ледовое побоище, 750-летие которого отмечается сегодня в России, – имела огромное значение для всей Руси Великой, для всего русского и связанных с ним народов, потому что спасла их от немецкого феодально-крепостного рабства. По словам К. Маркса, "прохвосты... были окончательно отброшены от русской границы". После этой битвы, как отмечает автор "Жития", "нача слыти имя Александрово по всем странам: и до моря Хупо-йского (Каспийского), и до гор Аравитских и об ону страну моря Варяжского (Балтийского), и до самого Рима".



● Александр Невский.

Художник П. Д. КОРИН

Имя князя Александра, мудрого политика и доблестного полководца, навеки связано с историей русского народа, со славой и непобедимостью русского оружия. Ледовое побоище и сегодня служит предостережением тем, кто спла-

нирская и осуществил развал Великого Союза и теперь пытается растерзать Русь. Великая Русь была, есть и будет Русью непобедимой, и для каждого русского сласти Русь – значит сласти свою душу.

Д. В. БУЛЫЧЕВА

ОСНОВАН
В АВГУСТЕ
1939 ГОДА

УЧРЕЖДЕН
ГЕНЕРАЛЬНЫМ
ШТАБОМ
ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ

Издается
ежемесячно

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 4-5 1992

Главный редактор
В. С. ЕЩЕНКО.

Редакционная коллегия:
Н. Т. АКСЕНОВ
(ответственный секретарь),

А. Д. БОРЩОВ,
В. А. ЗОЛОТАРЕВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. ИЩЕНКО

(заместитель
главного редактора),

Д. Ш. КАРИМОВ,
Г. И. КОРОТКОВ,
О. Ю. ЛАТЫПОВ,

П. Н. ЛАЩЕНКО

Ю. К. ЛУГОВОЙ,
А. М. МАЙОРОВ,
Р. Г. ПИХОЯ,
В. А. РЫБИН,
А. Н. СИНИЦЫН,
А. М. СОКОЛОВ,
В. И. ШЕРЕМЕТ,
В. А. ЧИРВИН.

Редактор по отделу
оформления
А. Е. ШАДРИН.
Художественный редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал».
Тел.: 296-44-87, 296-44-95,
296-45-01, 296-45-35.

Сдано в набор 12.02.92.
Подписано к печати
27.05.92.
Бумага 70×108¹/₁₆,
Усл. печ. л. 8,4 + 0,35 вкл.
Уч.-изд. л. 12.
Усл. кр.-орт. 14.
Высокая печать.
Тираж 76 035 экз.
Зак. 366 Цена 1 р. 10 к.
Регистрац. № 559.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда».
123826, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

© «Военно-исторический
журнал», 1992.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1992

● **МЕЖДУ ДВУМА ВОЙНАМИ**
А. С. СТЕПАНОВ — Перед Мюнхеном 4

● **ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ**
Готовил ли СССР превентивный удар?
(Публикация В. И. ЗЮЗИНА) 10

● **ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.**
Оборона Ленинграда, 1941 год
(Публикация Б. Н. ПЕТРОВСА) 14

● **ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ**
ГКО постановляет... (Публикация Н. С. ГИШКО) 19

● **НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ**
Н. М. ЗАЙЦЕВ — Вместе с Альтой 24
В. Т. РОШУПКИН — «Разведка сыграла очень боль-
шую роль» 35

● **ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА**
Кристиан ШТРАЙТ — Они нам не товарищи 43

● **В ПОИСКАХ ПРАВДЫ**
...И свергнут властной рукой
(Публикация Ю. А. ПРЫТКОВА) 51

● **АРМИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ**
Б. П. ИВАНОВ — Чернобыль: глазами очевидца 58

● **ЛЕТОПИСЬ ПОЛКОВ РОССИЙСКИХ**
А. И. ТАЛАНОВ — Дворцовые гренадеры 62

● **ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНОГО ИСТОРИКА**
Роберт К. МЭССИ — Николай и Александра 64

● **КАЗАЧЕСТВО: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУ-
ДУЩЕМ**
И. Т. СМЛГА — Ликвидация Думенко 76

● **АРМИЯ И КУЛЬТУРА**
А. В. ШАРОВ, Л. И. ВЛОДАВЕЦ — «Солдат, коннеза-
водчик, поэт и переводчик» 85

● **ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ**
В. И. ФОМИН — Беда, когда историна «заносит» 87

● **МУДРОСТЬ ВЕКОВ**
А. Ф. ЧИСТЯКОВ — Солдат — слово гордое 93

● **СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ**
НАМ ПИШУТ 95

2, 3, 12, 34, 56

Городская библиотека
Библиотека г. Буноншьева
Отдел организации в сельско-
война единого общества и МБА

Уважаемые читатели!

В связи с резким повышением цен редакция «Военно-исторического журнала» вынуждена объявить для всех читателей, независимо от срока предыдущей подписки, со второго полугодия с. г. новую цену — 12 рублей в месяц.

Если вы хотите получать наш журнал с июля по декабрь 1992 года, вам следует до 1 июня в отделениях связи оформить новую подписку. В случае если не успеете этого сделать своевременно — подписывайтесь с любого следующего месяца. При отказах работников почты следует сослаться на письмо ЦРПА Роспечати № 7—15/85 от 5 мая с. г., в котором изложены новые условия подписки на журнал.

В затруднительных случаях обращайтесь в редакцию письменно или по телефонам: 296-44-87, 296-44-95, 296-45-08.

Стоимость подписки на полугодие — 72 рубля, на 3 месяца — 36 рублей. Индекс 70137.



ЧИТАТЕЛЬ.

СЛЕДСТВИЕ НАШИХ ОШИБОК

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ пришлось отстаивать советскую землю от фашистских захватчиков. Я участвовал в боях под Харьковом, в Сталинградской и Курской битвах в должности командира взвода стрелкового батальона 6-й гвардейской армии, а затем помощника начальника штаба стрелкового полка. Мы видели, как сражались плечом к плечу русские и украинцы, белорусы и армяне, вместе отвоевывали каждую пядь земли нашей Родины.

А сколько мы потеряли боевых друзей? Их прах покоится сейчас на территории Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии.

В селе Уды Золочевского района Харьковской области похоронен командир 122-го гвардейского артиллерийского полка гвардии майор М. Н. Угловский, в Полоцке в центре города похоронен заместитель командира дивизии мой бывший командир полка гвардии подполков-

ник Ф. Т. Сушков, в районе г. Шяуляя покоится прах моего боевого друга гвардии лейтенанта Л. В. Ляпунова.

Так как же теперь, в связи с распадом Союза, мы будем делить эти могилы?

В чем же мы виноваты? Почему нас называют оккупантами и говорят, что уж лучше бы мы сдались Гитлеру?

На мой взгляд, ошибкой руководства страны является то, что не были учтены националистические тенденции, зревшие в недрах нашего общества. Децентрализация в управлении союзными республиками привела к тому, что националистические элементы взяли верх над демократией.

В. И. Ленин в одной из своих работ писал: «Никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок».

Как это верно, мы видим на практике.

С. М. ГРОШЕВ,
подполковник в отставке,
инвалид Великой
Отечественной войны
(Муром)

ПОМОЧЬ ВЕТЕРАНУ

НИ ОДИН объективно мыслящий человек не может отрицать, что развал Советского Союза и его Вооруженных Сил — величайшая трагедия народов СССР, всех прогрессивных сил мира. Отход от идей интернационализма и дружбы народов вызвал всплеск национализма, в том числе и на Украине.

В настоящее время в большинстве украинских изданий идет неудержимое нагнетание антироссийских настроений. Причем в этих целях грубо искажаются исторические факты, делаются тенденциозные публицистические подборки, материалы подаются без анализа конкретных условий, в которых происходило то или иное событие.

Например, в газете «Вечерний Киев» от 4 декабря 1991 года опубликована статья преподавателя пединститута А. Лупейко «Клокотала Украина», где предвзято, с позиций буржуазного национализма, описываются революционные события на Украине в конце 1917-го и в 1918 году, искажается роль Красной Армии в установлении здесь Советской власти.

Особенное возмущение общественности вызвала статья «Будет ли иметь русская нация собственное государство?» научного работника Петра Харченко (Вечерний Киев. — 1992. — 28 января). В ней целенаправленно разжигаются антироссийские настроения.

До недавнего времени лучшей, прогрессивной газетой была «Правда Украины», в которой разоблачалась предательская роль бандеровщины и буржуазного национализма. Однако со сменой руководства в редакции газета также встала на националистический путь.

В связи с этим хотелось бы, чтобы «Военно-исторический журнал» опубликовал материалы, объективно рассказывающие о том, что же на самом деле происходило на Украине. И в частности, нужно подчеркнуть, что если бы не было союза Украины с Россией, то не было бы и Украины в настоящих границах.

Русские войска, в которых служили и украинцы, освободили от тюрк юг Украины и Крым. Суворов заложил первые камни в Одессе и Очакове. Красная Армия обеспечила освобождение Западной Украины и т. д.

По поручению ветеранов войны и Вооруженных Сил полковник в отставке В. В. СЕЛЕЗНЕВ
(Киев)

ВСЯ МОЯ СЛУЖБА прошла в воздушно-десантных войсках. Дважды был ранен на войне, есть награды. 2-й батальон, в котором я был пулеметчиком, первым из 4 ВДК десантировался в тыл врага, где пять месяцев участвовал в сражениях в тяжелейших условиях. Затем в составе 3-й роты 110-го гвардейского стрелкового полка (командир А. Г. Кобец) 38-й гвардейской Лозовской дивизии я воевал под Сталинградом, где был вторично ранен. После госпиталя попал вновь в воздушно-десантные части: в Поволжье, затем в Звенигород Московской области. Был в запасном воздушно-десантном полку с января по апрель 1943 года. Затем полк стал учебным 7 УВДП.

Участвовал в параде Победы в составе сводного полка воздушных десантников от Московского военного округа. Этот факт был отмечен в моей красноармейской книжке. Но в 1967 году, когда книжки заменили на военные билеты, туда не перенесли соответствующую запись. В то время на это не обратил внимания. Потом спохватился, но было поздно. Красноармейские книжки уничтожены. В личной карточке при военкомате нет записи об участии в параде Победы.

Мне приходится много выступать в школах, на военно-патриотических мероприятиях, отвечать на письма красных следопытов. Но подтвердить свое участие в параде не могу. По данному вопросу обращался во многие инстанции. Например, Центральный архив Министерства обороны СССР дал ответ: «В частично имеющихся на хранения в Центральном архиве Министерства обороны СССР списках личного состава 7 УВДП участников парада Победы 24.VI.1945 г. Русских С. И. не значится».

Что же мне делать? Может быть, кто-нибудь сможет мне помочь.

С. И. РУССКИН
(с. Сузгарье, Мордовия)

ПЕРЕД МЮНХЕНОМ

*(Вооруженные силы Германии и Чехословакии
и планы сторон к осени 1938 г.)*

С ВЕСНЫ 1938 года после аншлюса Австрии Чехословакия, занимающая выгодное стратегическое положение в Центральной Европе, стала объектом притязаний фашистской Германии. Обладавшая значительным военно-промышленным потенциалом и сильной армией, которая считалась одной из лучших в Европе, эта страна была в состоянии оказать достойное сопротивление агрессору. В предлагаемой читателям статье не рассматриваются хорошо известные мотивы политического предательства Чехословакии англо-французскими «умиротворителями», а исследуются военно-экономический потенциал и вооруженные силы этого государства, степень эффективности его сопротивления в случае военных действий, помощь со стороны СССР, на которую можно было рассчитывать, и, наконец, некоторые особенности немецких вооруженных сил, степень их подготовленности и возможные действия.

Вопрос о подготовке к военному нападению на Чехословакию был решен Гитлером вскоре после неудачной попытки оккупировать чехословацкие приграничные районы этой страны. 30 мая 1938 года был утвержден план «Грюн», в соответствии с которым сосредоточение наступательных сил предполагалось завершить к концу сентября. Массовый призыв резервистов начался в

середине августа¹. Численность армии возрастала, а фактическая мобилизация замаскировалась периодическими увольнениями в запас с одновременным набором резервистов. В войсках проводились учения по преодолению преград и укреплений, подобных тем, какие имелись в Чехословакии.

Гитлер, учитывая, что общественное мнение пока всецело не на его стороне, решил начать военные операции не ранее конца сентября, ибо в указанном месяце должен был состояться съезд нацистской партии. К тому же армейское командование, требуя выделить длительное время на подготовку к войне, предупреждало Гитлера о риске всеобщего европейского конфликта. Начальник генштаба сухопутных войск рейха генерал Бек в меморандуме от 3 июня 1938 года выражал сомнения в быстром проведении операции: «Здравый смысл, — указывал он, — говорит за то, что успех внезапного нападения не может быть достигнут...»². Это заявление шло вразрез с требованием Гитлера как можно быстрее завершить военные действия. На совещании в Нюрнберге 9—10 сентября 1938 года Гитлер подчеркнул: «...из политических соображений необходим быстрый ус-

¹ Крал Вацлав. Дни, которые потрясли Чехословакию: Пер. с чешск. — М.: Прогресс, 1980. — С. 292.

² Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. — Т. 1. — М.: Наука, 1973. — С. 247.

Соотношение сил Германии и Чехословакии к осени 1938 года

Страны	Соотношение			
	живой силы, чел.	дивизий, ед.	танков, ед.	самолетов, ед.
Германия	2 200 000/1 825 000	47/39	720/720	2500/2400
Чехословакия	2 000 000/1 645 000	39/37	469/400	1582/1500

* Таблица составлена по данным, взятым из книги: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне: Военно-исторический справочник. — М.: Воениздат, 1972. — С. 218.

пех операции. Первые 8 дней боевых действий являются в политическом отношении решающими...»³. Гальдер изложил суть плана «Грюн»: «Задача: воспрепятствовать отходу чешской армии из района Моравии—Богемии. Разбить ее. Добиться быстрого исхода операции»⁴.

Таким образом, ставка делалась на использование почти всех имевшихся сил и фактора внезапности. Главной целью намечалось уничтожение чешской армии.

К тому времени имелся и план обороны Чехословакии. Он был представлен полномочному представителю СССР в этом государстве С. С. Александровскому в ходе его беседы с Э. Бенешем 18 мая 1938 года⁵. Считалось, что с севера и с юга указанная страна неплохо защищена укреплениями. Больше всего опасались потерять армию. Планировалось использовать три оборонительные линии: основную — на р. Влтаве, где предполагалось дать сражение за Прагу главными силами, а также на Чешско-Моравском нагорье и моравско-словацкой границе. «Мы все-таки будем драться, пробиваясь на восток, для соединения с Красной Армией... Если понадобится, чехи не посчитаются для спасения своей армии ни с какими чужими границами и территориями», — заявил Бенеш.

Немецкое же командование намечало направить удар 14-й и 12-й армий, наступающих из Австрии, на

Брно, а 2-й армии — на Оломоуц, чтобы затем, соединившись, они преградили путь к отступлению на восток основной группировке чехословацкой армии, находящейся в районе Праги, с тем чтобы в дальнейшем принудить ее к капитуляции или разгромить⁶.

Сведения о вооруженных силах обоих государств и наиболее важных их компонентах см. в табл. 1. Они достаточно красноречивы, чтобы уяснить смысл происходившего.

В числителе указывается общая численность имевшихся в армиях сил, в знаменателе — численность армии вторжения (для Германии), численность армии отражения агрессии (для Чехословакии). Цифры, определяющие количество авиации сторон, округлены.

После объявления чехословацкой стороной мобилизации немецкая пресса получила указание замалчивать ее. Позднее армейское командование потребовало не публиковать никаких положительных материалов о моральном состоянии чехословацкой армии. Печать должна была трубить о ее разложении, о хаосе в ней и большевизации. В секретных же донесениях немецкого военного атташе в Праге Р. Туссена отмечался хороший боевой дух отмобилизованной чехословацкой армии. Высокоразвитая военная промышленность обоих государств поставляла своим вооруженным силам современные образцы оружия. Вместе с тем следует отметить превосходство Германии в области авиации.

³ Там же. — С. 276.

⁴ Там же. — С. 275.

⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. — Т. 3. Июнь 1934 — март 1939. — М.: Наука, 1978. — С. 419—423.

⁶ Там же; Дашичев В. И. Указ, соч. — Т. 1. — С. 275.

Чехословацкая авиапромышленность производила довольно много легких одномоторных самолетов: истребителей и разведчиков. Типичными были В-534 фирмы «Авиа» и S-328 фирмы «Летов»⁷.

В-534 являлся стандартным истребителем чехословацких ВВС, неплохим представителем своего класса. В первой линии насчитывалось 326 истребителей этого типа. Всего успели выпустить 445 таких машин, причем 272 принадлежали к четвертой, последней модификации, имевшей улучшенные боевые характеристики. До ноября 1938 года ВВС успели получить 35 самолетов Вк-534, вооруженных 20-мм пушкой⁸.

Истребительная авиация Германии не превосходила по уровню истребительную авиацию Чехословакии. Me-109, серийное производство которого началось в 1939 году, не получил еще распространения в люфтваффе. Было выпущено лишь несколько небольших партий, причем серии Д, В, С (выпуск малой партии относится к 1937 г.) значительно уступали по характеристикам широко известной модификации Е⁹. К тому же почти все новые машины немцы перебрасывали в Испанию

для испытаний в боевых условиях. То же самое произошло и с первыми 20 машинами серии Е, которые были направлены туда осенью 1938 года (то есть непосредственно в рассматриваемый период). Немцы располагали самолетами He-112, более скоростными и аэродинамичными, чем Me-109. Они являлись основными конкурентами самолетов Мессершмитта, но их количество было незначительным: самолеты этого типа He-100 обладали весьма низкой живучестью. Система охлаждения, расположенная в крыльях, выходила из строя при наличии хотя бы одной пулевой пробойны. Из машин более раннего выпуска имелись He-51, которые предполагалось использовать как учебные в процессе поступления Me-109Е и Ag-68, которые год спустя входили в состав одной из тринадцати истребительных авиагрупп люфтваффе¹⁰. В целом (еще раз следует это подчеркнуть), несмотря на количественное превосходство, немецкая истребительная авиация не имела значительного преимущества в качестве своих машин по сравнению с чехословацкими. ВВС Чехословакии являлись для военно-воздушных сил Германии сильным противником. Чтобы одержать над ним победу, требовались значительные усилия. Тактико-технические характеристики истребителей сторон представлены в табл. 2.

⁷ S-328, предназначенный для разведки, мог выполнять функции истребителя (скорость 325 км/ч) или легкого бомбардировщика (грузоподъемность до 400 кг бомб). Sorel V. Letadla ceskoslovenskych platu. — Praha. — 1936. — S. 35.

⁸ Němeček V. Československa letadla (1918—1945). — Svazek 2. — Praha. — 1933. — S. 123, 129.

⁹ Neustädt R., Kopenhagen W.: Das große Flugzeugtypenbuch. — Berlin. — 1934. — S. 131.

¹⁰ Kozaczuk W. Wehrmacht 1933—1939. Warszawa. — 1935. — S. 383.

Таблица 2*

Марка машины	Год выпуска	Взлетный вес, кг	Скорость макс, км/ч	Скороподъемность, м/с-мин	Потолок	Вооружение (пулеметы), ед.
Me-109 B2	1938	2200	470	6000/9,83 мин	8100	3
Ag 68 E-1	1934	2020	335	12,6 м/с	8100	2
He-51 B1	1933	1090	330	12,6 м/с	7700	1
В-534 (серия 4)	1936	1980	405	15,0 м/с	10600	4

* Таблица 2 составлена на основании данных, почерпнутых из следующих источников:

Neustädt R., Kopenhagen W.: Das große Flugzeugtypenbuch. — S. 574—577; Němeček V. Československa letadla (1918—1945). — S. 258—291; Němeček V. Vojenska letadla. — Svazek 2. — Praha. — 1975. — S. 138—171; Krumbach J. Bombardovací letoun Aero MB-200 // Edice triada. — Svazek 3. — Praha. — 1937. — S. 171—172.

Марка машины	Взлетный вес, кг	Скорость макс., км/ч	Бомбовая нагрузка, кг	Дальность, км	Год выпуска
МВ-200	8199	280	1400	1000	1935
СБ-71	6000	430	600	1000	1938
86Д-1	8000	323	800	1480	1936
До-17	8890	410	1000	2000	1937
He-111	9200	368	1360	1660	1935

* Таблица 3 составлена на основании данных, почерпнутых на следующих источниках:

Neustädt R., Kopenhagen W.: Das große Flugzeugtypenbuch. — S. 574—577; Nemeček V. Československa letadla (1918—1945). — S. 258—291; Nemeček V. Vojenská letadla. — Svazek 2. — Praha. — 1975. — S. 138—171; Krumbach J. Bombardovací letoun Aero MB-200 // Edice triada. — Svazek 3. — Praha. — 1987. — S. 171—172.

По-иному складывалось соотношение сил в бомбардировочной авиации сторон. Если устаревшие бомбардировщики (тип МВ-200) составляли 1/3 всех бомбардировщиков Чехословакии, то в тридцати бомбардировочных авиагруппах люфтваффе большая часть из 235 устаревших самолетов типа М-86 была выведена из первой линии и заменена на современные по тому времени До-17 и He-111¹¹. Характеристики бомбардировщиков военно-воздушных сил Германии и Чехословакии указаны в табл. 3.

Чехословакия имела опытные образцы бомбардировщиков собственной конструкции, но серийный их выпуск не освоила. С 1935 года заводы этой страны производили самолет Блох-200 по французской лицензии. Когда же стало ясно, что он устарел, встал вопрос о его замене. Помощь в этом оказал Советский Союз. Представители ВВС Чехословакии, выбирая для себя новый бомбардировщик, остановились на новейшем для того времени самолете СБ-2. В марте 1937 года Чехословакия получила лицензию на его производство. Кроме того, СССР передал в распоряжение чехословацких ВВС 61 самолет СБ, изготовленный на советских авиазаводах. На трех авиазаводах Чехословакии (Летов, Авиа и Аэро) было выпущено более 160 экземпляров лицензионного самолета с маркой СБ-71. К осени 1938 года в частях имелось

уже около 100 самолетов данного типа¹².

Характерно, что помощь СССР в деле усиления чехословацкой авиации, т. е. в том, в чем особенно нуждалась тогда Чехословакия, могла бы оказаться весьма эффективной. В составе ВВС Чехословакии было 6 авиаполков, насчитывавших 55 боевых эскадрилий (21 истребительную, 13 бомбардировочных, 21 разведывательную). Всего же имелось 1514 самолетов всех типов, из них в полной боевой готовности: истребителей — 326, бомбардировщиков — 155, разведчиков — 320. В то же время 12 авиабригад СССР на западных границах включали около 2000 самолетов, причем из них были подготовлены к переброске 548 машин, расположенных в Киевском и Белорусском округах (246 бомбардировщиков и 302 истребителя)¹³.

По мнению чехословацкого генерального штаба, уровень подготовки немецких летчиков в целом был невысок. «Хотя Германия значительно превосходила нас по количеству самолетов, большинство пилотов прошло только трех-четырёхмесячное обучение»¹⁴, — отмечалось в одном из его документов. Несмотря на заявления гитлеровской пропаганды, что немецкая авиация способна уничтожить все европейские столицы, последняя была готова

¹¹ Nemeček V.: Československa letadla. Svazek 2. — Praha. — 1983. — S. 157—158.

¹² Nemeček V.: Československa letadla. — Svazek 2. — Praha, 1983. — S. 11.

¹³ Край Вацлав. Дни, которые потрясли Чехословакию. — С. 176.

¹⁴ Das große Flugzeugtypenbuch. — S. 124.

лишь к взаимодействию с наземными войсками, а не к стратегическим бомбардировкам тыла. Сами немцы считали, что внезапность действий ВВС может быть сорвана в случае плохих погодных условий¹⁵.

ВВС Чехословакии тоже имели слабые стороны. Сказывалась нехватка современных для того времени бомбардировщиков, а также то, что большое количество аэродромов располагались довольно близко от границы (23 из них находились на отторгнутых впоследствии территориях). «Наиболее уязвимой частью чехословацкой армии была авиация, и только советская помощь могла возместить этот пробел. Французское командование тогда буквально тряслось от страха перед нацистской авиацией, и Чехословакия не могла рассчитывать на помощь Франции»¹⁶, — считает известный чехословацкий историк Вацлав Крал.

Если в области развития авиации Чехословакия во многом уступала Германии, то в сфере оснащения армии бронетанковой техникой положение было прямо противоположным. В 1938 году чехословацкая армия имела четыре мобильных дивизии, в состав которых входили танковые и кавалерийские бригады, моторизованная пехота и артиллерия. В период мобилизации эти четыре мобильных дивизии составляли резерв главнокомандующего и сосредоточивались в Средней Моравии. 14 дивизий было моторизовано полностью, 13 стрелковых — частично¹⁷. Начиналось формирование танковых дивизий. Г. Гудериан писал в мемуарах, что чешские танки оказались хорошими и оправдали себя во время польской и французской кампаний. Войска располагали 348 легкими танками (7,5—10,5 т), 70 танкетками (2,5 т) и 75 бронеавтомобилями¹⁸. Основным танком чехословацкой армии являлся легкий танк Т-35, выпускавшийся на заводах Шкода. В частях насчитывалось до

300 таких танков. Лучшим чехословацким легким танком и одним из лучших в мире предвоенных легких танков был TNHrS (ЧКД), последняя модель этой машины полностью отработана до оккупации страны. Захваченные в результате оккупации страны чехословацкие танки к моменту нападения на СССР составляли 1/4 танкового парка вермахта.

В 1938 году гитлеровские танковые дивизии были укомплектованы танками с пулеметным вооружением (три модификации танка Т-1) и в очень небольшом количестве танками Т-II¹⁹. Впервые немецкая танковая техника применялась в 1936 году во время гражданской войны в Испании. Танки Т-I, имевшие только пулеметное вооружение, были совершенно беспомощными перед машинами республиканцев, вооруженных пушками. Жесткая подвеска и плохая обзорность снижали их боевые качества. В конце 1936 года на вооружение принимается танк Т-II. Он являлся основным немецким танком даже в 1940 году, во время кампании во Франции, несмотря на исключительно слабое даже для конца 30-х годов вооружение — одну 20-мм пушку. Средние танки Т-III и Т-IV в 1938 году еще только запускались в серийное производство.

По основным параметрам чехословацкие танки в 1938 году превосходили немецкие. Поэтому даже более чем двукратное превосходство в числе машин (720 против 348) не позволяло германским танковым соединениям вести успешную борьбу с чехословацкими в случае боевых действий.

Чехословацкая армия располагала значительным количеством первоклассной артиллерии отечественного производства (после оккупации Чехословакии немцы захватили 2675 орудий всех типов). В предвоенное десятилетие в стране было выпущено немало разных автомобилей, в том числе и армейских. Грузовики строились фирмами «Шкода», «Татра», «Прага», «Вальтер». Все эти машины могли найти применение

¹⁵ Webster Ch. Munich Reconsidered // Loewenheim F. L. Peace or Appeasement? — Boston, 1965. — P. 189.

¹⁶ Крал Вацлав. Дни, которые потрясли Чехословакию. — С. 179.

¹⁷ Там же. — С. 35.

¹⁸ Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. — С. 217.

¹⁹ Мостовенко В. Д. Танки: Очерки из истории зарождения и развития бронетанковой техники. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Воениздат, 1958. — С. 133.

ние в ходе военных перевозок в 1938 году. Ведущие чехословацкие автозаводы начали выпуск автомобилей повышенной проходимости. Одним из лучших среди них был тип RV, которым пользовались польская, румынская и югославская армии. Первые серии автомобиля типа RV автозавод «Прага» выпустил уже в 1935 году. Конструкция автомобиля считалась по тому времени самой современной.

Чехословацкая военная промышленность могла обеспечить армию своей страны всем необходимым. Однако представители ее промышленных кругов были заинтересованы скорее в экспорте оружия. Их мало занимало то, что собственная армия испытывала затруднения в отдельных видах вооружений. Отечественная военная промышленность, удельный вес которой на мировом рынке оружия составлял тогда 40 проц., давала для своей армии лишь 20 проц. ежегодной продукции.

Большую роль в отражении агрессии могло сыграть и советско-чехословацкое военное сотрудничество. С момента подписания договора о взаимной помощи 16 мая 1935 года был накоплен опыт обмена информацией, заключен ряд договоров о поставках оружия, состоялись визиты представителей Министерства национальной обороны Чехословакии в СССР. Только в 1938 году состоялось несколько важных встреч. В начале года Генеральный директор федерации заводов Шкода инженер Громатко подписал соглашение о взаимных поставках оружия. В середине года в Прагу прибыла советская военная делегация, которая неоднократно встречалась с представителями МНО и осмотрела приграничные укрепления. Советские специалисты дали рекомендации по их использованию. К концу

июля в Москву прибыл чехословацкий авиационный атташе Пекарж, и состоялся обмен информацией о состоянии советской и чехословацкой авиации. В августе 1938 года в Москву снова прибыл Громатко. Он провел серию переговоров о дальнейшем сотрудничестве²⁰. В августе в СССР по приглашению прибыл командующий чехословацкими ВВС генерал Я. Файфр. В ходе переговоров обсуждался план обороны Чехословакии с помощью Красной Армии. Однако Бенеш и генерал Сыровы высказывались против присутствия Красной Армии на территории Чехословакии. Последний пинично заявил: «Мы будем воевать с немцами либо сами, либо вместе с вами (то есть англичанами) и французами. Мы не хотим, чтобы русские были здесь»²¹. Антисоветизм явно брал верх над здравым смыслом.

Руководство буржуазной Чехословакии отдало страну на растерзание гитлеровских оккупантов. При надлежащей организации обороны чехословацкая армия могла, действуя самостоятельно, если не задерживать, то нанести тяжелый урон захватчикам, а возможно, и сорвать их планы оккупации страны. В случае же обращения за помощью к Советскому Союзу появлялась возможность разгрома и поражения агрессора. Но руководство Чехословакии позорно капитулировало, предало национальные интересы и вергло страну в более чем шестилетнюю оккупацию, принесшую чешскому и словацкому народам неисчислимые бедствия и страдания.

А. С. СТЕПАНОВ

²⁰ Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. — С. 224.

²¹ Крал В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша: Пер. с чешск. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. — С. 205.

Продолжаем публиковать предвоенные документы,
связанные с разработкой планов прикрытия западных границ СССР.

Готовил ли СССР превентивный удар?

**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ**

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

14 мая 1941 г.

№ 503920/сс/ос

Экземпляр № 2

**КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ
ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА**

Карта 1 : 1 000 000

С целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск Прибалтийского особого военного округа к 30 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

а) детальный план обороны государственной границы Литовской ССР от Паланга до иск. Капчямистис, план противодесантной обороны побережья Балтийского моря к югу от залива Матсалу и островов Даго и Эзель;

б) детальный план противовоздушной обороны.

I. Задачи обороны:

1. не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа;

2. упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа;

3. обороной побережья и островов Эзель и Даго совместно с КБФ не допустить высадки морских десантов противника;

4. противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить бесперебойную работу железных дорог и сосредоточение войск округа;

5. всеми видами разведки округа сведе-

ременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

6. активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушать и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

7. не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника;

8. оборону эстонского побережья от Нарвского залива до залива Матсалу и острова Вормси с первого дня мобилизации передать командованию Ленинградского военного округа. Одновременно передать в состав войск ЛВО 65-й стрелковый корпус с 16-й и 11-й стрелковыми дивизиями и 4-ю авиационную дивизию.

Разработка плана прикрытия по этому участку обороны возлагается на командование ЛВО.

11. Оборону государственной границы организовать, руководствуясь следующими основными указаниями:

1. В основу обороны положить упорную оборону создаваемых укрепленных районов и полевых укреплений по линии госграницы с использованием всех сил и возможностей... Обороне придать активный характер действий. Всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно ликвидировать контраатаками корпусных и армейских резервов.

2. Особое внимание уделить противотанковой обороне. В случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника борьбу с ними и ликвидацию прорыва осуществить непосредственным распоряжением командования округа, для чего прежде всего использовать противо-

танковые артиллерийские бригады, механизированные корпуса и авиацию. Задача противотанковых бригад — на подготовленных рубежах встретить танки противника мощными артиллерийским огнем и совместно с авиацией удержать их до подхода и контрудара наших мотомехкорпусов. Задача мехкорпусов — развертываясь под прикрытием противотанковых бригад, мощными фланговыми и концентрическими ударами совместно с авиацией нанести окончательное поражение мехчастям противника и ликвидировать прорыв.

3. Особо ответственными направлениями считать:

- а) Мемель, Тельшай;
- б) Тильзит, Шяуляй;
- в) Гумбинен, Каунас;
- г) Сувалки, Олита.

4. При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов.

III. Правее Ленинградский военный округ с основной задачей обороны Ленинграда. Передаваемый в его состав 65-й стрелковый корпус организует оборону от Нарвского залива до залива Матсалу. Штаб корпуса — Тюри.

Граница с ЛВО — иск. Осташков, иск. Остров, Выру, иск. Вильянди, острова Эзель и Даго (включительно).

Левее Западный Особый военный округ. Штаб с 3-го дня мобилизации — Барановичи. Его правофланговая 3-я армия орга-

низует оборону на фронте Капчямистис, Щучин. Шт[аб] арм[ии] — Гродно.

Граница с ЗапОВО — иск. Полоцк, иск. Ошмяны, иск. Друскининкай, Маргграбова, иск. Летцен.

IV. Для выполнения поставленных задач иметь три района прикрытия. Район прикрытия № 1 — 27-я армия

Состав:

Управление 27-й армии;

67-я стрелковая дивизия;

183-я стрелковая дивизия;

3-я отд[ельная] стрел[ковая] бригада; береговая оборона побережья и островов Эзель и Даго;

пограничные части.

Начальник района — командующий 27-й армией.

Шт[аб] арм[ии] — Рига.

Граница слева — Мажейкяй, иск. Паланга.

Задачи: а) оборона побережья от залива Матсалу до Паланга (иск.) и островов Эзель и Даго...

Приложение — схема прикрытия войск ПриБОВО на карте 1:1 000 000 в одном экземпляре (только при экземпляре № 1).

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
С. ТИМОШЕНКО

Начальник Генерального штаба КА

генерал армии Г. ЖУКОВ

Верно: заместитель начоперупра

Генштаба КА

генерал-майор [А.] ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАОВС, ф. 18, оц. 2951, д. 237, лл. 33—37.

47.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

УТВЕРЖДАЮ:
НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ОБОРОНЫ СССР
Маршал Советского Союза
ТИМОШЕНКО

« в июня 1941 года

Экземпляр № 1

ПЛАН ПРИКРЫТИЯ ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НА ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ, СОСРЕДОТОЧЕНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ ВОЙСК ОКРУГА

(Карта 500 000)

I. Соображения о возможностях противнике

Территория Восточной Пруссии как театр военных действий хорошо подготовлена для оборонительных и наступательных операций. Наличие Балтийского моря обеспечивает немцам ведение совместных боевых действий сухопутными и морскими сил и высадку крупных десантов,

По своим физическим свойствам и объему Восточная Пруссия позволяет использовать все рода войск в крупном масштабе. Железнодорожная сеть с общей пропускной способностью до 300 поездов в сутки, из которых до 200 может быть использовано для оперативных перевозок, обеспечивает уже на 12-й день мобилизации сосредоточение до 48 усиленных пехотных дивизий, а развитая сеть грунтовых дорог и наличие автостреды допускают переброску моторизованных и механизированных войск, количество которых против ПриБОВО может быть определено до шести танковых и двух-трех моторизованных дивизий. Противник может использовать и морские перевозки через порты Мемель, Кенигсберг и другие.

Аэродромная сеть Восточной Пруссии (до пятидесяти аэродромов и большое число посадочных площадок) позволяет вернуть до 20—24 эскадр авиации.

Наиболее вероятными для противника операционными направлениями будут:

а) Тильзит, Шяуляй, Риге (или Шяуляй, Даугавпилс) с вспомогательным направлением на Мемель, Тельшяй или Мемель, Шяуляй, для последующих действий, или на Псков — в тыл ЛВО, или совместных действий с каунасской группировкой;

б) Гумбинен, Каунас, Вильно с последующим ударом на Минск;

в) Сувалки, Алитус, Лида (или Гродно) для воздействия на правое крыло и тыл Западного фронта;

г) частный удар от Сувалки через Калвария на Каунас.

Вероятными районами высадки морских десантов являются:

а) острова Хиума (Даго) и Сааремаа (Эзель),

б) прибрежная полоса от мыса Колкасраг до Паланга в пунктах Вэнтспилс, Павилоста, Лиенапя.

Действий морских сил противника надо ожидать по форсированию Ирбенского пролива для овладения Рижским заливом и проливов Созла-вэйн, Муху-вэйн для овладения островами Даго и Эзель.

II. Задачи прикрытия:

а) не допустить вторжения как наземных, так и воздушных сил противника на территорию ПриБОВО;

б) упорной обороной по линии госграницы и рубежу создаваемых укрепленных районов отразить наступление противника и обеспечить от мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск округа;

в) обороной побережья и островов Даго и Эзель совместно с КБФ не допустить высадки морских десантов противника, действиями маневренных групп и авиации лик-

видировать воздушные десанты противника, не допуская прорыва морских сил в Ирбенский пролив и устье Финского залива;

г) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить бесперебойную работу железных дорог, сосредоточение войск округа и работу складов;

д) завоевать господство в воздухе и ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам, группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

е) во взаимодействии с погранижскими ликвидировать бандитские и диверсионные группы, не допустить сбрасывания и высадки на территорию округа воздушных десантов противника;

ж) организовать охрану важнейших объектов и восстановление разрушений, которые могут быть произведены авиацией противника;

з) всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника, в первую очередь его мотомеханизированных частей, и направление их удара...

Командующий войсками ПриБОВО
генерал-полковник КУЗНЕЦОВ
Член военного совета ПриБОВО
корпусной комиссар ДИБРОВА
Начальник штаба ПриБОВО
генерал-лейтенант КЛЕНОВ

№ 0030

Исполнено в двух экземплярах.

2.6.41.

Исполнитель генерал-майор ТРУХИН

ЦАОВС, ф. 16, оп. 2951, д. 242, лл. 1—5,
28—25, 35.

Публикацию подготовил
полковник Е. П. ЗЮЗИН,
кандидат исторических наук



НАМ ПИШУТ:

НА ЗАПРОС, посланный в 1988 году в Центральный архив Министерства обороны СССР, мне сообщили, что мой отец «полковой комиссар

Бердников Михаил Панкратьевич исключен из списков Красной Армии как пропавший без вести 10.7.41 года». По документам отец продолжает числиться «пропавшим без вести», в то время как обстоятельства его гибели нам стали известны еще в 1944 году.

Институт, где работала мама, посылал сотрудников записывать рассказы бывших партизан. С помощью одного из них, Василия Ивановича Силачева, удалось установить, что папа погиб в бою у деревни Стехново Ново-

ржевского района Калининской области, когда бойцы 128-й стрелковой дивизии под его командованием прорывались из окружения.

В № 6 журнала за 1991 год вы сообщили о намерении опубликовать краткие сведения о погибших в годы войны генералах и адмиралах. Спасибо за доброе дело. Думаю, что и нам, родным и близким погибших, и Родине небезразлично, где и как погибли ее сыны.

Низкий поклон вам.

К. М. ДУЛОВА
(Санкт-Петербург)

Партийные вожди, руководители государства и Вооруженных Сил СССР.
Кто из них принимал и как выполнял военную присягу?
Публикуемый документ дает читателю повод к размышлению.



ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Подпись

И. Сталин

Звание Член Главного Военного Совета РККА

Имя, отчество и фамилия Иосиф Виссарионович

СТАЛИН

Наименование части, управления, учреждения _____

23 февраля 1939 г.

(Факсимильная копия)

ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА, 1941 год

(Документы и комментарии)

В ПЛАНАХ гитлеровского командования Ленинград рассматривался как один из первоочередных объектов, которым соединения вермахта должны были овладеть во что бы то ни стало. В овладении городом Гитлер и его генералы видели ключ ко всей «русской кампании». К северу от Ленинграда были развернуты две финские полевые армии. Основные события на северо-западном направлении с началом войны развернулись в Прибалтике. На северном участке противник перешел в наступление в конце июня 1941 года.

Никто из политического и военного руководства Германии не сомневался в том, что наступление на Ленинград будет проведено быстро, без каких-либо существенных осложнений.

4 июля в связи с угрозой прорыва противника в районе Острова и Пскова и для создания глубоко эшелонированной обороны на дальних подступах к Ленинграду Ставка приказала привлечь для защиты города часть сил Северного фронта:

«Военному совету Северного фронта.

В связи с явной угрозой прорыва противника в районе Остров, Псков немедленно занять рубеж обороны на фронте Нарва, Луга, Старая Русса, Боровичи.

На этом рубеже и на предполье глубиной 10—15 км создать сплошные заграждения и минные поля, оставив лишь пути для войск Северо-Западного фронта. Собрать больше противотанковых пушек и поставить их в качестве орудий ПТО. Разрешается снять часть дивизионов с противовоздушной обороны окру-

га, включительно до снятия ее с Выборга и других объектов.

Иметь в виду возможность действий мехкорпусов с Ленинграда в южном направлении.

Донесите, какие оборонительные работы фактически проведены по р. Луга и какие части находятся на этом рубеже.

№ 91/НГШ — 4.7.1941 года.

ЖУКОВ»¹.

На следующий день из Генерального штаба поступила еще одна директива:

«Военному совету Ленинградского военного округа.

Для прикрытия города Ленинграда и важнейших направлений с юго-запада и юга: Гдов—Кингисепп—Ленинград, Луга—Ленинград, Новгород—Ленинград, Вышний Волочек—Ленинград построить оборонительный рубеж на фронте (иск.) Кингисепп, Толмачево, Огорели, Бабино, Кириши и далее по зав[адному] берегу р. Волхов. Отсечную позицию — на рубеже Луга, Шимск.

Наиболее прочно прикрыть направление Гдов—Ленинград, Луга—Ленинград, Шимск—Ленинград.

Рубеж должен состоять из предполья и дивизионных полос. В дивизионной полосе сооружения строить из местных материалов — дерево-земляные и каменно-земляные, исходя из штатного количества огневых средств стрелковых полков и батальонов. [В] первую очередь строить противотанковые препятствия [с] одновременным строительством сооружений полевого типа.

Для тактико-технического руководства строительством выделить командный и инженерно-технический состав.

Просить Ленинградский областной Совет депутатов трудящихся и Ленинградский областной комитет ВКП(б) за счет строительных организаций и местного населения гор. Ленинграда и Ленинградской области обеспечить строительство рубежа рабочей силой, транспортом, механизмами, инструментом и стройматериалами.

[К] строительству рубежа приступить немедленно. Окончание строительства 15.7.[19]41 г.

ЖУКОВ»².

Руководство боевыми действиями Северного, Северо-Западного фронтов и Балтийского флота с 10 июля по 29 августа 1941 года осуществлялось Главным

¹ ЦАОВС. ф. 48а, оп. 1554, д. 9, л. 165.

² Там же, л. 177.

командованием Северо-Западного направления во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым. 10 июля перешла в наступление финская армия на Онежско-Ладожском перешейке против 7-й армии Северного фронта. Она достигла побережья Ладожского озера, продвинулась на петрозаводском, олонечком и сортовальском направлениях. Но активная оборона советских войск заставила противника приостановить наступление.

Одновременно ударные соединения группы армий «Север» с рубежа Псков, р. Великая без оперативной паузы устремились к Луге и Новгороду, чтобы прорваться к Ленинграду и взять его с ходу. Начались ожесточенные бои на дальних подступах к городу.

8-я армия Северо-Западного фронта, сражавшаяся с первого дня войны с ударными соединениями группы армий «Север», вынуждена была отойти на территорию Эстонии и, по существу, вышла из полосы действий Северо-Западного фронта. Учитывая это, командующий Северо-Западным направлением маршал Ворошилов отдал приказ:

«Командующему Северным фронтом,
Командующему Северо-Западным фронтом. Командующему
Краснознаменным Балтийским
Военно-Морским флотом.
Копия — для Ставки.

В связи с изменившейся обстановкой приказываю:

1. 8-ю армию передать с 24.00 13.7[19]41 в подчинение командующего Северным фронтом с задачей упорно оборонять территорию Эстонской ССР, включая Моонзундские острова.

2. Установить между фронтами следующую границу: Бологое, Новгород, Похонь, Псков — все включительно для Сев[еро]-Зап[адного] фронта.

3. 41 ск передать в подчинение командующего Северным фронтом с 24.00 13.7[19]41. С этого же времени ответственность за оборону направлений Луга, Псков и Гдов возлагать на командующего Северным фронтом, которому принять все необходимые меры к приведению частей корпуса в боеспособное состояние³.

4. Краснознаменному Балтийскому флоту перейти в мое непосредственное подчинение с 24.00 13.7[19]41. Задачи оставить прежние.

Главнокомандующий
Северо-Западным направлением
Маршал Советского Союза
К. Е. ВОРОШИЛОВ,
Начальник штаба
генерал-майор ЗАХАРОВ»⁴.

С выходом немецких войск к лужскому оборонительному рубежу и захватом двух плацдармов на правом берегу реки Луга обстановка резко обострилась. В

приказе от 14 июля главнокомандующего войсками Северо-Западного направления подчеркивалось, что над Ленинградом нависла прямая опасность вторжения врага:

«...Товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Над городом Ленина — колыбелью пролетарской революции — нависла прямая опасность вторжения врага.

В то время как войска Северного фронта мужественно бьются с озверелыми фашистско-шюцкоровскими⁵ полчищами на линии от Баренцева моря до Ханко и Таллинна, героически защищают каждую пядь нашей родной советской земли, войска Северо-Западного фронта, не всегда давая должный отпор противнику, часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение, чем еще больше поощряют обнаглевшего врага. Отдельные паникеры и трусы не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов. Командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают паники, не организуют и не ведут свои части в бой, но и своим позорным поведением иногда еще больше усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта.

Обнаглевший враг продолжает продвигаться вперед. Мною даны указания провести строжайшее расследование всех преступных случаев самовольного оставления фронта отдельными частями, командирами и бойцами и всех виновных, невзирая на ранги и старые заслуги, предать суду полевых военных трибуналов с применением самого сурового наказания, вплоть до расстрела.

Этим и другим фактам позорного поведения на поле боя противостоят вызывающая восхищение всего мира доблесть и отвага многих наших героических бойцов и политработников, которые с яростью и подобающим честным советским патриотам и воинам мужеством уничтожают наглого врага.

Товарищи, враг не только должен быть приостановлен, но и уничтожен на подступах к нашему великому Ленинграду.

Чтобы нанести сокрущительный удар фашистской сволочи, необходимы воля к победе, энергия, упорство в борьбе и священная большевистская ненависть к гнусному врагу, которого мы обязаны уничтожить во что бы то ни стало и, разумеется, обязательно уничтожим. Сила и мощь нашей Красной Армии должны быть развернуты полностью, необходимо использовать до конца мужество, смелость и героизм, свойственные нашему великому советскому народу.

Приказываю:

1. Командирам корпусов, дивизий и полков навести воинский порядок в ча-

⁵ Шюцкор — военизированная организация в Финляндии. Создана в 1921 г. В 1940 г. вошла в состав ВС Финляндии, принимала участие в боях против советских войск. Распущена в 1944 г.

³ Так в документе.
⁴ ЦАОВС, ф. 249, оп. 3053, л. 1, л. 33.

«Главнокомандующему [войсками]
Северо-Западного направления,
командующему Балтийским
Военно-Морским Флотом,
командующим фронтами:
Северным и Северо-Западным,
командующему ВВС Красной Армии.

Расшифровать и вручить
немедленно.
Военному совету 8-й армии

По показаниям пленных немецких летчиков, немцы готовят большое воздушное нападение на Ленинград.

Ставка Верховного Командования приказывает:

1. Вести систематическую разведку в расположении противника на глубину до 300 км, начиная с 18.7[19]41. Разведкой своевременно выявлять подготовку операции, районы сосредоточения ВВС немцев.

2. Подготовить удар по аэродромам противника перед началом его операции с целью истребления его самолетов.

3. Организовать взаимодействие истребительной авиации ПВО Северного и Северо-Западного фронта, ВВС, КБФ с зенитными средствами как днем, так и ночью на подступах Ленинграда.

4. Организовать тщательный контроль за состоянием службы ВНОС и всей системы ПВО. Обеспечить свободу маневра истребительной авиации ПВО, фронтовой и ВВС КБФ, выводом бомбардировочной авиации с аэродромов зоны ПВО.

ЖУКОВ» 8.

Важную роль в срыве вражеских планов по овладению Ленинградом с ходу сыграли войска 8-й армии, оборонявшиеся в Эстонии. Немецко-фашистское командование рассчитывало, что 8-я армия не сможет оказать серьезного сопротивления. Поэтому для действия в Эстонии оно направило только две пехотные дивизии 26-го армейского корпуса и части 58-й пехотной дивизии. Однако противнику не удалось в короткий срок выйти на побережье Финского залива и овладеть Таллином. Враг оказался вынужденным с 17 июля приостановить свое наступление; для его возобновления потребовалось перебросить в Эстонию еще три пехотные дивизии.

22 июля противник возобновил наступление против 8-й армии. С 23 по 25 июля продолжались ожесточенные бои. Попытки противника развить успех в направлении Пайде были отражены частями 10-го стрелкового корпуса. Зато на направлении Пыльтсама, Муствэ вражеские войска почти не встречали сопротивления. Они быстро продвигались на восток и к 25 июля достигли западного побережья Чудского озера в районе Муствэ. 11-й стрелковый корпус оказался отрезанным от главных сил армии. В этот же день командование Северного фронта направило военному совету 8-й армии шифрограмму следующего содержания:

«Сов. секретно.
Ш и ф р о м.

1. Перед фронтом вашей армии действуют дивизии резервного 26-го корпуса, имеющие чрезвычайно растянутые и пустые тылы.

Противник действует дерзко, нахально, выходя небольшими частями на наши коммуникации, создавая лишь видимость окружения.

Этот противник при умелом активном руководстве нашими войсками может и должен уничтожаться. Однако вместо активных действий командование всех степеней крайне болезненно реагирует на появление в своем тылу небольших группировок противника и отводит войска, вместо того чтобы их организовать для активного разгрома противника, выходящего на тылы.

2. Главком Ворошилов требует от нас организации четкого и волевого управления войсками, чтобы направить их усилия на разгром врага, где бы он ни появлялся.

3. Во исполнение указаний главкома приказываю:

1) Прекратить необоснованный отход войск, не допускать оборону кордонным расположением и перейти к активным действиям ударными группировками по флангам и тылам прорывающегося противника.

2) На участке 10 ск создать ударную группу с целью противодействия прорывам противника и его решительного подавления.

Ваша задача: объединить и организовать войска, отводимые вами на рубеж Ст. Педья, Логовезь, создать из них ударную группировку в районе Педья, усилив ее подаваемым вам пополнением, и решительными действиями 27—28.7[19]41 в южном и юго-восточном направлениях, во фланг и тылы 254 пд немцев, уничтожить ее. Руководство этой операцией возлагаю на вас. Одновременно с этим, создав ударную группу частей 10 ск, активно действовать по флангам и тылам противника, последовательно и по частям уничтожать его.

4) Для усиления 8-й армии вам придается три маршевых батальона, две батареи, рота танков и бронемашин, батальон морской пехоты. Кроме того, на аэродром в районе Таллинна распоряжением адмирала Исакова для взаимодействия с вами подсаживается эскадрилья штурмовиков.

Перечисленное прибывает к вам в течение 25—26.7[19]41.

Станция выгрузки в вашем распоряжении.

5) Отданные распоряжения и план операции донести 25.7[19]41 22.00 шифром.

№ 5053.

**ПОПОВ, НИКИШЕВ,
КЛЕМЕНТЬЕВ» 9.**

* Там же, ф. 217, оп. 2970, д. 16, л. 95.

* Там же, ф. 221, д. 220, лл. 232--234.

Командующий Северным фронтом, учитывая сложность обстановки в полосу 8-й армии, во избежание разгрома ее соединений по частям 1 августа приказал командующему армии отвести войска на линию Мявнику (65 км южнее Таллинна), Нихме (25 км юго-западнее Тапа), Саузаугу (14 км юго-восточнее Раквере) и прочно удерживать этот рубеж.

Немецкие войска, перегруппировав свои силы, возобновили наступление. Соединения 8-й армии, оборонявшиеся на направлении Тапа, Кунда, подверглись сильным ударам авиации и артиллерии противника и не смогли препятствовать его продвижению. К исходу дня 7 августа противник вышел к побережью Финского залива в районе Кунда. 8-я армия оказалась разобщенной на две изолированные части. 10-й стрелковый корпус совместно с Краснознаменным Балтийским флотом и ее управление продолжали вести бои на нарвско-ленинградском направлении. Три документа, представленные ниже, отражают эту обстановку.

«Серия Г

Особой важности.

Командующему 8-й армией
генерал-лейтенанту тов. Пшенникову

Копия: Главкому [войсками]
Северо-Западного направления.

Ваше решение на отход на рубеж р. Кунда считаю неправильным и не отвечающим обстановке.

Перед Вами поставлена активная задача по уничтожению и разгрому впереди стоящего противника. Эту задачу Вы должны выполнить во что бы то ни стало.

Выдвижение Вами значительного количества войск 118 и 208 сд в оборону говорит за Ваш отказ от активных действий.

Приказываю:

1. Прочно удерживая рубеж р. Лобу, не допустить противника в северо-восточном и восточном направлении.

2. Частями созданной ударной группировки (118, 268 сд и 10 ск) выполнить ранее поставленную перед Вами задачу по уничтожению противника в районе Тапа.

Ваше решение донести немедленно.

№ 105/оп.

**ПОПОВ, КЛЕМЕНТЬЕВ,
ГОРОДЕЦКИЙ»¹⁰**

¹⁰ Там же, л. 246.

Генерал-лейтенант М. М. Попов — командующий Северным фронтом (24.6.41 г. — 26.8.41 г.); корпусной комиссар Н. Н. Клементьев — член военного совета фронта (24.6.41 г. — 26.8.41 г.); генерал-майор Д. Н. Никишев — начальник штаба СФ (24.6.41 г. — 23.8.41 г.); полковник Н. В. Городецкий — начальник штаба СФ (23.8.41 г. — 26.8.41 г.).

Копия: Начальнику штаба
главкома [войсками]
Сев[еро]-Зап[адного] направления.

1. Шифровки Ваши получены [в] 7.30 сегодня. Из них понял, что Вы не выполняете указаний главкома, мотивируя это сложившейся обстановкой, т. е. попыткой противника окружить Вашу группировку в районе Раквере.

2. Считаю дальнейший отход как ракверевской группировки, так и Николаева недопустимым и преступным, ибо создаются благоприятные условия для противника, дающие ему возможность бить вас по частям.

3. Боевой порядок ракверевской группировки построен без учета выполнения указаний главкома по разгрому ракверевской группировки. Это надо немедленно перестроить. Для чего необходимо:

а) рубеж р. Кунда как можно серьезнее укрепить и занять его остатками 11 ск;

б) 118 и 268 сд собрать для удара с целью разгрома противника, который уже серьезно потрепан предыдущими боями. Сейчас группировка этому не отвечает, 118 и 208 сд связаны и к тому же 268 сд может быть зажата в лесу, т. е. не выйдет для контрудара;

в) 10 ск должен не отходить на Таллинн, а наступать на восток, с тем чтобы содействовать Вам в разгроме противника. Если Вы этого не организуете, то положение для Вас резко ухудшится и Вы противнику развяжете руки.

4. Командующий фронтом требует от Вас плана действий на ближайшее будущее, точное положение противника и своих войск.

Эти данные передать не позднее 17 часов сегодня.

НИКИШЕВ

№ 67 7.8. 41 г.»¹¹

*Публикацию подготовил
полковник Б. Н. ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук*

¹¹ Там же, лл. 247—248.

(Окончание следует)

ГКО постановляет...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-169 сс (№ 00381)

от 16 июля 1941 г. Москва, Кремль.
Государственный Комитет Оборона устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удивительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей.

Однако наряду с этим Государственный Комитет Оборона должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнажившим противником.

Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Оборона считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии.

Исходя из этого, Государственный Комитет Оборона, по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

- 1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;
- 2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;
- 3) бывшего начальника связи Западного фронта генерал-майора Григорьева;
- 4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова;
- 5) бывшего командира 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майора Кособуцкого;
- 6) бывшего командира 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Селихова*.
- 7) бывшего заместителя командира 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Курочкина;
- 8) бывшего командира 30-й стрелковой дивизии** Южного фронта генерал-майора Галактионова;
- 9) бывшего заместителя командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Елисеева.

Воздавая должное славным и отважным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Оборона предупреждает вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии, памятуя, что железная дисциплина в Красной Армии является важнейшим условием победы над врагом.

Государственный Комитет Оборона требует от командиров и политработников всех степеней, чтобы они систематически укрепляли в рядах Красной Армии дух дисциплины и организованности, чтобы они личным примером храбрости и отваги вдохновляли бойцов на великие подвиги,

* Так в документе, правильно М. Б. Селихов.

** Так в документе, правильно 30-я горно-стрелковая дивизия.

чтобы они не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины.

**Председатель
Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН**

Главнокомандующим, военным советам фронтов и армий, командующим военными округами, командирам корпусов и дивизий.

Настоящее постановление Государственного Комитета Обороны прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, авиаэскадрильях.

*Ниже публикуются материалы
Верховного суда СССР,
дополняющие
постановление ГКО-169 от
16 июля 1941 г.*

Копия

**ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-09510/57
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

В составе: председательствующего полковника юстиции БОРИСОГЛЕБСКОГО и членов полковника юстиции ЛИХАЧЕВА и полковника юстиции ЦЫРЛИНСКОГО рассмотрела в заседании от 31 июля 1957 г.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА СССР**

в порядке ст. 378 УПК РСФСР на приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля 1941 года, которым осуждены на основании ст. ст. 193—17 п. «б» и 193—20 п. «б» УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу, с лишением воинских званий и конфискации имущества:

1. бывший командующий Западным фронтом генерал армии ПАВЛОВ Дмитрий Григорьевич, 1897 года рождения;
2. бывший начальник штаба Западного фронта генерал-майор КЛИМОВСКИХ Владимир Ефимович, 1895 года рождения;
3. бывший начальник связи того же фронта генерал-майор ГРИГОРЬЕВ Андрей Терентьевич, 1899 года рождения;
4. бывший командующий 4-й армией генерал-майор КОРОБКОВ Александр Андреевич, 1897 года рождения.

Кроме того, судом возбуждено ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении ПАВЛОВА Д. Г. звания Героя Советского Союза, трех орде-

нов Ленина, двух орденов «Красная Звезда» и медали «20 лет РККА», а также о лишении КЛИМОВСКИХ В. Е. и КОРОБКОВА А. А. орденов «Красное Знамя» и медалей «20 лет РККА».

Заслушав доклад тов. ЦЫРЛИНСКОГО и заключение пом. Главного военного прокурора полковника юстиции ЛЕОНОВА об отмене приговора и прекращении дела, Военная коллегия Верховного суда СССР

УСТАНОВИЛА:

По приговору суда ПАВЛОВ, КЛИМОВСКИХ, ГРИГОРЬЕВ и КОРОБКОВ признаны виновными в том, что они, состоя в указанных выше должностях, в начале военных действий фашистской Германии против Советского Союза проявили трусость, бездействие, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия и боеприпасов противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями фронта, чем дезорганизовали оборону страны и создали противнику возможность прорвать фронт советских войск на одном из главных направлений.

В заключении Генерального прокурора СССР ставится вопрос об отмене приговора в отношении ПАВЛОВА, КЛИМОВСКИХ, ГРИГОРЬЕВА и КОРОБКОВА по вновь открывшимся обстоятельствам и прекращении на них дела за отсутствием состава преступления.

Осужденные ПАВЛОВ, КЛИМОВСКИХ, ГРИГОРЬЕВ и КОРОБКОВ в судебном заседании, по существу, не признали себя виновными, и по делу не собраны какие-либо объективные доказательства, изобличающие их в проявлении трусости, бездействия и нераспорядительности.

Произведенной по делу дополнительной проверкой установлено, что к началу нападения фашистской Германии на СССР, т. е. к 22 июня 1941 года, по не зависящим от осужденных причинам значительная часть войск Западного особого военного округа находилась в стадии реорганизации и перевооружения. Уровень боевой подготовки войск был невысоким, значительная часть личного состава частей и соединений была призвана из запаса и пройти полный курс боевой подготовки не успела. Из создаваемых механизированных корпусов укомплектованным материальной частью был только один корпус. Военно-воздушные силы округа к началу войны находились также в стадии перевооружения новой материальной частью, и лишь 30% самолетов в округе было новых конструкций.

Формирование и переформирование частей укрепленных районов планировалось закончить осенью 1941 года.

Связь с войсками базировалась в основном на постоянные телеграфные и телефонные линии Наркомата связи. Табельными средствами, и в частности радиостанциями, телефонными и телеграфными аппаратами и кабелем, войска округа были обеспечены совершенно недостаточно.

Подготовка территории округа к войне в инженерном, дорожном и авиационном (аэродромном) отношении не была завершена, окончание этих работ было запланировано на вторую половину 1941 года и первую половину 1942 года.

В то же время противник заблаговременно закончил сосредоточение и развертывание своих войск у наших западных границ, создал мощные ударные группировки на важнейших направлениях, значительно превосходящие по своим силам войска Западного особого военного округа.

При таких обстоятельствах следует признать, что прорыв гитлеровских войск на фронте обороны Западного особого военного округа произошел в силу неблагоприятно сложившейся для наших войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован ПАВЛОВУ и другим осужденным по настоящему делу как воинское преступление, поскольку это произошло по не зависящим от них причинам.

По данным Генерального штаба, осужденные ПАВЛОВ, КЛИМОВСКИХ, ГРИГОРЬЕВ и КОРОБКОВ к исполнению своих служебных обязанностей, в том числе и за время военных действий, относились добросовестно, и все они характеризуются положительно (л. д. 187—196).

Таким образом, дополнительной проверкой по делу установлено, что ПАВЛОВ, КЛИМОВСКИХ, ГРИГОРЬЕВ и КОРОБКОВ были осуждены неосновательно.

Рассмотрев материалы дела и найдя заключение Генерального прокурора СССР обоснованным, Военная коллегия Верховного суда СССР, руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР,

О П Р Е Д Е Л И Л А :

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля 1941 года в отношении ПАВЛОВА Дмитрия Григорьевича, КЛИМОВСКИХ Владимира Ефимовича, ГРИГОРЬЕВА Андрея Терентьевича и КОРОБКОВА Александра Андреевича отменить по вновь открывшимся обстоятельствам и

дело на них производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:
офицер Военной коллегии
старший лейтенант (ВЕСЕЛОВ)

К о п и я
ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-09510
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В составе: председательствующего полковника юстиции БОРИСОГЛЕБСКОГО, членов: полковника юстиции ЛИХACHEВА и полковника юстиции ЦЫРЛИНСКОГО рассмотрела в заседании от 31 июля 1957 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР

в порядке ст. 378 УПК РСФСР
На приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 сентября 1941 года по делу бывшего начальника артиллерии Западного фронта генерал-лейтенанта артиллерии КЛИЧА Николая Александровича, 1895 года рождения, осужденного по ст. 193—17 п. «б» УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу, с лишением воинского звания «генерал-лейтенант артиллерии».

Кроме того, возбуждено ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении КЛИЧА Н. А. орденов СССР.

Заслушав доклад т. Цырлинского и заключение пом. Главного военного прокурора полковника юстиции Леонова об отмене приговора и прекращении дела, Военная коллегия

У С Т А Н О В И Л А :

По приговору суда Клич признан виновным в том, что он, будучи начальником артиллерии Западного особого военного округа, допустил преступную бездеятельность, в результате чего артиллерия округа не была подготовлена к боевым действиям.

После вероломного нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз Клич проявил растерянность и не осуществлял руководства артиллерией войсковых соединений, входивших в состав Западного фронта, и не принял надлежащих мер к эвакуации боеприпасов из тыловых складов, в связи с чем значительная часть артиллерии и боеприпасов была захвачена врагом.

В заключении Генерального прокурора СССР предлагается приговор в отношении

Клича отменить, а дело о нем за отсутствием состава преступления прекратить по следующим основаниям.

Никаких объективных доказательств, подтверждающих обвинение Клича, в материалах дела не имеется. Сам осужденный Клич, по существу, на предварительном следствии и в суде виновным себя не признал.

Из заключения Генерального штаба от 5 ноября 1956 года, истребованного в связи с дополнительным расследованием дела, видно, что обвинение Клича Н. А. в преступной бездеятельности по подготовке артиллерии округа в предвоенный период и его растерянности в руководстве артиллерией в первые дни войны является несостоятельным.

По данным Генерального штаба, Клич Н. А. к исполнению своих служебных обязанностей, в том числе и за время военных действий, относился добросовестно, и характеризуется он положительно.

Таким образом, отмечается в заключении, дополнительным расследованием по делу установлено, что Клич был осужден неосновательно.

Рассмотрев материалы дела и дополнительного расследования и находя заключение Генерального прокурора СССР обоснованным, Военная коллегия Верховного суда СССР, руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР,

О П Р Е Д Е Л И Л А :

приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 сентября 1941 года в отношении КЛИЧА Николая Александровича отменить по вновь открывшимся обстоятельствам и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:
офицер Военной коллегии
старший лейтенант (ВЕСЕЛОВ)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-562сс

от 22 августа 1941 г.

Москва, Кремль

О введении водки на снабжение в действующей Красной Армии

Установить начиная с 1 сентября 1941 года выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу войск первой линии действующей армии.

Председатель
Государственного Комитета
Обороны
И. СТАЛИН

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-654сс

от 10 сентября 1941 г.

Об отборе 50 000
добровольцев-комсомольцев
в воздушно-десантные войска
Красной Армии

1. Обязать ЦК ВЛКСМ провести отбор 50 000 добровольцев-комсомольцев от 18 до 26 лет в воздушно-десантные войска Красной Армии.

2. Отбор добровольцев-комсомольцев провести в следующие сроки:

а) 20 000 — к 25 сентября с. г.

б) 30 000 — к 5 октября с. г.

3. Обязать военные советы округов и областные партийные организации принять непосредственное участие в работе комсомольских организаций по отбору добровольцев-комсомольцев в воздушно-десантные войска Красной Армии.

Председатель
Государственного Комитета
Обороны
И. СТАЛИН

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-636сс

от 6 сентября 1941 г.

О переселении немцев
из г. Москвы и Московской области
и Ростовской области

Государственный Комитет Обороны Союза ССР постановляет:

1. Переселить немцев из гор. Москвы и Московской области — 8617 чел. и Ростовской области — 21 400 чел. в Казахскую ССР, в том числе в Карагандинскую область — 4000 чел., Джамбульскую — 8000 чел., Кызыл-Ординскую — 8000 чел. и Южно-Казахстанскую — 10 017 чел.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР.

К переселению из гор. Москвы и Московской области приступить 10 сентября и закончить 15 сентября с. г.

По Ростовской области к переселению приступить 15 сентября и закончить 20 сентября.

3. Расселение в новых местах производить путем вселения в существующие колхозы и совхозы и расселения переселяемых на новом месте с использованием всех пустующих строений в сельских местностях.

При отсутствии жилого фонда и хозяйственных построек в местах расселения произвести строительство домов силами переселяемых.

Городских жителей расселять в районных центрах и других городах, кроме областных,

4. Разрешить переселяемым брать с собой личное имущество и продовольствие на путь следования до 200 килограммов на каждого члена семьи.

5. Принадлежащие переселяемым постройки, сельскохозяйственные орудия, скот и зернофураж сдаются комиссиями в составе представителей: местных исполкомов, Наркомзема СССР, Наркоммясомолпрома СССР и Наркомзага и восстанавливаются на месте расселения в соответствии с утвержденной СНК СССР инструкцией Наркомзема СССР и Наркоммясомолпрома СССР.

Постройки колхозам и колхозникам восстанавливаются в местах расселения путем предоставления готовых домов.

Переселенцам, которым не будут предоставлены в местах вселения дома, выдается на постройку, а в необходимых случаях и на ремонт домов кредит по линии сельхозбанка в размере 2 тысяч рублей сроком на 5 лет из 3% годовых с погашением полученного кредита до второго года после получения ссуды.

6. Обязать НКПС (г. Каганович) произвести перевозку всех переселяемых из г. Москвы и Московской области в срок с 10 по 15 сентября, из Ростовской области — с 15 по 20 сентября, организовав подачу вагонов, по графику, составленному совместно с НКВД СССР.

7. Питание переселяемых в пути возло-

жено на Наркомторг Союза ССР (г. Любимов) в пунктах по указанию НКВД СССР.

8. Медицинское обслуживание переселяемых в пути возложить на Наркомздрав СССР (г. Митерев), для чего по заявке НКВД СССР выделить медицинский персонал, медикаменты и медико-санитарный инвентарь.

9. Отпустить из резервного фонда СНК СССР НКВД на расходы по переселению 4 млн. рублей и СНК Казахской ССР на прием и расселение переселенцев — 2 млн. рублей.

10. Возложить на председателя СНК Казахской ССР (г. Ундасыпов) и секретаря КП(б) Казахстана (г. Скворцов) организацию приема, расселения и хозяйственного устройства переселяемых.

11. Разрешить СНК Казахской ССР мобилизовать нужное количество авто- и гужтранспорта местных организаций и колхозов для перевозки переселяемых от станции разгрузки до места расселения.

Председатель
Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН

*Публикацию подготовил
полковник Н. С. ГИШКО,
начальник группы —
старший научный сотрудник
Института военной истории,
кандидат исторических наук*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кособуцкий Иван Степанович — генерал-майор, командир 41 ск (14.3.41—16.7.41 г.) Военной коллегией Верховного суда от 26.7.41 г. лишен воинского звания генерал-майор и подвергнут наказанию в виде лишения свободы в ИТЛ сроком на 10 лет. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 31.10.43 г. досрочно освобожден с направлением в действующую армию. Определением Военной коллегии Верховного суда от 30.10.43 г. полностью освобожден от всех видов наказания по приговору от 26.7.41 г., и одновременно с него снята судимость. С 5.12.42 г. — помощник командующего войсками Юго-Западного фронта по формированию. С 11.12.43 г. — командир 34 ск Юго-Западного фронта. С 11.8.45 г. — начальник управления боевой и физической подготовки Южной группы войск. С 22.1.46 г. — старший преподаватель ВВА им. Ворошилова. Уволен в 1953 г. Постановлением СНК 13.9.44 г. присвоено звание генерал-лейтенанта.

² Салихов Марикс Бикмулович — комбриг (5.6.46 г.), генерал-майор, командир 60-й горно-стрелковой дивизии с 24.4.40 г. по 19.9.41 г. Военным трибуналом ЮФ осужден на 10 лет тюремного заключения с отбыви-

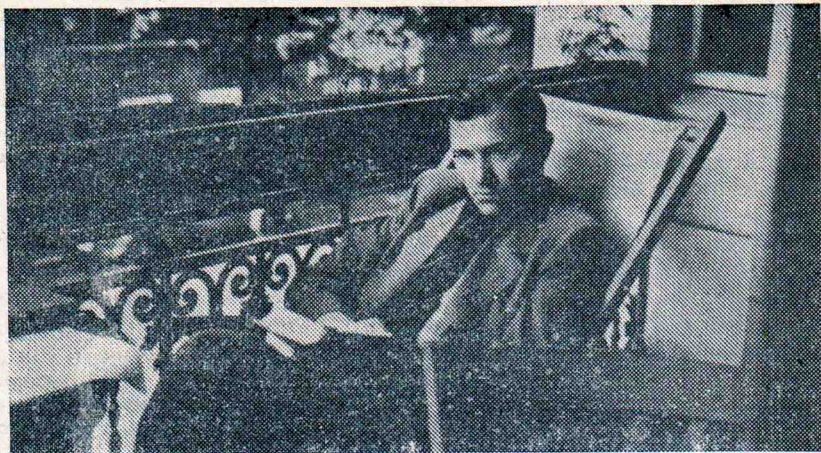
ем наказания по окончании войны. Приказ ЮФ № 0019 от 20.7.41 г.

³ Галaktionов Сергей Гаврилович — с 5.6.40 г. генерал-майор, командир 30-й горно-стрелковой дивизии. Военным трибуналом ЮФ приговорен к расстрелу за халатность и бездействие, в результате чего якобы произошла дезорганизация частей дивизии, понесены значительные потери в людях и технике. Исключен из списков Красной Армии (приказ ГУК № 052 от 25.9.41 г.) как осужденный к высшей мере наказания — расстрелу. Реабилитирован 29.5.1961 г. Военной коллегией ВС СССР.

⁴ Елисеев Илья Константинович — полковой комиссар (12.10.40—20.7.41) 30-й горно-стрелковой дивизии (неформирована в 30-й сд). С 24.4.42 г. по 16.6.43 г. — начальник политотдела (зам. начальника по политчасти) 50-й гвардейской стрелковой дивизии; майор. С 16.8.44 г. — полковник. С 16.6.43 г. по 17.1.45 г. — начальник политотдела, он же заместитель по политчасти 99 сд II формирования.

⁵ Курочкин Иван Григорьевич — полковой комиссар 60-й горно-стрелковой дивизии (28.3.41—24.8.41) (других данных нет).

В этом номере «Военно-исторического журнала» мы познакомим читателей с воспоминаниями легендарного советского разведчика подполковника в отставке Николая Максимовича Зайцева, который в предвоенные годы работал в Германии. Он награжден четырьмя орденами Отечественной войны, орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В очень трудное время Зайцев честно выполнил свой долг советского разведчика.



■ Таким был разведчик Н. М. Зайцев в 1940 году.

ВМЕСТЕ С АЛЬТОЙ

Дежурный комендант

В БЕРЛИН я прибыл в марте 1937 года в качестве дежурного коменданта торгпредства. Он мне показался обычным капиталистическим городом со множеством магазинов, в которых от безделья скучали продавцы из-за отсутствия покупателей, обилием полицейских, транспорта. Но это впечатление было чисто внешним. Уже через несколько дней, присмотревшись, понял, что

в городе идет напряженная внутренняя жизнь. Часто натикался на объявления, в которых сообщалось, что такой-то за коммунистическую и антинародную деятельность приговорен к смерти и приговор приведен в исполнение. В городе огромная масса плакатов: в метро, в трамваях, в автобусах, на витринах магазинов, призывающих к бдительности: «Осторожно! Враг прислушивается!» Если в общественном месте по радио исполнялся гимн, то немцы, став по команде «смирно», обязаны были вытянуть вперед правую руку и обязательно спеть его. Невыполняющих ритуал ожидали побои. Несколько раз я сам, не исполнив ритуала, избежал избиения лишь потому, что показал полицейскому свой советский паспорт, и отдался только оскорблением.

В те годы наше торгпредство, консульство и посольство жили в обстановке травли в печати, киножурналах, а особенно — в газетах. В торгпредстве было много гестаповских ищеек в лице представителей торговых фирм, преподавателей немецкого языка, которые пытались выявить среди нас разведчиков. В те годы работники торгпредства — советские граждане — проживали в одной гостинице. Когда же в Берлин прибывали «высокие» гости, например Муссолини, у нас в номерах обязательно проводились обыски.

Подробнее остановлюсь на деятельности гестаповских агентов, и в первую очередь преподавателей немецкого языка. Языку нас обучали три сестры, которые от нас не скрывали своего знания русского языка в отличие от преподавателя-мужчины. Он обучал языку только руководящих работников и отличался весьма изощренными методами работы с нами. Одна из сестер пыталась узнать о нашей работе в Советском Союзе, другая — о деятельности в Германии, а третья больше занималась вербовочной работой. Мужчина-преподаватель был у них руководителем. Но в те годы мы об этом только догадывались.

Сестры всегда знали, где я был вчера вечером, каким транспортом пользовался, в каких магазинах и что покупал. Этими данными они потом пользовались на занятиях, чтобы уличить нас во лжи. Весьма искусно за нами было организовано и внешнее наблюдение. Иногда в городе нас сопровождал один человек до возвращения домой, но существовало и квартальное наблюдение, когда меня по пути следования несколько раз передавали другому сопровождающему. Это делалось для того, чтобы усыпить нашу бдительность. Должен признаться, что в первые месяцы мне удавалось замечать лишь одиночное наблюдение, но уже через год-два и квартальное. Когда мне необходимо было оторваться от сопровождения, я это успешно делал, но на следующем занятии меня ждал настораживающий допрос.

Так мы жили в Германии до августа 1939 года, до заключения Пакта

о ненападении и торгового соглашения. После сообщения об этом в газетах у здания торгпредства собралась толпа немцев с цветами. Наши работники, выходящих из торгпредства, носили на руках, качали. Началось буквально паломничество представителей торговых фирм, заводчиков и фабрикантов. Все они стремились заключить с нами торговые соглашения. С этого времени наша жизнь и работа стали значительно интенсивнее, хотя наблюдение за нами усилилось.

Расскажу о нашей деятельности после того, как в Берлин приехала торговая делегация во главе с наркомом судостроительной промышленности Тевосяном. В комиссию входили лучшие советские специалисты в области науки и техники, летчики, танкисты, моряки, химики, конструкторы. Согласно заключенному договору немцы обязаны были показать нам по нашему требованию любую продукцию, фабрики и заводы, изготавливающие ее, в том числе и военные. Однако немцы стремились показать нам устаревшую продукцию и сбывать ее, получив за это стратегическое сырье и золото. Нам же нужно было увидеть больше фабрик и заводов, узнать секреты изготовления той или иной продукции и как можно меньше купить. Как же были удивлены и даже испуганы немцы, когда наша делегация не без помощи торгпредских работников составила список для посещения новейших немецких фабрик и заводов, изготавливающих современную, в том числе и секретную военную технику и вооружение. Мне же пришлось здесь сыграть далеко не последнюю роль.

С делегацией прибыла большая группа переводчиков, но слабо знающая практически немецкий язык. В торгпредстве не было советских переводчиков, и работники выходили из положения, пользуясь своим знанием языка. По требованию Тевосяна наш торгпред вынужден был направить к нему меня, так как к тому времени я лучше всех в торгпредстве знал язык. Меня подключили к одной из групп. Было известно, что Германия в последние годы добилась высоких результатов

в развитии химической промышленности путем применения различных заменителей, которые в значительной степени повышают качество продукции. Узнать секреты изготовления химической продукции, имеющей военное значение, было одной из основных задач комиссии.

Однажды комиссия выехала в город Шену, где находился крупнейший завод по изготовлению синтетического каучука, свойства которого были выше нашего. Комиссии необходимо было выяснить один из компонентов, входящих в смесь. Чтобы выполнить стоящую перед нами задачу, мы решили рассредоточиться и, разомкнув таким образом кольцо сопровождавших нас немцев, проникнуть в другие цехи. Это нам удалось. В результате я оказался в огромном цехе, нашел дверь с надписью «Вход воспрещен», вошел в нее и по лестнице поднялся на второй этаж, где увидел, как рабочие в большие воронки в полу сыплют определенными дозами желтый порошок. Я поприветствовал одного из рабочих и спросил, что это такое? Он произнес какое-то слово. Я его запомнил и быстро спустился вниз, где меня уже разыскивали. Когда мы прибыли в гостиницу, я, к своему ужасу, понял, что забыл слово. Товарищи меня успокоили и отправили отдохнуть. Проснувшись через несколько часов, я вспомнил это слово, разбудил руководителя делегации и сообщил его. Он быстро составил химическую формулу, и секрет был открыт.

В другом месте мы знакомимся с производством искусственной канифоли. Выявить рецепт ее изготовления нам помогли сами же немцы. Тактика при осмотре была та же — рассредоточение. Оставшись наедине с одним из сотрудников лаборатории, который нам симпатизировал, я без умысла задал ему вопрос, из чего они изготавливают канифоль. Впрочем, не надеялся на правильный ответ. Но он, оглянувшись по сторонам и убедившись, что около нас нет сопровождающих гестаповцев, на крышке банки написал цветным мелом химическую формулу.

На одном из заводов нам пыта-

лись продать большую партию лака, который не горит и употребляется для покрытия самолетов. Показали эксперимент. На квадрат натянутого полотна, покрашенного лаком, лили бензин, поджигали, бензин сгорел, а лак остался на полотне. Как и прежде, я был возле рабочих, и они мне подсказали, чтобы мы этот лак не покупали, потому что он утяжеляет самолеты и на их покрытие не идет. Кроме того, добавили, что эта же фирма изготавливает другой лак, который значительно легче, и указали место, где он хранится. Я передал информацию руководителю комиссии. Он потребовал показать лак и обещал купить большую партию. Немцы вынуждены были показать нам лак и продать его. Но, видимо, они догадались о моей работе, потому что после этого не выпускали меня из поля зрения.

Такую же работу проводили и другие комиссии, которые больше изучали, чем покупали. Проработав в Берлине несколько месяцев и выполнив свою задачу, торговая делегация выехала в Москву, а я вернулся к исполнению своих прямых обязанностей в торгпредстве. Теперь я уже занимал должность начальника АХО — помощника, или, как меня там называли, заместителя торгпреда по хозяйственным вопросам. Жизнь вошла в свое обычное русло.

К 1940 году внешний облик жизни Германии, и особенно Берлина, резко изменился. Если в 1937—1939 годах жизнь, если можно так выразиться, кипела, часто в Берлине организовывались демонстрации, факельные ночные шествия, парады, по воскресеньям на площадях целый день военные духовые оркестры играли бравурные военные марши с барабанным боем и средства пропаганды на все лады восхваляли Гитлера, Геринга, Геббельса, Гесса, то в 1940-м барабанного боя, помпезности стало меньше. Берлин был уже изрядно потрепан английскими бомбардировщиками. Население бродило по улицам города сонное, так как почти каждую ночь приходилось проводить в бомбоубежищах без сна. В пивных и барах немецкие бюргеры позволяли

себе ехидно прокатываться по адресу Геринга, заявившего когда-то, что ни один вражеский самолет не появится над Германией. «Геринг был прав, — говорили они, — по одному-то самолеты не летают». Не чувствовалось особого восхищения немцев и от сообщений о захвате Польши, об оккупации других стран Европы, хотя немецкая пресса и радио трубили об этом постоянно.

Упоенный успехами, Гитлер решил с ходу захватить и Англию. Немцы раскупали газеты, и мальчикам-продавцам не надо было даже кричать, зазывая покупателей. Настроение было приподнятым, но длилось это не долго.

...Немцы встретили Молотова с подобающими почестями, а министр иностранных дел Риббентроп дал ему на время пребывания в Германии свою автомашину, стекла которой не пробивались пулей. Но я вспоминаю о банкете, или приеме, который устроил ему Гитлер. К тому времени я уже в совершенстве владел немецким языком, и наш торгпред, не владея им, часто пользовался мной как переводчиком. На прием он взял меня с собой, хотя присутствовали только семь человек от торгпредского руководства и несколько человек от нашего посольства и консульства. Прием был устроен в лучшем отеле Берлина «Кайзерхоффе», что означает «Королевский двор», в котором останавливались только высшие государственные персоны. Зал, в котором проходил прием, находился на втором этаже, куда вела лестница, устланная дорожкой ковровой дорожкой. На верхней площадке перед дверью в зал стояли и встречали гостей Гитлер, Геринг, Геббельс и Риббентроп. Всех прибывающих они приветствовали рукопожатием. Одним из последних в положенное время прибыл Молотов со своим окружением.

На этом приеме я видел Гитлера, Кальтенбруннера, Канариса. Но особенно зловещими фигурами мне показались Гиммлер и Кальтенбруннер с их холодными и стеклянными глазами. Канарис выглядел добродушным, разговорчивым человеком. Гитлер на приеме говорил о

том, что двум великим народам мира нужно жить в дружбе, и этой фразе он придавал особое значение. Затем сказал о развитии экономических и культурных связей. Но самое главное, в речах были здравичи. Если Гитлер закончил свою речь словами: «Я пью этот бокал за народ Советской России и его вождя Иосифа Сталина», то Молотов сказал: «Я пью бокал за немецкий народ и его истинного вождя». Мы боялись, что Молотов затем назовет вождем Гитлера, и реакции последнего. Но этого не произошло. Прием прошел внешне дружественно. Однако, приехав к себе в торгпредство, мы долго обсуждали случившееся и ждали последствий. Я не знал, как шли переговоры, но когда в здании посольства Молотов делал ответный прием перед своим отъездом в Москву, на него из руководителей Германии прибыл лишь один Риббентроп. Речи Молотова и Риббентропа были официальными, а сам прием длился всего лишь 30 минут. В этот вечер англичане как никогда усердно бомбили центр Берлина, в том числе центральную улицу и дворец в Тиргартене, в котором находилась резиденция Молотова.

Период с марта до начала войны был для нас еще тяжелее. Наши взаимоотношения с немецкими фирмами ухудшились, а наблюдение за нами усилилось. В Берлин участились визиты Муссолини, Хорти и других друзей немецкого рейха, в наших квартирах чаще проводились обыски. Нам очень помогало затемнение Берлина. С наступлением сумерек город погружался в темноту, и нам можно было гулять беспрепятственно.

Как мы ни были осведомлены о готовности гитлеровских войск к нападению на нашу Родину, 22 июня застало нас врасплох. Вечером в субботу мы пошли в наш советский клуб, где играли в волейбол, смотрели художественный фильм, а к 24 часам ночи разъехались по своим квартирам. Перед тем как лечь спать, я позвонил в торгпредство. Дежурный комендант сообщил, что все в порядке, только у здания группами собираются немцы. Я ве-

лел ему предупредить дежурного шифровального отдела, который находился в торгпредстве в секретном от немцев месте с решетками на окнах, за железными стенами и дверью. Таким образом, хотя все и было приведено в боевую готовность, о войне как-то не думалось.

В 4.15 утра к нам в гостиницу ворвались гестаповцы и стали ломиться в двери номеров с криками «Ауфмахен!» («Открыть дверь»). Ко мне в номер вошли несколько гестаповцев и приказали: «Одеваться! Взять с собой пару белья, сигареты и питание на два дня, спускаться вниз!» То же самое происходило и в других номерах. Некоторые пытались оказать сопротивление, были изрядно избиты и спускались вниз в синяках и кровоподтеках. Когда я остался в номере только с одним гестаповцем, я спросил его, в чем дело, на что он мне ответил: «Война». Гестаповцы стали совать по карманам ценные вещи, начался грабеж. Прежде чем спуститься вниз, я попросился в туалет. Меня проводили до кабины, в унитаз я выбросил кое-какие записи из блокнота и ключи от сейфа. Внизу меня уже ждали, так как дежурные немцы по гостинице заявили, что ответственным здесь являюсь я. К гостинице гестаповцы прислали автобусы, на которых можно было разместить около двух тысяч человек, по количеству проживающих в гостинице. Когда всех рассадили, то оказалось, что тысячи человек недостает. Произошел следующий диалог:

— Где ваши люди? Почему их только тысяча, а прописано и должно быть две тысячи?

— Остальные проживают в пансионатах и на частных квартирах Берлина. Многие находятся в командировках в других городах, — ответил я.

— Как это проживают в пансионатах и других квартирах, если они прописаны здесь? Вы за этот обман будете отвечать!

— Нет, — ответил я, — у меня есть разрешение полицайпрезидента, в котором сказано, что мне разрешается прописывать людей в гостинице с правом жительства по любому адресу в Берлине.

Он прочел письмо, швырнул ме-

ня в последний автобус, с которым я и прибыл в управление гестапо, где уже были все наши работники. Среди них было много белогвардейцев, которые вели среди нас шпионско-вербовочную работу. Так в первый день войны мы оказались в концлагере. К вечеру в лагерь были доставлены коменданты и шифровальщики, которым пришлось очень туго.

Они нам рассказали, что в 4 часа утра гестаповцы начали ломать железную решетку, которой на ночь закрывалась входная дверь в торгпредство. Дежурный комендант дал сигнал тревоги. По нему все шифровальщики и коменданты, жившие в помещении торгпредства, прибежали в шифровальный отдел и стали сжигать секретную документацию в электрических печах. Но вскоре электричество отключили, и жечь документы пришлось на полу, разжигая костры, дым от которых выходил в окна. Через два часа гестаповцам удалось войти в помещение шифровального отдела, открыв железную дверь с помощью автогенной сварки. Ворвавшись туда, гестаповцы зверски избili всех шифровальщиков и комендантов. Их привезли в лагерь в бесчувственном состоянии, окровавленных, обгоревших.

Не буду описывать лагерную жизнь, длившуюся одиннадцать дней. Она была очень тяжелой. Мы испытали там и голод, и холод, и побои, и оскорбления. Содержали нас как скотину, так и кормили. Не поддались мы и на агитацию гестаповцев и белогвардейцев, которые призывали нас не возвращаться домой, говорили, что Москва будет взята в ближайшие дни.

На 12-й день утром нас посадили в автобусы и повезли в Берлин. Затем в вагонах на Восток под усиленной охраной гестаповцев с автоматами, которые не разрешали нам даже высунуться из окон, хотя была невыносимая жара. Мы проехали Австрию, Чехословакию, Югославию, Болгарию, прибыли на болгаро-турецкую границу.

Когда наш эшелон проезжал по территории Чехословакии, машинисты паровозов, повстречавшись с нами, показывали нам пришитые к

подкладке пиджаков красные звезды или серп и молот в знак солидарности. Это вдохновило нас, придало уверенности в своих силах. В Югославии на одной из станций наш эшелон остановился против немецкого воинского эшелона. На нем на открытых платформах были танки, на которых лежали, греясь на солнце, немецкие солдаты. Один из них долго смотрел на нас, обросших и тощих, и, не выдержав, спросил:

— Кто вы и куда едете?

— Мы советские граждане, служили в Германии, а теперь возвращаемся в Москву, — ответил я ему.

— Как в Москву? В Москву едем мы, и она уже взята нашими войсками!

— Нет, — ответил я, — этого не может быть!

— Ну, тогда до встречи в Москве, — сказал он.

— Не советую! — ответил я.

Наш состав тронулся, но я успел увидеть, как разошлись солдаты, услышав мой ответ.

В столице Югославии нас по неизвестным причинам задержали надолго. Вечером напротив нас остановился пассажирский состав. Его окна были открыты, из них была слышна приятная музыка. Напротив моего окна к окну подошли два человека и закурили. От желания закурить у меня начала кружиться голова. Эти двое решили со мной заговорить. Разговор долго не получался, так как мы говорили на разных языках. Я перешел на немецкий. Один из них меня понял, и я рассказал ему коротко нашу историю. Когда они узнали, что мы советские люди, находились в концлагере, а теперь измученные и голодные возвращаемся на Родину, к нам из окон стали бросать фрукты, бутылки с соками и вином, сигареты. Охранявшие нас гестаповцы бегали, кричали, чтобы мы закрыли окна, началась даже стрельба из автоматов. Потом наш поезд отвели от пассажирского состава. Мы, конечно, быстро съели фрукты, выпили вино и сок, спрятали по карманам сигареты. Когда гестаповские солдаты пошли по вагонам, чтобы отобрать у нас все, они ничего не нашли.

В Софии на платформе мы увидели столы, накрытые белыми скатертями, с тарелками, рюмками, бутылками. Кругом сновали официанты, которыми командовал военный, видимо болгарин, с белой повязкой и красным крестом на рукаве. Когда наш состав остановился, военный пошел навстречу офицеру гестапо, вышедшему из вагона.

— Что здесь происходит? — спросил болгарина гестаповский офицер.

— Мы встречаем наших друзей — русских, — ответил ему болгарин.

— Они не могут быть вашими друзьями, если они являются нашими пленниками, — с апломбом заявил ему гестаповский офицер. В результате из вагонов нас не выпустили, а накормили лишь болгарским борщом. На болгаро-турецкой границе нас продержали два-три дня. Наконец настала церемония передачи нас на турецкую территорию. По 20 человек нас вели к турецкой границе, где находилась палатка. В ней были наш и турецкий послы, гестаповский офицер, который вручал паспорт турецкому послу. Тот поздравлял нас с освобождением и передавал паспорт нашему послу, который, свернув паспорт с фотографиями и нашими лицами, вручал их владельцу и поздравлял с освобождением. В Стамбуле нас поместили на советский пароход «Сванетия», где мы несколько дней восстанавливали силы. 27 июля мы прибыли в Москву.

Разведчик

Но, конечно же, в торгпредстве я не просто исполнял должность комманданта. Для этого не требовалось заканчивать офицерскую школу, глубоко знать немецкий язык. Никто из советских людей не должен был знать, что я офицер и... разведчик.

Первые полгода все служебное и свободное время я совершенствовал язык, много ездил по городу, изучая маршруты движения всех видов транспорта. Пришлось узнать расположение магазинов, пансионов и гостиниц, кафе и ресторанов, вальеры, театров и кино. Особенно важны были для меня те из них, которые имели входы с разных улиц. Эти полгода пролетели быстро. Совершенно неожиданно я встре-

тился с моим будущим руководителем, который объявился, назвав пароль во время игры с ним в клубе в бильярд. Он проверил мои знания языка, спросил, для проверки, как проехать в назначенное им место.

Через полтора года я свободно говорил по-немецки, в лицо знал почти всех гестаповцев и работников органов контрразведки, методы их слежки за нами — советскими людьми. Однажды я заметил слежку и решил пошутить. Завернул за угол одной из улиц и, пройдя метров 15—20, перешел на другую сторону, пошел обратно и, конечно, встретился с сопровождающим. Он был крайне удивлен, а я просто посмотрел ему в глаза, он вынужден был отвернуться от меня.

В августе 1939 года мне был предоставлен отпуск, и я на два месяца выехал в Москву. Но на отдых мне выпало очень мало времени. Немцы напали на Польшу. Меня телеграммой срочно вызвали в Москву. Началась усиленная подготовка к моему возвращению в Германию, где меня ожидала настоящая работа.

...Целыми днями я изучал личное дело Эльзы Штебе по кличке Альта. Наизусть выучил биографию, часами всматривался в ее фотографию. Изучил дела и других разведчиков, из которых была составлена так называемая группа «Альта». В нее входили работавший в штабе ВВС Геринга офицер немецкой армии, через которого поддерживалась связь с группой ученых, изучавших атомную энергию и способы создания атомной бомбы. В числе этих разведчиков был даже один из приближенных министра иностранных дел Риббентропа. Его завербовали в Польшу для работы на англичан, и по своим убеждениям он был ярким врагом Советского Союза.

Возвращение в Германию было намечено на конец сентября. Сначала в мою задачу входило наладить связь с Эльзой, которая перед нападением Германии на Польшу вместе со всеми немцами посольства выехала в Германию. О встрече с ней в Германии договориться не удалось. Мне предстояло через ее мать, жившую в Берлине, узнать адрес Эль-

зы. Пароля для встречи установлено не было, и нужно было назвать несколько прежних паролей, чтобы убедить ее признать меня.

К тому времени с Германией был заключен торговый договор, по которому она обязалась экспортировать в СССР военную технику и оборудование по нашему выбору. В Берлин готовилась выехать правительственная комиссия, руководили которой крупные ученые и конструкторы. Мой выезд совпал с отправкой в Германию вагона с золотом в слитках, упакованных в 100 ящиков, общим весом 7 тонн. Сопровождение вагона поручили мне, а моим помощником был банковский работник.

Наш первый маршрут был намечен через Одессу в Турцию, далее по Черному и Средиземному морям до берегов Италии и через нее в Берлин. Но так как в Черном море и особенно в Средиземном было много подводных лодок, встреча с которыми была нежелательна, маршрут отменили и наметили другой — через Латвию, Литву, Данцигский коридор в Восточную Пруссию и Кенигсберг и оттуда — в Берлин.

До границы с Латвией вагон сопровождали автоматчики, а мы ехали в соседнем. На границе нам сообщили, что сопроводительные документы составлены не по форме, в документах не указано, кто сопровождает груз и какие везут драгоценные металлы. Связались с Москвой. Оттуда дали ответ, что груз сопровождает Зайцев, а драгоценные металлы — оставить без расшифровки. Наконец паровоз прицепил один вагон с золотом и повез на границу. Там нас уже ждали вооруженные солдаты и таможенные служащие. Каждая из стран знала о пути следования вагона, за это им были заплачены крупные суммы денег, и они отвечали за груз. Но при въезде в страну таможенные чиновники находили сотни придинок.

До польской границы мы доехали без приключений. Но в Данцигском коридоре железнодорожные пути были разобраны. Нас ожидал большой грузовик, куда были погружены наши ящики без счета и

проверки пломб. Мы прибыли в Кенигсберг, где уже ждал скорый поезд. На берлинском вокзале нас встречал торгпредский представитель. Им оказался мой очень хороший знакомый по работе. На автомашинах мы наконец доехали до берлинских казематов, где хранились фашистские драгоценности и золото.

Через несколько дней я был готов к работе — восстановить связь с Эльзой. Задача была не из легких. Сильно волновался. Сначала несколько раз прошел около дома, в котором проживала мать Эльзы. Затем раза два — по лестнице мимо квартиры. И уже потом, успокоившись, смело подошел к двери, нажал кнопку звонка и на чистейшем немецком языке с берлинским произношением попросил фрау Штебе. Увидев пожилую женщину, открывшую мне дверь, понял, что передо мной мать Эльзы. Она мне сказала, что Эльза временно проживает в Бреслау, назвала ее адрес.

Итак, предстояла поездка в Бреслау. Первая попытка оказалась неудачной, так как в вагоне я увидел гестаповца с полицейским, проверявших документы у пассажиров и наличие у них разрешения на право поездки в Бреслау. Город в то время был прифронтовым, так как находился недалеко от границы с Польшей. Мне ничего не оставалось делать, как показать мой паспорт. Я ответил им, что еду в Бреслау по делам торгпредства, и сразу понял, что встреча не состоится, нужно возвращаться в Берлин, чтобы не привести к Эльзе за собой хвост.

Следующая поездка была удачной. Когда я подошел к ограде сада и нажал на кнопку звонка, из дома вышла Эльза, которую я сразу узнал. Но не было пароля, она могла отказаться разговаривать со мной. Я назвал ей пароль встречи с нашим человеком в Польше, она поверила, попросила подождать и вскоре вышла ко мне. Мы прошлись по пустынным улицам окраины Бреслау, она сообщила мне, что скоро получит разрешение на жительство в Берлине и приедет туда. Передал ей указания о строгой бдительности, снабдив деньгами на подбор соответствующей квартиры в Берлине,

и мы расстались, условившись о встречах.

Так началась моя деятельность разведчика. Когда была налажена связь с Эльзой, а она связалась с другими немецкими разведчиками, работавшими на нас, к нам потекла информация о военной промышленности, технике и даже о состоянии разработки атомной энергии. Через Арийца, такова была кличка этого разведчика, полагавшего, что он работает на англичан, поступала информация о дипломатической интриге немцев с западными европейскими странами, в том числе с англичанами и американцами.

Для получения более точной информации мы снабдили разведчиков миниатюрными фотоаппаратами и микропленкой. Все они работали на нас из идейных соображений, так как ненавидели фашизм и в Советском Союзе видели единственную силу, способную его уничтожить. Другое дело Ариец. Он давал ценную информацию только за американские доллары, которые переправлял за границу.

Строгая конспирация, систематическая смена мест встреч позволили нам с Эльзой работать без срывов и перебоев. Сейчас мне кажется невероятным то, что мы делали. Когда приходилось слушать Эльзу 15—20 минут, запомнить информацию, а на следующий день прибыть в наше посольство, опять же нелегально, встретиться с военным атташе, изложить все на бумаге для шифровки в Москву.

Так продолжалось до марта 1941 года. Одно из последних сообщений от Эльзы было о том, что на 22—24 июня 1941 года намечено нападение Германии на Советский Союз. В марте я получил указание о передаче этой группы другому разведчику. Мне предстояла работа по восстановлению связи с немецкими разведчиками, которая была прервана в 1933—1935 годах, потому что среди них оказались предатели.

Будучи уже в Москве и работая начальником школы разведки, я не мог забыть Эльзу, изредка спрашивая о ее деятельности.

И только много позже узнал, что в сентябре 1942 года гестаповские

ищейки напали на ее след и арестовали по подозрению. Путем вычислений записанных из эфира закодированных наших радиосообщений гестаповцам удалось определить фамилию разведчика, похожую на Штебе. Через адресный стол они собрали до 50 похожих на Штебе фамилий и начали изучать их владельцев. Подобрались к Эльзе. За ней началась слежка, которую она сразу заметила, но предпринять ничего не могла, лишь прекратила встречи с разведчиками своей группы. После ареста Эльзы для доказательства ее виновности к ней на квартиру была посажена женщина — агент гестапо, которая два месяца ждала, что кто-нибудь придет на связь. За это время на квартире часто звонил телефон, но на вопросы никто не отвечал и вешал трубку. Ведь никому, кроме меня и Эльзы, не было известно, что телефонный звонок без разговора означает вызов ее на срочную встречу в условном месте.

На встречу никто не приходил, звонок повторялся. Тогда звонивший Эльзе разведчик принял решение идти к ней на квартиру и совершил роковую ошибку. Вместо того чтобы спросить Эльзу Штебе, он сказал, что хотел бы видеть Альту. Гестаповцам стало ясно, что Эльза Штебе и есть разыскиваемая ими разведчица по кличке Альта. На первом же допросе Эльзы гестаповец сказал ей, что она Альта. пытками и истязаниями им удалось вырвать у нее несколько фамилий разведчиков, которые также были схвачены. Арестован был и Ариец. Ему документально показали, что он работал на советскую разведку. Гестаповцами было арестовано более 400 человек. Столько разведчиков у нас, конечно, не было. Значит, гестаповцы хватили любого просто по подозрению. Эту группу разведчиков гестаповцы назвали «Красной капеллой». Все арестованные и обвинявшиеся в государственной измене были расстреляны, а у Эльзы Штебе специальным указом Гитлера была отрублена голова. Из сохранившихся архивов гестапо известно последнее письмо Эльзы матери. В нем говорилось: «...мама, я знала, на что шла. Я боролась за

счастье немецкого народа, а поэтому виновной себя не считаю. Мама, прошу выполнить мою последнюю просьбу — после моей смерти считай меня живой, а поэтому не надевай черного платья».

Мать Эльзы умерла вскоре после смерти дочери. В живых остался только брат Эльзы, которому за героический подвиг сестры был вручен орден Отечественной войны I степени.

С тех пор прошло много времени, но Эльза навсегда осталась в моей памяти. Это был человек огромной воли, обаяния. Она была журналисткой, а как разведчик отдавала работе себя всю без остатка. В то время ей было около 30 лет. Она посвятила себя борьбе с фашизмом, отдала жизнь за счастье своего народа.

Но вернусь к марту 1941 года. Работа разведчиков в это время значительно усложнилась. В торговых отношениях наступил холод, посредники фирм и их владельцы все реже и реже появлялись в торговле. А для разведчиков наступила горячая пора. Немцы открыто перешли к переброске войск на восток, к нашим границам с севера на юг. Нами было установлено, что по всем железнодорожным магистралям перебрасывались составы с войсками и в большом количестве — по автострате.

Активизировало свою работу и гестапо. Все настойчивее и более открыто они сопровождали нас по городу. Все чаще и чаще в ночные часы завывали сирены воздушной тревоги. Иногда по нескольку ночей рядом нужно было отсиживаться в убежище.

Однако нам такая обстановка была на пользу. К тому же я пользовался автомашиной. На ней выезжал в один конец города, оставлял ее на тихой улице, незаметно проходил через двор и в последний момент садился в электричку или автобус, чтобы доехать по нужному адресу. По материалам, имевшимся у военного атташе, я предвзвительно изучал этих разведчиков, и первым, с кем решил восстановить связь, был человек, сын которого после испанских событий посетил Советский Союз. У меня не было

пароля для встречи с ним, а был лишь его адрес и старые пароли. Первая же встреча оказалась удачной во всех отношениях. При встрече назвал пароль. Сообщил ему, что его сын жив и здоров, спросил о его готовности продолжать работу. Он согласился без колебаний. Условившись о следующей встрече, мы расстались.

Для работы с нашей помощью он приобрел мотоцикл, а в качестве постоянной базы для рации была использована его дача в местности, где не было электричества. Доставка ему передатчика, аккумуляторов была делом не из легких. Нужно было незаметно взять все это у военного атташе, привезти в торгпредство, а оттуда — разведчику. Очень помогло то, что за мной была закреплена автомашина. Ее передали нам после того, как было закрыто торгпредство в Австрии. Машина имела серо-зеленый цвет, как и все немецкие военные машины. Днем, когда я ехал по городу, полицейские перекрывали движение и предоставляли мне право проезда.

Вспоминается такой случай. В апреле, в день рождения Гитлера, утром я ехал в посольство и должен был проезжать Бранденбургские ворота. Впереди — пробка, полицейский, увидя мою автомашину, дал мне знак рукой, чтобы я проезжал вперед. И дальше полицейские поступали так же. Только у самых ворот мне показали на объезд. Следуя указаниям полицейских регулировщиков, я оказался у здания имперской канцелярии — резиденции Гитлера, когда он бывал в Берлине. На площади перед канцелярией полно народу. В тот момент Гитлер как раз вышел на балкон. Народ кинулся к зданию, и я застрял в толпе, оказавшись невольным свидетелем «торжества». Гитлер вышел на балкон в коричневой форме, с прилизанными волосами на голове, с благодарной улыбкой. Эта комедия длилась примерно 10 минут. Я подумал о том, что если бы мне была дана команда, то уничтожил бы его мгновенно, как снайпер. Но и разъяренная толпа могла растерзать меня за то, что я не приветствовал их фюрера. В посольстве от атташе получил выговор, так

как забыл о предупреждении, что бы мы в этот день на улице не показывались.

Итак, работа с разведчиком была налажена. Мне предстояло восстановить связь с квартирой. После соответствующих паролей хозяйка меня признала и выразила сожаление, что квартирой дажно никто не пользовался. Это вызвало у нее материальные затруднения. Заплавав, она сообщила, что недавно похоронила мужа и осталась одна. На первое время я вручил ей некоторую сумму денег, предупредил об экономном их расходовании, чтобы соседям не бросилось в глаза появление у нее большой суммы денег. Затем тщательно осмотрел квартиру. Здесь почти все предметы имели секретные места, куда можно было положить донесение. Например, паркетный пол, в котором несколько дощечек открывались при нажатии в определенном месте. За висевшей картиной находился вмонтированный в стену сейф, совершенно незаметный на обоях, его нельзя было определить даже простукиванием. Одежная щетка и та имела тайник.

Таким образом, к середине июня 1941 года я выполнил все свои задачи. 18 июня меня освободили от работы в торгпредстве и дали две недели для сборов на выезд в Москву. Помню свою последнюю официальную встречу с военным атташе, который заявил, что я с честью выполнил все задания и по указанию из Москвы он сделал представление о награждении меня орденом Красного Знамени. Мы с ним простились. 5 июля был назначен мой выезд на Родину. Но увы...

22 июня к вечеру вместе с работниками торгпредства я оказался в концлагере. Опасаясь опознания меня как разведчика, я сбрил с головы волосы, а лицо оставил небритым. Через 3—4 дня даже работники торгпредства перестали меня узнавать. Немецкие разведчики, с которыми я встречался, знали меня только как Бине. Интуиция подсказывала, что Бине они могут искать и здесь. И я не ошибся.

Гестаповское руководство лагеря ежедневно по нескольку раз устраивало нас в два ряда и устраи-

вало смотр. Потом приезжали какие-то лица, каждому из нас они смотрели в глаза. Создавалось впечатление, что кого-то ищут. И вдруг однажды прозвучала команда на построение. Вместе с другими выхожу и я. На восьмой день пребывания в лагере трудно было ходить, так как я обессилел, ибо не мог есть их баланду. После каждой выдачи похлебки помойные бочки оказывались полными. Немецкая охрана посмеивалась, заявляя, что свиньи будут благодарить русских.

В строй я всегда становился ближе к концу, рассчитывая, что к середине внимательность гестаповцев притупится, а в самом конце вновь может усилиться. Когда мы уже стояли в строю, из комендатуры вышли несколько офицеров, а с ними двое гражданских. И — о ужас! Один из них был тот, с кем я встретился. Не могу сказать, что испугался. Нет. Я понял, что должен взять себя в руки и не выдать своего волнения.

Смотр начался. Они искали своих врагов, и в частности меня. Чтобы не взглянуть случайно в глаза подлецу гражданскому, внимательно

смотрел в лицо одному из офицеров. Он не выдержал моего взгляда, ствернулся, а потом оглянулся и еще раз на меня посмотрел.

Немцы ушли в комендатуру. Раздалась команда разойтись. От сердца отлегло. Я понял, что дуэль с предателем выиграл. Мы разошлись по своим блокам. И вдруг команда: «Зайцева в комендатуру!» Товарищи помогли мне встать. Проводили пугливыми и удивленными взглядами. Стараясь идти твердой походкой, пошел в комендатуру. Открыл дверь. Увидел коменданта и переводчика, который спросил, куда я дел ключи от автомашины, которая им теперь нужна. Ответил, что ключи нужно искать в торгпредстве. Меня отпустили. Этот вызов остался для меня загадкой.

На этом закончу рассказ о работе в Германии в предвоенные годы. Конечно, сделано было гораздо больше, но многое за прошедшее время забылось. Но тогда мы стремились сделать все от нас зависящее, чтобы довести до Москвы сведения о замыслах и происках фашистской Германии против Советского Союза.

Н. М. ЗАЙЦЕВ



ВЕРНУТЬ ДОЛГИ

ПРОЧИТАВ в «Военно-историческом журнале» № 8 статью В. П. Галицкого «Верните деньги», решил рассказать вам о своей судьбе бывшего военнопленного. Я попал в плен в Полтавской области в селе Оржица 22 сентября 1941 года. Со-

держался в лагере в Кировограде, где нас использовали на сельхозработах. В 1942 году в группе из пяти человек бежал к партизанам, но был пойман и снова попал в лагерь. Летом 1942 года нас вывезли в Германию в шталаг 111-С в Кюстрине. Находился там под № 27752. Сколько побед и унижений пришлось нам вытерпеть. Мы не знали ни дня, ни ночи. Труд был каторжным. Вместе с нами работали французы, и с ними мы совершили побег. Но и он не удался. На восьмой день нас задержали на польской границе.

И вновь мы организовали побег, я и еще пять человек. Пришли в нашу

войсковую часть 1-й танковой армии. Пришлось пройти через сборные пункты, проверочно-фильтрационные пункты. В 1946 году я демобилизовался.

Призывался я в армию в 1940 году. За время войны дважды был представлен к наградам, но ни одну не получил. Нет обещанной награды, и за свой каторжный труд в Германии мы тоже ничего не получили, хотя согласно конвенции военнопленные и интернированные, как жертвы войны, имеют право на справедливое вознаграждение. Помогите!

П. К. ЮРКИН
(пос. Первомайский
Читинской обл.)

«РАЗВЕДКА СЫГРАЛА ОЧЕНЬ БОЛЬШУЮ РОЛЬ»

*Известно, что советская разведка
оказала неоценимую помощь ученым СССР
в создании отечественного ядерного оружия.
В частности, Клаус Фукс, о подвиге которого
мы рассказали в № 12 за 1990 г. и в № 1 за 1991 г.
Однако добыванием «атомных» секретов
были заняты многие сотрудники наших спецслужб.
Сегодня мы публикуем новые подробности этой страницы
«холодной войны», ставшие известными
в связи с рассекречиванием части архивов КГБ.*

В 1944 году в одном из подразделений американской армии на Аляске появился новобранец — житель Нью-Йорка Моррис Коэн. Сослуживцы знали о нем не очень много. Видели лишь, что Коэн очень скупал по молодой красавице жене, ждавшей его в Нью-Йорке. Лишь каждодневная работа отвлекала солдата: Моррис Коэн был занят важным делом — обеспечением поставок в СССР по ленд-лизу американского оружия и снаряжения, шедших по маршруту Аляска—советский Дальний Восток—Центр. А оттуда поставки распределялись по всем фронтам, шли в резервы.

В редкие свободные минуты рядовой Коэн обращал свои взоры к туманному Берингову проливу. Там, всего в нескольких десятках миль, лежала огромная загадочная страна, служение которой член Компартии США Коэн сознательно сделал смыслом своей жизни. Попав сюда, к дальневосточным границам России, он оказался отрезанным от нелегальной советской резидентуры в США, в работе которой принимал деятельное участие. А потом Коэна перебросили в Англию, затем в Нормандию, где разгорелись бои союзников с бошами, и жена Морриса, Леонтина, потеряла с ним всякую связь. Письма от него перестали приходить...

* * *

В документальной повести писателя Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» есть такие слова: «Кто-то нам сильно помог с атомной бомбой. Разведка сыграла очень большую роль... Но мы об этом не должны говорить».

В 1961 году в Лондоне состоялся судебный процесс по делу английского бизнесмена Гордона Лонсдейла. В то время его фамилия долго не сходила со страниц западных изданий. Материалы о нем выходили под броскими заголовками: «Вызывает Москва!», «Один из обвиняемых — русский!», «Обвинение утверждает о прямой радиосвязи с Москвой!»

Под именем Лонсдейла на Западе действовал наш разведчик полковник К. Т. Молодой. Впоследствии Конон Трофимович так говорил о своей работе: «Я не воровал секреты, а методами и средствами, которые оказались в моем распоряжении, пытался бороться против военной угрозы моей стране»¹.

Мы имеем некоторое представление о разведывательной работе К. Т. Молодого по прошедшему у нас с большим успехом фильму «Мертвый сезон». Но за кадром в фильме осталось нечто весьма существенное: в Англии вместе с Лонсдейлом были арестованы Питер и Элен Крогер, выдававшие себя за новозеландцев. На самом деле это были американцы муж и жена Моррис и Леонтина Коэн, работавшие у Лонсдейла связниками.

Ни на судебном процессе, ни во время девятилетнего тюремного заключения (а приговорили их к 20 годам) Моррис и Леонтина не поддались сильнейшему психологическому нажиму, не выдали никаких секретов советской разведки. Как память о том нелегком периоде жизни в квартире Коэнов и по сей день хра-

¹ Лонсдейл Г. Моя профессия — разведчик: Воспоминания офицера КГБ. — М., 1990. — С. 3.

нится большой плюшевый медведь. Его сделал своими руками и подарил Моррису один из заключенных — участник напумевшего в Англии и за ее пределами «граблениа века», когда из почтового ящика была похищена огромная сумма денег...

И тем не менее британской Фемиде удалось установить американское происхождение супругов Крогер и подтвердить их причастность к деятельности советской разведки на территории не только Англии, но и США (по делу известного разведчика Р. И. Абея). Теперь уже можно сказать, что Моррис Коэн был в свое время связником у Рудольфа Абея (подлинная фамилия — В. Г. Фишер).

Только в 1969 году Моррис и Леонтина Коэн вернулись в Москву. Они на пенсии, живут в обычной московской квартире. И только сейчас пришло время рассказать об их работе в США, направленной в конечном счете на создание атомного паритета с ведущей державой Запада. Для нашей страны в послевоенное время это было крайне необходимо, так как США, первыми став обладателями атомной бомбы, стремились использовать ее для военно-политического давления на СССР.

...Сотрудник центра общественных связей Межреспубликанской службы безопасности полковник Владимир Чиков с волнением открыл дело № 13676, более полувека хранившееся в секретном сейфе. В этом деле — семнадцать томов, более шести тысяч страниц. Лишь немногие из высшего руководства КГБ имели доступ к материалам этого дела, гриф секретности с которого снят только в 1991 году. На документах — резолюции Л. П. Берия, В. Н. Меркулова, В. С. Абакумова, И. А. Серова, А. Н. Шелепина, В. Е. Семичастного, Ю. В. Андропова... В карточку-заместитель Владимир Матвеевич Чиков вписывает и свою фамилию. Указывает цель — подготовка документальной книги — с санкции руководства.

Первые сведения о том, что США активно ведут работы по созданию атомной бомбы, советская разведка получила тревожной осенью 1941 года, когда враг стоял у порога Москвы. А в марте 1942 года развернутая информация об атомных исследованиях США и Англии легла на стол И. В. Сталина. Тогда же по указанию Берия руководителю советского атомного проекта И. В. Курчатову выделили в Кремле маленькую комнатку, где он и знакомился с разведдонесениями по атомной проблематике.

О том, как оценивал Курчатов поступившую из-за океана информацию, свидетельствует следующий (ныне рассекреченный) документ:

«Заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР т. Первуюхину М. Г.

Получение данного материала имеет громадное, неопенимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последу-

ющего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технологических путях ее разрешения.
Зав. лабораторией
профессор Курчатов

г. Москва

7.03.43

Экз. единств.»

В резидентуры Нью-Йорка и Лондона регулярно уходили шифрованные запросы по тем или иным интересовавшим Курчатова проблемам.

Сталин лично поставил задачи нашей резидентуре в США:

следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и не пошли бы против СССР;

добывать сведения о планах Гитлера в войне против СССР, которыми могут располагать американские спецслужбы и военное ведомство;

выяснить секретные цели и планы англо-американцев в этой войне и по возможности установить, когда они намереваются открыть второй фронт;

отслеживать информацию о развитии военной техники, создаваемой в США, появлении новых видов и типов вооружений.

Особое внимание Верховный просил обратить на получение разведанных о разработке американцами урановой бомбы. Нам будет нужна, подчеркнул он, и такая информация, которая позволит судить об истинных намерениях США в связи с созданием ими атомного оружия...

Наши разведчики сумели найти ответы на поставленные вопросы. Главную роль в этом сыграли супруги Моррис и Леонтина Коэн. Член Компартии США Моррис Коэн, в прошлом воин-интернационалист, сражавшийся на стороне республиканцев в Испании, был привлечен к сотрудничеству советской разведкой в 1938-м «на идейной основе». Вот что он рассказывает в своей автобиографии:

«Мои родители — эмигранты. Мать родом из Вильно, отец из местечка Таращи, что под Киевом. Жили они в Нью-Йорке, в районе Гарлема, на Ист-Сайде. В доме у нас часто собирались выходцы из России и Украины и слушали привезенные с собой пластинки, пели народные песни... У меня возникло желание хоть одним глазком увидеть родину моих предков. Это желание с возрастом все более укреплялось во мне.

Россия в самом деле была не похожа ни на какую другую страну, она являла собой эталон нового, справедливого общества, и поэтому многие обращали к ней свои взоры. Да и как было не обращать, если весь Запад впадал тогда в состояние глубочайшей экономической депрессии, а юная Русь набирала обороты, смело приступала к осуществлению геркулесовского плана первой пятилетки. Россия была привлекательна для меня еще и потому, что в ней работа предоставлялась всем, а у нас в Америке, наоборот, процветала безрабо-

тица. Поэтому, как и многими другими мыслящими людьми Запада, мною в те годы тоже сильно владели идеи социализма...»

Моррис Коэн завербовал работавшего в секретном американском атомном центре Лос-Аламос ученого-физика Артура Филдинга (он жив и по сей день, поэтому фамилия изменена. — В. Р.). Вот как описывает вербовочную беседу сам Коэн в отчете, хранящемся в его личном деле:

«— Объясни мне, пожалуйста, Артур, как это ты решился на передачу другому государству секретных данных об атомной бомбе?»

— Я думаю, тебе, Моррис, будет трудно меня понять. Во-первых, я совершенно не согласен с теми, кто считает ошибкой истории появление социалистического государства. Но еще больше я не согласен с теми, кто рассчитывает на возможность исправления этой ошибки с помощью германского фашизма, развязавшего вторую мировую войну.

Мне однажды довелось присутствовать на узком совещании ученых американского происхождения, на котором генерал от Пентагона Гровс однозначно заявил: он не питает никаких иллюзий относительно того, что Россия является врагом Америки номер один и что Манхэттенский проект строится на этой базе. По-моему, этим все сказано.

Мое же личное отношение к изготовлению урановой бомбы начало меняться после поражения немцев под Сталинградом и Курском, когда стало очевидным, что Гитлер проигрывает войну. Я понял тогда, что атомная бомба теперь не нужна, что следовало бы сворачивать дальнейшие работы по ее конструированию, но профессиональные политики и военные, наоборот, стали усиленно подталкивать нас к завершению этих работ.

Главный довод военных заключался в том, что еще не разбита Япония и что обладание атомной бомбой позволит Соединенным Штатам спасти жизнь огромному количеству американцев, так как это приблизит победу на тихоокеанском фронте. Ученые-эмигранты, которым запрещалось выезжать за пределы Лос-Аламоса и Санта-Фе, не знали, что Япония потенциально уже проиграла войну. Не знали они и того, что борьба против фашизма не была основной задачей высших эшелонов политической и военной власти и что бомба станет орудием устрашения, которое должно усилить влияние Америки после войны. А

фактически оно будет направлено против России.

Поэтому я считаю, что надо немедленно довести атомную проблему до сведения русских, поделиться с ними секретными разработками нового вида оружия. Я уверен, что советские ученые тоже смогут создать свою бомбу. И не через двадцать лет, как рассчитывает генерал Гровс, а гораздо раньше. Не надо нам умалять их высоких достижений в ядерной физике.

Я очень хочу, чтобы не только мы владели таким страшным оружием, но и Советский Союз. То есть должно действовать стратегическое равновесие.

Пусть лучше будет худой мир, чем хорошая ссора. Надеюсь, теперь-то ты понимаешь, Моррис, почему я решился на поиски контактов с русскими?»

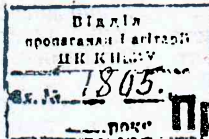
История о том, как жена Морриса Коэна, Леонтина, обманув бдительность спецслужб, сумела пробраться в район, прилегавший к секретному атомному центру, забрать материалы у Артура Филдинга и вывезти их, похожа на захватывающий детектив. И кто знает, может быть, сейчас, после обнаружения данных фактов, по этому «сценарию» кто-то снимет потрясающий фильм.

Сами герои этой истории довольно скромно оценивают результаты своей работы, признавая, что без самоотверженного труда советских ученых, инженеров, рабочих создать атомное оружие было бы невозможно. В этой связи хотелось бы напомнить слова академика И. В. Курчатова: заслуги нашей разведки и ученых в создании атомной бомбы найдутся в соотношении пятьдесят на пятьдесят.

Создав в нашей стране атомное оружие, мы остудили пыл заокеанских стратегов, разрушив их планы нанесения атомных ударов по Советскому Союзу (а их было несколько). Ведь Соединенные Штаты приняли решение в дальнейшем «устрашить» Россию применением ядерного оружия. Подобная концепция основывалась на уверенности американского военно-политического руководства в том, что русские не смогут догнать США, тем более добиться ядерного превосходства над ними в течение ближайшего десятилетия, а то и больше.

Но Москва лишила США возможности монопольно обладать ядерным оружием. А достижение в последующем ядерного паритета можно считать нашим историческим завоеванием. Вклад в него наших разведчиков бесспорен. Сегодня можно и нужно говорить об этом.

Полковник В. Т. РОЩУПКИН



Л-133

Довершено секретно

Приказ № 0078/42

22 Июня 1944 года

г. Москва

**По Народному Комиссариату Внутренних Дел
Союза ССР и Народному Комиссариату Оборона
Союза ССР**

**Содержание: О ЛИКВИДАЦИИ САБОТАЖА НА УКРАИНЕ
и о контроле над командирами и красноармейцами,
мобилизованными из освобожденных областей
Украины.**

§ 1.

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях наблюдается явное враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии. Оно, для того, чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически убивает скот. Чтобы сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывает в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах „зеленые“ банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеназложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти, и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов.
2. Выселение производить:
 - а) В первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев.
 - б) Во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации.
 - в) Выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии.
 - г) Выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрыться другим и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.
3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль:
 - а) Завести в особых отделах специальные дела на каждого.
 - б) Все письма проверять не через цензуру, а через особ. отд.
 - в) Прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и кр-цев.
4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12 и 25 карательные дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР (БЕРИЯ)**

**ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА
ССР, МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (ЖУКОВ)**

Верно:
Начальник 4-го отделения
Полковник (Феодоров)

У к р а и н ц ы !

Этот приказ находится в руках Германского Верховного Командования,
SR 556

СЕЯТЕЛИ ВРАЖДЫ

(По поводу одной провокации «Литературной Украины»)

27 ФЕВРАЛЯ газета «Литературная Украина» опубликовала с комментарием совершенно секретный приказ от 22 июня 1944 года. Названием публикации стала строка из этого приказа: «Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев...»*. Предваряя материал, кандидат исторических наук Василий Марочкин сообщил читателям газеты, что, занимаясь поиском документов об ОУН-УПА в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины (бывший архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПУ), он нашел приказ советского командования за подписями Л. П. Берии и Г. К. Жукова, который наверняка вызовет интерес широкой общественности. И, «не желая» комментировать свою находку, как бы сохраняя полную объективность, заканчивает так: «Предлагаю его (документ. — Е. М.) читателям «ЛУ» языком оригинала. Дескать, читайте, пожалуйста, дорогие сограждане, что с вами хотели сотворить. И выводы сами делайте.

Для пущей убедительности приведена и ссылка на ЦДАГОУ — Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ф. 1, оп. 70, д. 997, с. 91).

Ни на йоту не сомневаясь в подлинности документа, редакция в небольшом послесловии напомнила читателям, что в докладе на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года «О культуре личности и его последствиях» Н. С. Хрущев, говоря о массовом выселении из родных мест целых народов, заявил, что украинцев обошла эта судьба только потому, что их очень много и некуда было выселять.

«Литературная Украина» сообщает и о том, что, по ее данным, свой «имперский гнев» на республику Сталин вынашивал давно. В статье упоминается и резкий разбор киносценария А. Довженко «Украина в огне», и критика большевистского террора, Ленина и Сталина. Словом, «вали кулем, потом разберем».

«Хочется надеяться, — завершает редакция, — что выяснится ситуация и относительно злосчастного приказа № 0078/42, который, к счастью, не был реализован».

Что ж, давайте попробуем помочь «Литературной Украине» в ее желании «выяснить ситуацию», раз она не сумела этого сделать до публикации материала.

Неужели и впрямь замышлялось чудовищное злодейство? Связываюсь с начальником Центрального государственного архива Советской Армии. Именно здесь хранятся приказы военных лет по Наркомату обороны. Михаил Васильевич Стеганцев, отложив все дела, занялся прозркой. Вскоре сообщает: «Такого приказа в фондах архива нет».

В Центральном архиве Министерства безопасности Российской Федерации (бывший архив КГБ СССР) письменно подтвердили, что приказа НКВД и НКГБ за № 0078/42 от 22 июня 1944 года нет и там.

* В заголовке строка приказа искажена. В документе — «отдаленные края».

Быть может, что-то известно о загадочном приказе в ЦГАОР — Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР? И тут обнаруживаем: есть приказ № 0078! Но не от 22 июня 1944 года, как поведал читателям В. Марочкин, а от 26 января, и не совместный НКВД и НКО, а только НКВД, и подписанный не Л. П. Берией и Г. К. Жуковым, а Чернышевым, и не по выселению украинцев, а по совершенно другому вопросу.

Впрочем, это лишь подтвердило то, что и так было ясно. Анализ специалистами опубликованного в «Литературной Украине» приказа выявил более десятка принципиальных ошибок в терминологии, изложении и содержании этого документа. Многие выглядят просто вздором и нелепостью. Возьмем хотя бы начало приказа. Речь идет о ликвидации саботажа на Украине и о контроле над командирами и красноармейцами, мобилизованными из освобожденных областей республики. В приказной же части пункт первый гласит: «Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев...» Как говорится, «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

В пунктах 3а и 3б речь идет об особых отделах. В 1944 году таковых попросту не существовало, так как Управление особых отделов НКВД СССР 19 апреля 1943 года было передано в НКО СССР и реорганизовано в Главное управление контрразведки (ГУКР) «Смерш». Да и номер приказа написан неграмотно, поскольку в совершенно секретном приказе оба составляющих его порядковых числа должны быть «двумя нулями» (например, № 0078/0042). Кроме того, в составе войск НКВД вообще не было дивизий, которые носили бы название «карательные». Этот перечень можно было бы продолжить, но нет смысла. Факт налицо: перед нами фальшивка.

А как же указанные в «Литературной Украине» архив, фонд, опись, дело, лист? Точку ставить рано. Последнее звено в цепи проверки — Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Его директор, кандидат исторических наук Руслан Яковлевич Пирог, любезно согласился предоставить мне возможность самому ознакомиться с архивным делом. Пока искали документы, я высказал свои сомнения, перечислил все погрешности и ошибки опубликованного приказа. Руслан Яковлевич поднял руки вверх: «Вы меня убедили в том, что этого не может быть. Правда, я об этом узнал буквально через несколько часов после выхода газеты. Ведь в нашем парламенте публикация действительно произвела эффект разорвавшейся бомбы. Такого приказа в архиве нет. Есть немецкая листовка».

И вот у меня в руках дело 997. На обложке название: «Листовки, журнал «Вестник немецко-фашистского и украинского националистического Харькова». Здесь же — десятки других листовок. Открываю 91-ю страницу. Ту самую, на которую ссы-

лался В. Марочкин. И вот тут-то и обнаружилось, что у «сенсации», получившей такой резонанс на Украине, родословная еще от ведомства Геббельса. Мало того, Василий Марочкин, а с ним и редакция «забыли» указать, что листовку публикуют не полностью. Опушены последние строки: «Украинцы! Этот приказ находится в руках Германского Верховного Командования»*. Опушены, надо полагать, потому, что запускавшие сегодня в оборот гитлеровскую или бандеровскую фальшивку справедливо рассудили: это может вызвать недоверие у читателей. А подобная сенсация так нужна нынче кое-кому на Украине!

Справедливости ради замечу, что «Литературная Украина» в одном из мартовских номеров под рубрикой «возвращаясь к напечатанному» опубликовала письмо директора архива Р. Я. Пирог, где было сказано, что такого приказа в архиве нет, и сообщила, что якобы доверилась своему постоянному автору, материал которого привел к дезинформации.

Казалось бы, вопрос исчерпан, можно ставить точку. Но «Литературная Украина» никак не желает согласиться с этим, безоговорочно признать очевидное. В послесловии к письму заключает, что существование такого документа, «учитывая сталинский геноцид», не исключено.

Оригинальное опровержение, не правда ли? Вроде бы и нет документа, а и то же время — кто его знает?

Между тем, похоже, покаяние газеты мало кто заметил. А вот сама фальшивка пошла гулять по Украине, вводя в заблуждение миллионы людей.

Материал из «Литературной Украины» поспешила перепечатать газета Житомирской организации «Руха» «Вече». Следом — «Вестник Переяславщины». Возможно, к провокации подключились и другие «борцы за национальное возрождение». Мы знаем лишь о тех газетах, о которых сообщили читатели «Военно-исторического журнала». Люди в смятении, в растерянности. На нашу историю в последние годы многими шибко «демократическими» органами печати вылиты столько грязи, что и самые рассудительные, умудренные жизненным опытом готовы допустить, что чудовищная клевета — правда. Вот, к примеру, что пишет в редакцию из Уж-

города участник Великой Отечественной войны Иван Петрович Филь: «Как хочется верить, что это провокация! Однако сто-процентной уверенности нет... Но если действительно был такой приказ?, В таком случае оправдания не вижу».

Провокация, провокация это, Иван Петрович!

Впрочем, пределами Украины действие фальшивки не ограничилось. 4 марта «Литературная газета» опубликовала открытое письмо «Резать по живому?» писателя Бориса Можаяеву поэту Ивану Драчу. В качестве эпиграфа Борис Можаяев привел цитату из поучения Мономаха: «Научись по Евангельскому слову управлению очами, удержанию языка, смиренню ума, погублению гнева, чистым помыслам...»

Размышляя над судьбами русских и украинцев, пытаюсь разобраться в сложных исторических процессах минувших веков, которые неизвестны подавляющему большинству жителей России и Украины, Борис Можаяев затрагивает проблему Крыма, раздела Черноморского флота и задается вопросом: «Тут поневоле подумаешь: а не сталкивают ли лбами русский и украинский народы?» Вопросом, как видим, далеко не праздным.

18 же марта, т. е. через две недели после публикации опровержения в «Литературной Украине», один из руководителей «Руха» поэт Иван Драч в той же «Литературной газете» опубликовал ответ Борису Можаяеву. И вот, между прочим, что написал Драч: «Недавно наш историк Василий Марочкин извлек из архива один документ, который бомбой взорвался среди читателей «Литературной Украины». Это приказ № 0078/42 от 22 июня 1944 года...» А далее — изложение фальшивки, иначе говоря — новое ее тиражирование. Иван Драч озаглавил свой ответ Борису Можаяеву «Сверимся по Мономаху». Что же, давайте сверимся, пан И. Драч. Вспомним при этом не только общего предка двух великих народов, но и общую историю, во многом общую судьбу. Они неразрывны так же, как и наше общее будущее. Эту реальность не изменить, несмотря на потуги некоторых воздвигнуть новую Берлинскую стену где-то между Белгородом и Харьковом.

Полковник Е. Н. МОСКАЛЬ

* См. факсимильную копию листовки на с. 38.

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Если вы патриот своей Родины, если интересуетесь военной историей Отечества и у вас болит душа за его нынешнее состояние, «Военно-исторический журнал» — это издание для вас. Журнал стремится отражать все богатство современного военно-исторического знания и вместе с тем ориентирован на самую широкую читательскую аудиторию. В материалах журнала глубоко и полно анализируются проблемы истории войн и военного искусства, военной политики и военного строительства, прослеживается история военного костюма, оружия и боевой техники, публикуются статьи

по историографии и вопросам военной статистики.

Сейчас, когда идет становление национальных армий независимых государств, разработка ими военных доктрин, особую актуальность приобретает исторический опыт военных реформ в нашей стране и за рубежом. Эта тема остается одной из ведущих на страницах журнала.

Большое внимание редакция намерена уделять объективному освещению так называемых белых пятен прошлого на основе неизвестных ранее архивных документов. Будут самым широким образом представлены военно-исторические

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету _____ журнал _____ **70137**

Военно-исторический журнал (индекс издания)
(наименование издания)

											Количество комплектов:
на 19 ____ год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ литер _____ на газету _____ журнал _____ **70137**

Военно-исторический журнал (индекс издания)
(наименование издания)

Стоимость	подписки _____ руб. _____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки _____ руб. _____ коп.	

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

работы дооктябрьского периода и русского зарубежья. В частности, под рубрикой «Из неопубликованных рукописей» журнал начнет публиковать «Аргентинский архив генерала М. В. Алексеева». Вы познакомитесь с малоизвестными подробностями первой мировой войны, узнаете много нового о противостоянии двух известных исторических деятелей — министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского и Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова, получите возможность под неожиданным углом зрения взглянуть на события, повлекшие братоубийственную гражданскую войну в России.

Журнал намерен опубликовать отрывки из фундаментального исследования генерал-лейтенанта русской армии Н. Н. Головина «Военные усилия России в первой мировой войне», изданного в 1939 году в Париже.

Особое место в журнале занимают освещение истории Великой Отечественной войны, публикация документов из военных архивов, а также материалов под рубриками «Летопись полков российских», «Гриф секретности снят», «Против лжи и фальсификации». Журнал намерен широко освещать вопросы социальной защиты военнослужащих, воинского обучения и воспитания, образа жизни воинов старой российской армии.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины. При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемента выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Кристиан ШТРАЙТ

ОНИ НАМ НЕ ТОВАРИЩИ

(Главы из книги)

МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ВЕРМАХТА

Расстрелы советских военнопленных не ограничиваются действиями эсэсовских команд. Политическая цель «защитить немецкий народ от большевистских подстрекателей и прочно удерживать захваченную территорию», неоднократно повторявшиеся требования принять решительные меры по отношению военнопленных для достижения этой цели и полная ликвидация как пассивного, так и активного сопротивления привели вместе с жестокостью, вызванной этими приказами, к тому, что и цифра расстрелянных войсками советских военнопленных была пяти-, если не шестизначной.

Для войск порядок обращения с советскими военнопленными определялся приказом Гальдера от 3 апреля [1941 г.] и директивами по действиям войск в России, изданными штабом оперативного руководства вермахта. Вскоре после начала боевых действий эти указания оказались, по мнению командования сухопутных сил, недостаточными. 25 июля [1941 г.] генерал по особым поручениям при главнокомандующем сухопутными силами генерал-лейтенант Мюллер отдал по поручению Браухича другое распоряжение, означавшее новую радикализацию:

«Дальнейшее расширение театра военных действий на Востоке, коварство и особенности противника потребовали, в частности, проведения с самого начала на чсто русских территориях таких мероприятий, которые позволили бы управлять занятой территорией и использовать землю. Известно, что не во всех местах принимались решительные меры с надлежащей настойчивостью и твердостью. Частично это объясняется еще не-

достаточным информированием вновь привлеченных и функционирующих учреждений и войск. Смена учреждений никоим образом не должна влиять на выполнение задачи».

Главнокомандующий сухопутными силами приказал поэтому еще раз обратить внимание на следующее: «Главным при любых действиях и для выполнения всех мероприятий должна быть мысль о необходимости обеспечить безусловную безопасность для немецких солдат».

Первая часть приказа, которая посвящена обращению с гражданским населением противника, содержит в основном повторение положений плана «Барбаросса». Ссылаясь на девиз «Русский издавна привык повиноваться власти» и на объявленную Сталиным партизанскую войну, было приказано при малейших признаках сопротивления принимать жесткие меры «также и в до сих пор спокойных районах». Далее в распоряжении говорилось:

«Настоятельно указывается на то, что нет необходимости преждевременно задерживать заложников для того, чтобы они отвечали за будущие правонарушения. Население будет отвечать за порядок и спокойствие в своих районах и без специального объявления и задержания».

Было приказано также принимать решительные меры и в отношении советских военнослужащих, которые в ходе боев не были пленены и теперь пытались пробраться в родные места или соединиться со своими войсками.

В 1941 году советские военнопленные, как правило, неделями двигались пешим порядком в лагеря, находящиеся в ведении вермахта. Сотни тысяч жертв, которых потребовали эти изнуряющие марши, относились, не только на счет голода, изнурения и ненастья, но также и на счет того, что конвоиры имели право на основе отданных приказов расстреливать в связи с неповиновением и попыткой к бегству. Отношение к пленным, спровоцированное этими приказами командования сухопутных сил, получило такое развитие, которое уже не удалось изменить никакими последующими приказами общевойсковых командиров.

Распоряжение расстреливать оставших от своих частей солдат или совершивших побег и вновь пойманных военнопленных как партизан после невязки в ближайшем гестапо в установленный срок повлекло за собой такое количество жертв, которое исчисляется пяти-, а то и шестизначными цифрами, особенно в тех районах, где после боев в окружении в лесах прятались тысячи красноармейцев. После поступления приказа Мюллера в тыловых районах было немедленно объявлено о том, чтобы советские солдаты сдавались.

ОБРАЩЕНИЕ С ПЛЕННЫМИ ЕВРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Приказ выполнялся не везде одинаково. Если в некоторых районах с задержанными и отставшими в большинстве случаев обращались как с пленными, то в других они расстреливались почти все без исключения. Наряду с эсэсовскими частями, действовавшими в тыловом районе группы армий «Центр», особенно решительные акции проводил командующий войсками в Белоруссии. В своем отчете он подчеркивал, что бежавшие пленные представляют большую опасность из-за их связи с партизанскими группами, поэтому необходимо принимать самые строгие меры против каждого военнопленного, задержанного на данной территории. О чем это говорит, поясняет прилагаемое донесение о количестве «боев с партизанами»: за один месяц был расстрелян 10 431 из 10 940 пленных. О партизанах здесь не могло быть и речи. Об этом свидетельствует тот факт, что немецкие части потеряли убитыми два и ранеными 5 человек. В качестве трофеев было захвачено 89 единиц пехотного оружия.

Также и после того, как немецкое командование в целях получения рабочей силы для германской военной промышленности приняло решение изменить политику по отношению к военнопленным, эти приказы оставались в силе. 6 января 1942 года командир 281-й дивизии охраны подтвердил, что красноармейцев следует немедленно расстреливать как подозреваемых в причастности к партизанам, при этом как тех, кто был задержан патрулями, так и тех, кто явился сам, если в ходе допроса выяснилось, что они в течение длительного времени находились в пределах тыловой зоны.

В связи с тем что в сухопутных силах систематически проводились массовые расстрелы, все же кажется противоречивым то, что командование сухопутных сил отменило расстрелы советских военнопленных в качестве «репрессии». Относительно небольшое количество случаев плохого обращения со стороны советских войск с немецкими военнопленными или расстрелов, умело использованных немецкой пропагандой, привело к тому, что вскоре в результате требований со стороны отдельных общевоинских командиров появилось указание расстреливать советских военнопленных в качестве возмездия. Главнокомандующий сухопутными силами отменил это в начале июля 1941 года, потому что от расстрела даже большого количества русских военнопленных он никакого успеха для себя не ожидал (не так, как с западными державами), более того, он опасался ужесточения боев.

Способы ведения войны на Востоке не имели ничего общего с традиционным ведением войны; вместо репрессий (оспариваемых международно-правовыми нормами ведения войны), которые вынудили противника прекратить нарушать международно-правовые нормы ведения войны, у немецкого командования вынашивалась мысль о полном подавлении сопротивления противника¹.

Из описания акций по уничтожению, проводимых карательными отрядами, видно, что судьба евреев среди советских военнопленных также и в сухопутных силах решалась в соответствии с приказом Гейдриха № 14 от 29 октября 1941 года. Именно по вопросу обращения с военнопленными-евреями материалов оказалось мало. Но те материалы, которые удалось раздобыть, позволяют сделать вывод о том, что и военные органы обращались с евреями значительно хуже, чем с остальными советскими военнопленными.

Приказы главного штаба вермахта и главного командования сухопутных сил, касающиеся обращения с военнопленными еврейской национальности, обнаружить не удается. Приказ от 24 июля 1941 года, подписанный генерал-квартирмейстером Вагнером и требующий отбора и ликвидации политических неприемлемых и подозрительных элементов, комиссаров и подстрекателей, предписывал лишь только то, что «азиатов» (по их принадлежности), евреев и говорящих на немецком языке не отправлять в рейх, а использовать на работах в зоне боевых действий. В этом случае судьба евреев резко отличалась от судьбы «политически неприемлемых» пленных, и это позволяет предположить, что по меньшей мере к началу боевых действий у командования сухопутных сил не имелось приказа, который требовал ликвидации этих пленных. А если командиры многих лагерей и передавали по своему усмотрению пленных евреев карательным отрядам или позволяли проводить в лагерях расстрелы, то это объясняется тем, что эти командиры, так же как и большинство командующих группами армий и армиями, делали свои собственные выводы из-за противоречивой политики руководства сухопутных сил. Они исходили из того, что коль уже карательные отряды действуют в зоне боевых действий, то они и должны полностью осуществлять расстрелы, тем более что многие офицеры были склонны отнести евреев в целом к категории политических неприемлемых и подозрительных элементов.

¹ По данным на 1.4.1942, во всех вооруженных силах находилось всего лишь 68 советских военнопленных еврейской национальности. Гейдрих сделал исключение для медицинского персонала еврейской национальности, вероятно, по требованию главного командования сухопутных сил, так как к этому времени в лагерях уже начались эпидемии. В своей директиве начальнику полиции и службы СС от 2.7.1941 Гейдрих предписывал: «Поступать особенно осторожно при расстреле врачей и другого медицинского персонала, так как в деревне примерно на 10000 жителей приходится один врач, то при возникновении эпидемии вряд ли удастся ликвидировать нехватку врачей, если они будут уничтожаться в большом количестве».

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРМАХТА И ОПЕРАТИВНЫХ ГРУПП СС

Чтобы выяснить позицию действующей армии, в частности высшего командования, в этом вопросе, следует кратко остановиться на взаимодействии действующей армии и оперативных групп.

В западногерманской историографии до середины 60-х годов почти догмой считалось положение о том, что вермахт не имел никакого отношения к преступлениям национал-социалистов, которые в основном сводились к истреблению евреев. Появилось «два исторических типа солдат... противник национал-социализма и жестокий, но честный солдат, стоящий в стороне от политики».

Проводили различие между боями на Восточном фронте, где имела место так называемая «чистая война», убийствами, которые осуществляли оперативные группы СС, и политикой угнетения и грабежа оккупированных областей. Такой традиционный тезис содержится и в биографии Гитлера, написанной Йохимом К. Фестом:

«В то время как войска вермахта стремительно наступали вперед, оперативные группы СС в оккупированных областях насаждали террор, прочесывали города и населенные пункты, преследовали евреев, партийных работников, представителей интеллигенции, а также всех, кто мог принадлежать к руководящим кадрам, и ликвидировали их».

Такое изложение событий справедливо для того периода войны на Востоке, когда немецкие войска уже достигли наибольших успехов, однако к этому времени часть командования сухопутных сил армейского звена выступала за более благоразумную восточную политику, исходя из осложнившейся военной обстановки, что постоянно приводило к разногласиям с партийными органами. Но в 1941 году дело обстояло иначе.

27 июня 1941 года, через пять дней после нападения, в донесениях содержалось первое сообщение карательной команды 1а (штандартенфюрер СС Мартин Зандбергер), которая соединилась в Приколе (восточнее Либавы) с 291-й пехотной дивизией, наступавшей в первом эшелоне 18-й армии. Уже на следующий день поступило донесение о проведении в Шкоудасе первой карательной акции против евреев. В середине июля 1941 года командир оперативной группы «А» бригаденфюрер СС доктор Франц Штальэкер, которому подчинялась эта карательная команда, во время беседы с командующим танковой группой генерал-полковником Эрихом Хёпнером, начальником штаба и начальником разведки пришли к соглашению о том, что в соответствии с тщательно разработанным планом передовым частям дивизии, предназначенной для вступления в Ленинград, придавались команды полиции безопасности.

О продвижении карательных команд вместе с передовыми частями группы

армий «Центр» свидетельствуют места дислокации, указанные в донесениях. В этой зоне взаимодействие было также весьма тесным:

«В период, указанный в донесении, взаимодействие с полицейскими и военными командными инстанциями было весьма удовлетворительным. Полиция безопасности пользуется большой известностью среди командных инстанций вермахта. Они используют широко нашу помощь, опыт и инициативу. При осуществлении крупных акций в отдельных случаях нашему командованию незамедлительно выделяются в подчинение воинские подразделения. Хозяйственные учреждения, как и военная администрация в целом, обращались к нам за советом и охотно пользовались нашими предложениями. Как уже неоднократно упоминалось, взаимный обмен информацией между оперативными группами, с одной стороны, и группами армий, командующим тыловым районом, командованиями армий, полевыми и местными комендатурами, с другой стороны, привел к весьма благоприятным результатам. Все наши пожелания до сих пор выполнялись».

Другие начальники оперативных групп и карательных команд, как и Небель, выразили свое удовлетворение в связи с тем, что их сотрудничество с вермахтом протекает без особых осложнений.

4 июля 1941 года карательная команда 2 сообщила:

«Взаимодействие с командованием (16-й) армии отличное... количество погромов (!) растет».

Карательная команда 4в, наступавшая с частями 17-й армии (командующий генерал пехоты Карл-Генрих фон Штюльпенгал), доложила:

«Вермахт настроен достаточно враждебно по отношению к евреям».

Карательная команда 18, базировавшаяся в Барановичи, в тыловом районе группы армий «Центр», сообщала об особенно успешном взаимодействии с соответствующими командными инстанциями вермахта. В начале ноября 1941 года командир оперативной группы СС бригаденфюрер СС доктор Отто Раш дал весьма подробную оценку отношений с вермахтом:

«Что касается отношений оперативной группы «С» и входящих в нее карательных команд к другим командным инстанциям, то особого внимания заслуживает отношение к вермахту. С первого дня оперативной группе удалось добиться полного взаимного согласия со всеми командными инстанциями вермахта... Довольно часто имели место даже случаи, когда требовалась поддержка карательных команд силами частей, ведущих боевые действия».

В крупных военных операциях постоянно участвовали также и передовые отряды оперативных групп, которые вступали в населенный пункт вместе со сражающимися частями. При этом во всех случаях оказывалась максимальная поддержка. В этой связи следует упо-

мянуть, например, о поддержке при взятии Житомира, где непосредственно за первыми танками в город прибыли три машины 4-й карательной команды. Успешные действия оперативной группы привели к тому, что полиция безопасности получила высокую оценку прежде всего в штабах вермахта. Офицеры связи при штабах армий самым тщательным образом инструктировались, и, кроме того, им оказывалась широкая поддержка. Командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал фон Рейхенау неоднократно с похвалой отзывался о действиях карательных команд и соответствующим образом защищал интересы СД перед своими штабами».

Удовлетворение, которое испытывали командиры оперативных групп и начальники карательных команд, было достаточно обоснованным. Уже отмечалось, что Гейдрих и командиры оперативных групп стремились к тому, чтобы при проведении особо жестоких акций, которые, несомненно, привлекли бы внимание различных кругов Германии, проявлялась осторожность и по возможности они оставались в тени. Гейдрих и командиры оперативных групп рассчитывали на возможность проведения погромов в оккупированных областях. В основе расово-идеологической ограниченности высших кругов Германии лежал тезис о том, что местное население само по себе склонно к «самоочищению» от «ненавистных» евреев и коммунистов.

Уже 17 июня Гейдрих объявил командирам оперативных групп о том, чтобы они не мешали населению, настроенному против коммунистов и евреев, самостоятельно «очищаться» от своих противников.

Напротив, им следовало, оставаясь, правда, в стороне, инспирировать погромы, в случае необходимости усиливать их действия и использовать в нужном направлении.

Так как подобные действия по понятным причинам возможны лишь в первый период оккупации, оперативные группы и карательные команды полиции безопасности и СД должны стремиться при взаимодействии с военными командными инстанциями вступать в захваченные районы в максимально короткие сроки хотя бы с передовыми командами.

Эта директива, многократно повторенная Гейдрихом, также воплощалась в приказах командиров оперативных групп.

Однако карательным командам пришлось вскоре констатировать, что такие методы приносят весьма незначительный успех:

«Предпринятые в свое время попытки тайно инспирировать еврейские погромы не привели, к сожалению, к желаемым результатам».

Процент евреев, уничтоженных во время таких погромов, был сравнительно низким.

Не требовалось особых доказательств того, что эти погромы выставляли оперативные группы перед вермахтом в плохом виде.

Учреждения вермахта были готовы к взаимодействию совсем иного характера, чем надеялся Гейдрих, исходя из опыта, полученного в Польше. Между отдельными армиями и прежде всего в нижних звеньях армий отмечалось значительное расхождение в отношении масштабов взаимодействия. Отдельные части, находившиеся также и в тыловых районах, ограничивались необходимым минимумом контактов или даже старались саботировать «мероприятия» команд; некоторые смелые офицеры полностью использовали свободу действий, предоставленную командованием сухопутных сил. Как правило, однако, отмечалась готовность, а во многих случаях даже стремление к такому взаимодействию.

Соглашение, заключенное между Гейдрихом и Вагнером, обязывало армию брать команды на довольствие, т. е. снабжать их продовольствием, топливом, боеприпасами и т. д. Кроме этого минимума снабжения, вскоре возникла система поддержки, которая только и позволила малочисленным командам за несколько месяцев провести расстрелы десятков тысяч человек.

К наиболее важным проявлениям такой поддержки относятся приказы командующих армиями, которые издавались сразу после вступления в захваченные районы и обязывали еврейское население отмечаться и регистрироваться по месту жительства. Вероятно, по всему Восточному фронту командующие армиями обращались к гражданскому населению со следующими требованиями, которые печатались на больших плакатах:

«Немецкий солдат пришел не как завоеватель, а основатель на преступной системе правления, которая эксплуатировала и поработила трудящихся крестьян и рабочих. После жестокой борьбы, хаоса и опустошения немецкие солдаты принесли порядок и безопасность.

Начинается новая жизнь!

До окончательного урегулирования положения предписываются следующие требования:

Все без исключения коммунистические и еврейские органы управления немедленно упраздняются...

В целях обозначения расовой принадлежности все евреи обоего пола должны на руках носить белые повязки со звездой Давида.

Все евреи обоего пола должны срочно явиться к старосте общины по местожительству.

Право свободного передвижения для евреев отменяется. Евреи, которые покидают населенные пункты без письменного разрешения старосты общины или немецкой инстанции, подвергаются суровому наказанию.

Все евреи обоего пола от 16 до 50 лет находятся в распоряжении старосты общины для привлечения к работам.

Все евреи должны сдать старосте общины все принадлежащие им радиоприемники.

**Главнокомандующий
немецкой армией».**

Если таким образом уже были созданы предпосылки к тому, что карательные команды только собирали зарегистрированных лиц, имеющих особую отметку, то в отдельных районах и войска оказывали им помощь.

Приказ командования 17-й армии от 7 сентября 1941 года, согласно которому евреев обоего пола и любого возраста (1) при прохождении по мостам через Днепр следовало задерживать как подозреваемых в контрразведывательных действиях, в виде отдельного документа отсутствует.

Особенно тесно взаимодействовали вермахт и оперативные команды в зоне группы армий «Юг» (главнокомандующий генерал-фельдмаршал фон Руддштедт), причем не следует доказывать, в какой степени это зависело от личных качеств командующих частями, которые действовали в этой зоне, и в какой от того, что на Украине проживала наибольшая часть еврейского населения. В зоне этой группы армий действовала оперативная группа «С»; входившие в ее состав карательные команды взаимодействовали с 6-й армией (под командованием генерал-фельдмаршала фон Рейхенау), 17-й армией (командующий генерал пехоты фон Штюльпнагель) и 1-й танковой группой (командующий генерал-полковник Эвальд фон Клейст), а также оперативная группа «Д», которая непосредственно взаимодействовала с 11-й армией (командующий генерал-полковник Ритгер фон Шоберт), наступавшей с территории Румынии.

Уже отмечалась особая похвала, содержащаяся в донесении оперативной группы «С» в адрес фон Рейхенау, где отмечалась его готовность к взаимодействию.

Чтобы правильно оценить значение приказа, отданного фон Рейхенау 10 октября 1941 года, следует знать причину. Конкретным поводом для данного приказа явилось то, что в армии Рейхенау, несмотря на поддержку, которая была одобрена главным командованием сухопутных сил, это приводило неоднократно к трениям в нижнем звене. Поэтому Рейхенау счел необходимым занять принципиальную позицию:

«Поведение войск по отношению к большевистской системе еще четко не определено.

Важнейшей целью кампании против еврейско-большевистской системы является уничтожение органов власти и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру.

В этой связи возникают задачи и перед войсками, которые выходят за рамки чисто военных. Солдат на Восточном фронте не только сражается по всем правилам военного искусства, но также несет в себе неумолимую народную идею и мстит за все зверства, причиненные немецкому народу и народу, принадлежащему к той же расе.

Поэтому солдат должен полностью осознавать необходимость сурового, но справедливого возмездия, совершаемого по отношению к евреям. Беспорядки в

тылах вермахта, постоянно организуемые евреями, должны подавляться в зародыше».

Затем Рейхенау принял решение вести борьбу против партизан, на которых обращали еще недостаточно серьезное внимание. Он категорически запретил брать в плен партизан и потребовал исполнения «драконовских мер», чтобы помешать гражданскому населению оказывать поддержку партизанам. В заключение он приказал:

«Чуждый всех политических соображений солдат должен выполнять следующие требования:

1) Полностью уничтожить большевистское джеучение, советское государство и разбить его вооруженные силы.

2) Безжалостно искоренить чуждое нордической расе вероломство и жестокость, чтобы гарантировать жизнь немецким солдатам в России.

Только таким образом мы решим нашу историческую задачу и освободим раз и навсегда немецкий народ от азиатско-еврейской опасности».

Данный приказ фон Рейхенау вскоре стал известен на всем Восточном фронте. Уже через неделю после его подписания генерал-фельдмаршал фон Руддштедт направил его в 11-ю и 17-ю армии, 1-ю танковую группу и командующему тыловым районом группы армий для передачи подчиненным частям. Не выяснено до сих пор, каким путем, но, безусловно, с согласия Рейхенау, этот приказ был опубликован в ставке фюрера; Гитлер высоко оценил этот приказ, после чего фон Браухич поручил генерал-квартирмейстеру Вагнеру отправить этот приказ всем частям на Восточном фронте с просьбой, если это не сделано раньше, отдать соответствующие аналогичные распоряжения.

В дальнейшем подобные расправы происходили в более широких масштабах.

Отчетливую картину уничтожения еврейского населения, осуществляемого оперативной группой «Д» вместе с украинской милицией, дают донесения управления коменданта гарнизона и полевой комендатуры. Кроме того, это показывает, что комендантские патрули регулярно арестовывали евреев и передавали их СД для дальнейших распоряжений. Комендаты гарнизона занимались подготовкой акций и регистрацией евреев, армейские инстанции постоянно информировались о предстоящих расстрелах.

Поскольку после войны историки изучали приказ Манштейна, то в центре внимания стал вопрос, знал ли он о расстрелах евреев. Сам фон Манштейн неизменно категорически опровергал это. Такая постановка вопроса неприемлема, так как в этом случае вся ответственность падает на фон Манштейна. Однако, не принимая во внимание его личную позицию, имеющиеся источники свидетельствуют, что взаимодействие армейских инстанций и команд СС зави-

село в значительной степени от отдельных решений, принятых подчиненными инстанциями. Что касается самого фон Манштейна, то возникает вопрос, что конкретно подразумевал командующий армией, который, например, слушал речь Гитлера от 30 марта и не мог стоять совершенно в стороне от явлений Восточной кампании, которая велась в течение полугода, когда он говорил о «суровом возмездии евреям, духовным носителям большевистского террора», которое немецкий солдат должен был «одобрять». Командование 17-й армии проявляло еще большую готовность к взаимодействию при истреблении евреев. Уже в первые дни войны главное командование думало о том, как наиболее целесообразно должны действовать карательные команды, и подало главному командованию имперской безопасности идею об использовании в акциях по самоочищению поляков, настроенных враждебно по отношению к коммунистам и евреям, которые проживали в оккупированных районах.

Когда в занятом немецкими войсками Кременчуге были отмечены три случая повреждения кабеля дальней связи, карательной команде 4в было предложено принять жесткие меры против местных евреев (1). То, что речь могла идти не только о самоуправстве начальника разведки армии, видно из характерного приказа, подписанного 30 июля 1941 года командующим армией генералом пехоты Карлом-Генрихом фон Штюльпнагелем: «Если в случае саботажа или нападения на военнослужащих нельзя установить виновников, то в целях возмездия расстрелу подлежат евреи или коммунисты, особенно комсомольцы еврейской национальности». Что же могло побудить фон Штюльпнагеля, который в 1939—1940 гг., будучи начальником тыла в генеральном штабе сухопутных сил, входил в оппозиционную группу военных и поддерживал борьбу против преступлений СС в Польше, к такому сотрудничеству с приданной командой СС в деле ликвидации евреев и большевиков. Часто повторяемый весьма убедительный аргумент о том, что готовность к борьбе с коммунизмом всеми имеющимися средствами заставляет забывать о последствиях, которые они имели для евреев, к Штюльпнагелю не относится.

Сопrotивление действиям карательных команд подтверждено документами лишь в некоторых случаях. О том, что командующие армиями критиковали действия этих команд, свидетельствуют не в последнюю очередь приказы фон Рейхенау, Манштейна и Гота, осуждающие недостаточное «понимание». Уже 23 июля генерал Киниц, командир 17-го армейского корпуса, подчиняющегося армии фон Рейхенау, выступал против критических высказываний в войсках. «Военнослужащий, прибывающий с Запада на Восток, не должен критиковать ведение борьбы с национальностями (еврейская проблема) на Востоке политическими органами. Фюрер передал решение этих задач

политическим органам, а не военным инстанциям».

Там, где дело доходило до серьезных столкновений, речь шла о протестах смелых одиночек, намеревавшихся воспользоваться свободой действий, пока еще предоставляемой приказами, изданными главным командованием вермахта и главным командованием сухопутных сил, находивших, однако, в редчайших случаях поддержку со стороны командующих войсками. Это подтверждает со всей убедительностью следующий факт, случайно засвидетельствованный при помощи документов:

«Подполковнику генерального штаба Гельмуту Гроскурту из оперативного отдела 295-й пехотной дивизии стало известно в августе 1941 года в Белой Церкви (Украина) о том, что карательная команда 4а (командир команды Блобель) должна была убить 90 еврейских грудных и малолетних детей, находящихся в течение длительного времени без пищи и воды, родители которых были уже расстреляны. Гроскурт пытался добиться у главнокомандующего группой армий «Юг» решения об отмене дальнейших расстрелов. Однако оперативный отдел группы армий направил его в компетентный штаб 6-й армии. На следующий день Гроскурт узнал через разведывательный отдел штаба 6-й армии, что командующий фон Рейхенау считает необходимым уничтожение детей и хотел бы, чтобы этот приказ был выполнен». После этого дети были расстреляны.

Военный командант гарнизона заявил, что он считает крайне необходимым уничтожение женщин и детей еврейской национальности независимо от того, в какой бы форме это ни происходило.

Разумеется, тесным было сотрудничество и между группами армий «Север» и «Центр». В донесениях для этих зон также воздавалась хвала вермахту. В отношении полосы группы армий «Центр» источники позволяют получить более полное представление о позиции командующих.

Главнокомандующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок сделал следующую запись в своем дневнике 4 августа 1941 года:

«На основании сообщенных мне слухов, оказавшихся позднее утрированными, прошу начальника полиции Небеля, отвечающего за тыловой район, дать указания, в соответствии с которыми смертные приговоры в зоне ответственности моего командования могут приводиться в исполнение лишь в том случае, если речь идет о вооруженных бандитах или преступниках. Герсдорф² сообщает, что Небель согласился дать такие указания»³.

² Полковник Рудольф Кристоф барон фон Герсдорф являлся начальником разведывательного отдела группы армий.

³ То обстоятельство, что фон Бок не знал начальника оперативной группы «В» Небеля, является интересной деталью, объясняющей поведение некоторых командующих: хотя с СС не поддерживались отношения, тем не менее услугами СС пользовались.

Эта запись представляет собой интерес во многих отношениях. Она раскрывает со всей ясностью точку зрения большей части офицерского состава: стремление исключить себя из числа участников убийств карательных команд, не запятнать себя. При этом фон Боку удалось, однако, оставить незатронутой непосредственно подчиненную ему зону командования. Его ограничение приняло затем весьма относительный характер, поскольку он недвусмысленно выделил вооруженных бандитов или преступников — для команд СС это весьма растяжимое понятие. Такая относительность свидетельствует о том, что Бок знал, о чем шла речь. Поэтому для него было очень важно, чтобы в подчиненной ему зоне, за которую он нес непосредственную ответственность, не совершались слишком явные убийства безвинных людей.

Далее из записи вытекает, что, по всей вероятности, лица из числа подчиненных обратили внимание Бона на масштаб расстрелов евреев. При этом важно, что или он не проявил большого интереса к выяснению этих дел, или он был неправильно проинформирован о масштабе смертных казней своим штабом или командующим тыловым районом группы армий «Центр» генералом пехоты Максом фон Шенкендорфом. «Слухи» были совсем не утированными: 22 июля хозяйственный штаб «Ост» получил следующее донесение из штаба группы армий «Центр»:

«Расстреляно большое количество,ходящее до нескольких тысяч, евреев, заподозренных в подстрекательстве к неповиновению. Это запугало евреев, сделало их услужливыми при выполнении работы».

В тыловых районах группы армий «Центр» начальник оперативной группы «В» Небель установил с самого начала хорошие отношения с командующим. В этом районе были созданы вс.горе крупные партизанские отряды, в состав которых вошли отставшие от своих частей военнослужащие, избежавшие плена во время боев в окружении. Кроме того, быстро сказались невероятные жестокие «чистки» в тыловых районах, в процессе которых особо выделилась прежде всего кавалерийская бригада СС. Это развертывающееся партизанское движение облегчило задачу начальнику оперативной группы «В» Небелю и вышестоящему начальнику СС и полиции в Центральной России фон Бах-Зелевскому, ловко воспользовавшемуся травмами, нанесенными личному составу партизанами, и осуществившему уничтожение евреев под видом борьбы с партизанами. Небель и фон Бах-Зелевский воспользовались готовностью войск предпринять решительные и жестокие меры. Совместно с Шенкендорфом они организовали курс обучения необходимым методам борьбы с партизанами. Небель выступил с докладом на тему «Еврейский вопрос с учетом партизанского движения». И здесь проявилась готовность к отожествлению евреев, большевиков и партизан.

Интенсивное сотрудничество вермахта с оперативными группами, доходившее во многих отдельных случаях до совместно производимых расстрелов, привело в течение первых месяцев к таким явлениям, которые, по мнению даже сторонников более тесного сотрудничества, заходили чересчур далеко.

22 июля 1941 года начальник штаба 11-й армии полковник Вёлер выступил против фотографирования военнослужащих во время массовых расстрелов и погромов и сообщения об этом на родину. Вёлер резко высказался о «гнусных бесчинствах», «противоречащих в высшей степени чувству собственного достоинства немцев». Имелись в виду массовые убийства, совершаемые румынской армией. С оперативной группой «Д», осуществлявшей, как и ее начальник Олендорф, экзекуции «в военной форме», Вёлер сотрудничал позднее весьма тесно.

Содержащиеся в приказе Манштейна пункты, «осуждающие произвол и своекорыстие, дикость и недисциплинированность, любое нарушение всякой чести», можно рассматривать как непризнание этих явлений, а не как скрытую критику убийства карательных команд.

Манштейн, видимо, не заметил явно-го противоречия между этим осуждающим высказыванием и утверждением, что солдат является «носителем национальной идеи и мстителем за все жестокости, причиненные ему и немецкому народу». Вместе с этим утверждением высказывалась, очевидно, не совсем обдуманно мысль об индивидуальной мести каждого отдельного солдата, т. е. та мысль, которая привела к «досадным бесчинствам», вызвавшим неизбежно и надолго распад организации армии, покаяющейся на дисциплине.

Допускаемые и поддерживаемые командирами частей убийства, совершаемые карательными командами в первые месяцы публично; откомандирование частей для оказания помощи при проведении акций прочесывания, оцепления мест расстрела, приведения в исполнение смертных приговоров; безжалостные меры воздействия на население, например расстрелы заложников, выставление на показ на несколько дней повешенных коммунистов, «саботажников», «террористов», сжигание дотла деревень и массовые расстрелы их жителей; подхваченная армией пропаганда в отношении представителей низшей расы и «преступные приказы» — все это привело к тому, что многие солдаты вообще не знали о наличии такого различия. Однако имели место довольно часто и такие случаи, когда солдаты хотя и понимали различие, однако рассматривали его как признак недостаточной последовательности решений командования армии. Эти солдаты были готовы вести войну так, как этого желало национал-социалистское руководство и как это предварительно отработали карательные команды и войска СС.

Командование войск оказалось во многих случаях беспомощным перед ли-

цом «эксцессов» отдельных солдат, мотивированных идеологией. Это подтверждает, например, распоряжение командующего тыловым районом группы армий «Юг» генерала пехоты Карла фон Рока от 1 сентября 1941 года. Резко осудив (повторение приказа от 29 июля) самовольные расстрелы евреев или участие в приведении в исполнение смертных приговоров, он отдал следующее распоряжение:

«За любой самовольный расстрел местных жителей, в том числе (!) евреев, отдельными солдатами, а также за любое участие в приведении в исполнение смертных приговоров сил СС и полиции следует карать как за неподчинение (!), принимая, как минимум, меры дисциплинарного воздействия и привлекая в случае необходимости к судебной ответственности».

Вследствие противоречивой позиции командования армии и значительных уступок, сделанных в отношении требования, определяемого идеологией ведения войны, события принимали такой оборот, что командующие войсками уже были не в состоянии повернуть ход событий даже и тогда, когда это стало сказываться все более отрицательно на ведении войны самой Германией. Если командующий намеревался принять меры в отношении подобных индивидуальных «эксцессов» (это было возможно лишь в том случае, если ему об этом сообщалось), ему удавалось это сделать лишь в случае совпадения точек зрения его и его военных юристов при истолковании приказа о введении в действие плана «Барбаросса».

Во всех звеньях армии проявлялись последствия наращивания сил и средств вермахта в национал-социалистском государстве. Не только значительное вовлечение вермахта в политику убийств на Востоке явилось непосредственным последствием «преступных приказов» и давления высшей командной инстанции. Сюда следует отнести также последовательное «приобщение» армии к национал-социализму под руководством фон Фрича и в большой степени фон Браухича. Не случайно в приказах фон Рейхенау, фон Манштейна и Гота говорилось, что перед личным составом стоят на Востоке такие задачи, которые вышли за рамки традиционной солдатской сноровки, и что солдат должен быть также носителем национальной идеи и мстителем за все жестокости, причиненные ему и немецкому народу». Другими словами, необходим был солдат, мировоззрение которого соответствовало бы выработке мировоззрения, пропагандируемого фон Браухичем в войсках с 1938 года, — по примеру СС.

Предоставив карательным командам неприятное дело — борьбу с первоначально незначительными партизанскими группами, им дали одновременно возможность преподнести борьбу с партизанами как истребление евреев. Команды полу-

чили без содействия со своей стороны монополию на получение сведений о «бесчинствах партизан». Это позволило им манипулировать действиями командования войск там, где и без этого проявлялась готовность к бесцеремонному «решению еврейской проблемы». Почти везде командующие войсками были, видимо, готовы поверить в сфабрикованный карательными командами или даже уверенными ими вымысел о том, что за партизанами скрываются евреи. Это подтверждают следующие примеры.

Когда 6 июля 4-я танковая группа (генерал-полковника Хёпнера) обратилась к главному командованию сухопутных сил с просьбой выступить в защиту «хорошего и справедливого обращения с лояльно настроенным населением», было добавлено, что за довольно редкие случаи диверсий следует обвинять отдельные коммунистические элементы, прежде всего евреев. В штабе 17-й армии были также убеждены в виновности исключительно евреев за имевшие место случаи диверсий. Это выражено особенно ясно в приказах фон Рейхенау и фон Манштейна, в которых говорится, что подстрекателями всех выступлений (в тылу армии) являются в большинстве случаев евреи и что евреи являются посредниками между противником и партизанами. В конце концов было безразлично, были ли сами упомянутые лица воинствующими антисемитами и использовали это утверждение как средство для достижения цели, отнеслись ли они доверчиво к вымыслу карательных команд или же они тем самым просто успокаивали свою совесть.

Эти объяснения были привычны оперативным группам и командам с самого начала. Они сознавали необходимость убедительного обоснования массовых убийств не только для того, чтобы убедить в необходимости их действий такие непосвященные инстанции, как инстанции вермахта, но и отдельных членов карательных команд. Уже первое массовое убийство евреев, о котором было представлено донесение, считалось как «мера наказания». В других случаях говорили о расстрелах «в соответствии с правом войны» или «согласно обычаю военного времени», а также о расстрелах за «распространение слухов» и по причине «опасности возникновения эпидемии» или за «нарушение прав». Эти вымыслы часто обнаруживались в донесениях оперативных групп. Например, когда оперативная группа «А» сообщала в своем донесении о приведении в исполнение смертного приговора в отношении 41 000 евреев в Белоруссии, сюда следует причислить также около 19 000 партизан и преступников, т. е. также в большинстве своем евреев, расстрелянных вермахтом (!) к декабрю 1941 года. Приказы фон Рейхенау и его подражателей имели по этой причине большое значение, поскольку они скрепляли печатью своего военного авторитета вымысел карательных команд.

(Продолжение следует)



На нашем военном Олимпе находились разные люди. Многих из них помнят и чтут в народе. Имена других, даже попавших на скрижали официальной истории, канули в безвременье. Третьим была уготована иная судьба — оговора, незаслуженной отставки, замалчивания. Об одном из таких военачальников — Герое Советского Союза главном маршале артиллерии Сергее Сергеевиче Варенцове хотелось бы рассказать читателю.

...И СВЕРГНУТ ВЛАСТНОЮ РУКОЮ



С. С. Варенцов. 1929 г.

...РАБОТНИК управления кадров полковник В. И. Тюленев с тяжелым сердцем поднимался по лестнице дома № 68/70, что на Фрунзенской набережной. Ему предстояло выполнить неприятную миссию: вручить для ознакомления командующему ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск С. С. Варенцову документы о его увольнении в отставку и понижении в воинском звании до генерал-майора. Виктор Иванович хорошо знал командующего. Кандидат в члены ЦК КПСС, Герой Советского Союза главный маршал артиллерии С. С. Варенцов был известным и авторитетным военачальником. Подкупали его широкие военные знания, организаторские способности, умение работать с людьми, смелость в отстаивании принципиальных вопросов перед самыми высокими инстанциями. Потому последние события — нашумевшее дело американского шпиона О. Пеньковского, обвинение Варенцова в утрате политической бдительности и связи с предателем Родины, уволь-

нение командующего в отставку, лишение воинского звания, наград — все это с трудом укладывалось в голове опытного офицера-кадровика. Виктор Иванович размышлял: как же обратиться к командующему, по старому воинскому званию или как к генерал-майору артиллерии? Впрочем, для раздумывания уже не оставалось времени. Вслед за коротким звонком открылась дверь квартиры, и полковника Тюленева встретил напряженный взгляд ее хозяина.

— Товарищ командующий, мне приказано довести до вас Указ Президиума Верховного Совета СССР о понижении вас в воинском звании до генерал-майора артиллерии и приказ министра обороны СССР об увольнении вас в отставку.

Тюленев с трудом перевел глаза с принесенных документов на того, кому они адресовались. Виктору Ивановичу показалось, что на глаза командующего навернулись скупые мужские слезы. Было это в один из дней 1963 года...

* * *

Сергей Варенцов родился 15 сентября 1901 года в подмосковном Дмитрове. Отец Сергей Александрович работал чернорабочим, грузчиком на пристани, продавцом в купеческой лавке. Мать Васса Васильевна вела дом. У них рождались и умирали дети. Сережа стал старшим, любимым ребенком. Познавший сполна тяжелый физический труд, отец хотел видеть сына определенным к хорошему месту. После окончания реального училища Сергей учился на курсах бухгалтеров, затем начал работать счетоводом.

Октябрьская революция изменила уклад жизни Варенцовых, как и миллионов других семей. Началась гражданская война. Сергей Александрович с тревогой наблюдал за поведением сына. Дабы убедить его от влияния революционной романтики, поступил так, как делали все отцы в округе, — забрал у сына сапоги. Но напрасно. Однажды утром Васса Васильевна окликнула спавшего на печке Сережу — его там не было. Ночью босиком по мартовскому снегу он ушел из дому. Ушел, чтобы добровольно вступить в Красную Армию.

День 10 марта 1919 года стал первым днем службы красноармейца Варенцова. Затем был Южный фронт. В составе перевязочного взвода 15-й стрелковой дивизии он воевал против войск Деникина, чудом избежал плена в острых схватках с кавалерией Мамонтова. Судьба благоволила молодому пареньку, уберегла его от пули, но не спасла от тифа. Только по письму сына из госпиталя семья узнала, куда увела Сергея мартовская ночная дорога. А вскоре Варенцов-младший, оправившийся от болезни, предстал перед родительскими очами: после госпиталя его перевели в Дмитров для несения гарнизонной службы.

В те годы служба рядом с родительским домом была редким везением для военного человека. Смышленому, грамотному красноармейцу Варенцову предложили поехать учиться на красноего командира. Он согласился. Попросился в артиллерию, наверное, потому, что с детства любил лошадей да к тому же, как дипломированный бухгалтер, был хорошо знаком с математикой.

Так Сергей Варенцов оказался под Петроградом, в Царском Селе, на командных курсах тяжелой артиллерии. Учился прилежно. Как один из лучших выпускников, был направлен на должность взводного

командира в Высшую артиллерийскую школу комсостава в г. Луге. Служба ладилась. Появилась возможность продолжить образование, и в 1926 году Варенцов экстерном сдает экзамены за голный курс Первой артиллерийской школы. Командир взвода, помощник командира батареи, начальник связи дивизиона, командир батареи — эти ступени профессионального роста стали для Варенцова хорошей школой, позволили ему приобрести большой практический опыт. В 1927 году Варенцов был назначен начальником полковой артиллерийской школы, в том же году получил свою первую награду — именной револьвер от Кременчугского облисполкома. В аттестации на начальника полковой школы С. Варенцова в 1932 году отмечалось: «... показал образец работы во всех отношениях. Отлично дисциплинирован. Подготовлен как тактически, так и политически хорошо. Требуется к себе и подчиненным, пользуется большим авторитетом... Заслуживает во внеочередном порядке назначения на должность помощника командира артиллерийского полка по строевой части». В 1934 году С. Варенцов становится помощником командира 41-го артполка 41-й стрелковой дивизии.

Командиром-комиссаром полка был М. Ф. Сидорук, сыгравший в жизни Варенцова роковую роль, о чем речь впереди. Его жизненный путь мало чем отличался от военной судьбы сотен и тысяч других красных командиров: грузчик до революции, красноармеец, участник гражданской войны, слушатель курсов, командир подразделения. Отличала Сидорука разве что особая жилка партийного активиста. Она была замечена политработниками, и после окончания Зиновьевской школы Сидорук, как заслуживший особое доверие, получил назначение на должность командира-комиссара полка.

Поначалу, рьяно взявшись за командование частью, Сидорук одновременно с этим обнаружил недюжинные способности устраивать свое материальное благополучие за счет полка. Вот что говорят об этом материалы закрытого заседания комиссии по чистке партийной организации 41 сд от 16 ноября 1934 года, на котором рассматривалась деятельность помкомандира 41 ап по хозяйственной части Подорожко:

«Слушали: дополнительный разбор по чистке тов. Подорожко, чл. ВКП(б) с 1919 г., п/б № 0425919, рабочий, в других партиях не состоял, помкомполка.

Председатель комиссии тов. Маневич говорит, что тов. Подорожко проходит чистку довольно тяжело. Выступило до 20 человек, где ругали его крепко за плохое руководство хозяйством, за неактивную партработу. В своем выступлении он указал, в частности, на свои ненормальные взаимоотношения с командиром полка... После замечания обвинил систему работы Сидорука.

Подорожко. В отношении пьянок. Они были часто на полигоне, последняя выпивка была в лагерьях в штабе с представителями районных работников, когда тов.

Сидорук, будучи пьяным, там и спал на диване. Очень часто приезд шефов сопровождался большими выпивками... Характер Сидорука мне был знаком по совместной службе ранее. В первые дни при указании по работе он меня предупредил, что работа в хозяйстве сложная, и наметил кое о чем... Конкретно это вылилось уже в неправильном учете поголовья...

Вопрос. Что за поддельные счета?

Ответ. Купля лошади, принадлежащей командиру полка, а счета получили от какой-то организации.

Вопрос. Какие еще были случаи?

Ответ. Я приказал за расрату арестовать одного подчиненного. Но мои приказания были отменены без моего на это согласия...»¹.

Вышестоящие начальники знали о злоупотреблениях командира-комиссара артполка, но закрывали на них глаза. Благополучно Сидорук пришел партийную чистку. Много лестных слов о нем сказал сам помполит корпуса Кавалерс. А вот Подорожко комиссия по чистке обвинила в измышлениях и собирании фактов и слухов, предупредила о строжайшей партийной ответственности, в случае если ему не удастся перестроить свою работу.

Задобренные гостеприимным комполка начальники прощали Сидоруку и его нередкие грубые служебные промахи. Уверовавший в свою всеисильность, командир-комиссар позволял себе и некоторые политические высказывания, идущие вразрез с официальной пропагандой. Вот этого уже «компетентные органы» Сидоруку простить никак не могли.

...37-й год мог стать последним в жизни Сергея Сергеевича Варенцова. Командир-комиссар 41-го артполка невзлюбил своего помощника за его независимость, способности, авторитет среди подчиненных. Не утруждая себя в вытягивании полковой лямки, все более устранился от руководства частью из-за многочисленных пьянок, Сидорук, однако, приложил немало усилий к тому, чтобы разделаться с непокладистым майором Варенцовым. И способ выбрал для этого самый верный: оговор, донос в «компетентные органы». Желая ускорить развязку, комполка собранный на своего помощника «компромат» вручил в опечатанном конверте... самому Варенцову и приказал ему доставить «документы» в Москву, в НКВД.

Пакет был передан Варенцовым одному из заместителей Ежова. Трудно сказать, что конкретно повлияло на дальнейшие события и судьбу Варенцова: подозрительное отношение «органов» к необычному способу расправы командира со своим подчиненным или начавшаяся опала Ежова и его подручных. Но факт остается фактом: посланную на заклятие жертву отпустили, Варенцов вернулся в свой полк.

В части он узнал об аресте Сидорука. Такой же участи каждый день ожидал и Варенцов. Страх за близких сменялся чувством безысходности. В частях дивизии не прекращались аресты командиров. 17 октября 1937 года был арестован и менее чем через месяц расстрелян отец жены

Варенцова — старый большевик, ленинградский рабочий Карп Григорьевич Селюеноч². Это были страшные дни. Они на долгие годы запечатлелись в сознании Сергея Сергеевича.

По делу Сидорука Варенцов как свидетель был допрошен помощником начальника особого отдела оформления госбезопасности 41 сд младшим лейтенантом госбезопасности Башкировым. Содержание протокола допроса, опубликованного в альманахе «Импульс» (1989 г., № 1), дало основание автору публикации генерал-лейтенанту юстиции в отставке Б. А. Викторову обвинить С. Варенцова в доносительстве и клевете. Однако столь суровый и категоричный вердикт вряд ли серьезно обоснован. Варенцов в отличие от Сидорука никогда ни на кого не писал доносов. Свои показания он давал как свидетель по делу. То, что Варенцов сообщил о Сидоруке следователю, в основном касалось дел в полку (самоустранение командира от тактической подготовки, плохое содержание материальной части, избыток жеребых лошадей и т. д.). Факты эти были очевидными. Варенцов характеризовал разговоры Сидорука о колхозном строе, деятельности обкома партии как антисоветские. И в этом нисколько не кривил душой, всецело разделяя официальные политические установки, с большим доверием относясь к политике ВКП(б). А имеющийся в протоколе, не составленном собственноручно, а только подписанном Варенцовым, слова о «проводимой контрреволюционной деятельности», «непримиримо враждебном отношении», «большой диверсионной, вредительской работе» Сидорука являлись дежурными клише, тиражируемыми сотрудниками НКВД с маниакальным постоянством. Да, Варенцов расписался под словами: «Протокол записан с моих слов верно, мной прочитан». А мог ли поступить иначе человек, знавший, что по закону его страны сурово наказывалась не только преступно-халатная деятельность воинского начальника, но даже такой мелкий проступок, как присвоение нескольких колхозных колосков? И мог ли не согласиться с обличительной риторикой следователя человек, сам ожидавший ареста?

С. Варенцову повезло. Помогла ему не подпись под протоколом показаний о Сидоруке, спасла тяжелая болезнь и сложная операция по поводу прободной язвы. В 1947 году бывший врач 41 ап М. Д. Мартыненко писал С. Варенцову: «Он (период службы в полку. — Ю. П.) был, собственно, для меня первой военной школой, находясь непосредственно под Вашим руководством. Я очень хорошо помню дату 19 ноября 1937 г. ...Под этой датой я имею в виду Ваше внезапное заболевание и немедленное оперативное вмешательство, последнее было сделано непосредственно под моим наблюдением... Благодаря быстрому, своевременному и правильному вмешательству все мы счастливы иметь в Вашем лице крупнейшего руководителя фронта...»

² В 1957 г. постановление в отношении К. Г. Селюеноча было отменено, он реабилитирован посмертно.

¹ ЦГАСА, ф. 1402, оп. 2, д. 37676, л. 67.

Вряд ли в 1937 году С. Варенцов даже мог подумать о подобных служебных вершинах. Голова его была занята другим. Варенцов знал, что сотрудники госбезопасности собирают данные о нем, его работе, поведении, высказываниях. Не чувствуя за собой никакой вины, он с мучительной тревогой ждал ареста. В этом невыносимом ожидании стали приходиться мысли о самоубийстве. Но едва живого после операции человека не тронули. Варенцову вслед за арестом Сидорука даже разрешили исполнять обязанности командира полка. Однако по понятным причинам после всего происшедшего еще недавно благожелательное отношение к Варенцову со стороны командования дивизии резко изменилось.

Исполнявшие обязанности командира и комиссара 41 сд майор (!) Соколов и старший политрук (!) Тарасов, видимо, под чью-то диктовку составили такую служебно-политическую характеристику на С. Варенцова, что о нормальной дальнейшей службе ему можно было уже и не думать.

«Политическая и служебная характеристика на пом. командира, командира 41 ап Варенцова С. С.³

Политически развит удовлетворительно, над повышением идейно-политического уровня не работает.

Как специалист подготовлен хорошо. Недостаточно требователен к подчиненным, допускает искривления в дисциплинарной практике, непродуманно дает взыскания.

Авторитетом пользуется. Будучи пом. ком. полка, допускал заискивания перед старшими начальниками, в практической работе допускал ошибки, созывал большое количество совещаний начсостава. В период командования полком с сентября 1937 г. в полку имело место ухудшение состояния конского состава, сгнило до 20 тонн сена, состояние войскового хозяйства неудовлетворительное. На работоспособности сказывается операция язвы желудка.

Грамотный командир, болезнь подорвала трудоспособность, необходимо использовать на другой работе.

Врид ком[андира] 41 сд

майор СОКОЛОВ

Военный комиссар

ст[арший] политрук ТАРАСОВ

Без даты».

Однако столь тенденциозная и необъективная характеристика не помешала после выздоровления Сергею Сергеевичу со всей его энергией и добросовестностью взяться за командование полком. В 1938 и 1939 годах полк стал лучшим в дивизии, корпусе, в 1938 году вышел на первое место в Харьковском военном округе по боевой подготовке. К концу своего командования полком Варенцов имел три взыскания, около сорока поощрений и вновь блестящую служебную характеристику. В 1939 году С. С. Варенцов назначается начальником артиллерии 41-й стрелковой ди-

визии. В том же году в присутствии наркома обороны С. К. Тимошенко артиллерия дивизии в ходе учений с боевой стрельбой показала высокую боевую выучку, за что начальник артиллерии Варенцов был награжден золотыми часами с дарственной надписью наркома.

В марте 1941 года полковник С. С. Варенцов возглавил артиллерию 6-го стрелкового корпуса 6-й армии Киевского особого военного округа. Как военного человека, С. Варенцова не могло обмануть предчувствие надвигающейся беды. Для него, как и для тысяч других командиров, было ясно, что вот-вот грянет война.

СПРАВКА

Об аттестовании в[еменно] командира 41 ап 41-й стрелковой дивизии ХВО * Варенцова Сергея Сергеевича

1924 г.

Начальник связи батареи дивизиона ТАОН Высшей артшколы.

Хороший работник, исполнитель. Дисциплинирован и требователен. Имеет любовь к хозяйственной работе. Политически развит достаточно. Требователен к себе и подчиненным. Здоров. Занимаемой должности соответствует. Может быть выдвинут на должность начальника связи дивизиона.

1925 г.

Начальник связи и разведки батареи, учебный артполк АКУКС **.

Энергичный, достаточно выдержан, хорошо дисциплинирован. Общее развитие вполне удовлетворительное. Здоров. Занимаемой должности соответствует. Вполне заслуживает выдвижения на должность командира батареи в очередном порядке.

1926 г.

Начальник разведки дивизиона, учебный артполк АКУКС.

Энергичен, инициативен, решителен. Дисциплинирован, к подчиненным требователен, политически развит, морально устойчив. Заслуживает выдвижения на должность командира батареи во внеочередном порядке.

1928 г.

Начальник полковой школы 25-го артполка.

Сильная воля, решительный, бурная энергия, прям, требователен к себе и к подчиненным, военная и общая подготовка, специальная артиллерийская, знание других родов войск вполне удовлетворительные.

Во всех отношениях подготовленный командир для занимаемой должности. Занимаемой должности вполне соответствует. Необходимо послать на основное отделение АКУКС для повышения знаний.

³ Историко-архивный и военно-мемуарный центр ГШ ВС, ф. 133, оп. 3673, д. 2, л. 83. Личное дело С. С. Варенцова.

* Харьковского военного округа.

** Артиллерийские курсы усовершенствования командного состава.

1930 г.

Слушатель 2-го отделения среднего состава АКУКС.

Активно и добросовестно относится к работе. Тактически подготовлен. Уставы знает хорошо. По стрельбе подготовлен хорошо. Подготовлен на должность командира дивизиона К-7.

1931 г.

Начальник полковой школы 25 ап.

Дисциплинирован, требователен. Проявляет разумную инициативу, решителен, находчив. Состояние здоровья хорошее. Во всех отношениях подготовленный командир. Может быть продвинут на должность начальника штаба полка или помощника командира полка по строевой части во внеочередном порядке...

1935 г.

Помощник командира 41 ап по строевой части.

Обладает силой воли. Спец[иальная] подготовка хорошая, общая — удовлетворительная, хороший стрелок. Настойчив, решительный, но вспыльчив. Политически подготовлен хорошо. Здоров. Должности помощника командира полка по строевой части вполне соответствует, может быть выдвинут на должность командира артполка во внеочередном порядке.

П. п. Командир в/ч 4332
комбриг ВОРОНЦОВ
Военный комиссар
полковой комиссар
(подпись)

15 февраля 1939 года.

АТТЕСТАЦИЯ

с марта 1939 года по ноябрь 1940 года
на начальника артиллерии
41-й стрелковой дивизии
полковника

Варенцова Сергея Сергеевича

...Волевой и решительный. В работе энергичный и требовательный к себе и подчиненным. Обладает хорошими организаторскими способностями и умением нацелить и заинтересовать подчиненных на выполнение заданий.

Свое умение всегда обеспечивает и проводит в жизнь. Теоретическая подготовка как артиллериста высокая. Систематически следит за новинками техники и тактики артиллерийского дела.

Изучая опыт подготовки артиллерии в современных войнах, умело применяет его в практике боевой подготовки артиллерийских частей дивизии. В общетактических вопросах грамотный, в обстановке разби-

Из аттестации с января по декабрь 1938 г.

...Грамотный в артиллерийском деле и по общей тактике командир. Энергичный командир. Хороший артиллерист.

В течение весны 1938 года провел большую работу по строительству и благоустройству лагеря части, его участок был примером в лагерном сборе...

Болезненно реагирует на сделанное замечание и не всегда точно выполняет распоряжения, склонен обсудить.

Вывод: Командуя полком в течение года, проделал большую работу и с должностью командира полка справился. Должности командира полка вполне соответствует.

По своим знаниям может быть назначен начальником артиллерии дивизии. Присвоить воинское звание полковник, на военное время целесообразно использовать начальником артиллерии дивизии.

13.12.38 г.

Командир 41-й стрелковой дивизии
комбриг ВОРОНЦОВ

Военный комиссар
полковой комиссар МИФТАХОВ

Должности командира ап вполне соответствует. Зачислить кандидатом на должность начальника артиллерии стрелковой дивизии.

Заслуживает присвоения звания полковник в неочередном порядке.

Вр[еменно] ком[андир] 7 ск
полковник ИВАНОВ
Воен[ный] комиссар
полковой комиссар РУДЕНКО

08.01.39 г.

рается быстро. Сообразителен и инициативен.

Имея большой опыт подготовки частей артиллерии дивизии, делу боевой подготовки и боевому сколачиванию артчастей отдается с душой и энтузиазмом.

В руководстве боевой подготовкой артчастей конкретен, работу проводит и организует планомерно и методически, применяя даже в самых низовых звеньях личный показ и пример. Одним из первых в дивизии сумел практически на деле перестроиться в обучении войск в духе требований наркома обороны. В вопросах организации и контроля за ходом боевой подготовки частей настойчив. Умело производит подбор и расстановку кадров, следя за их ростом и воспитывая их в практике работы. Хороший методист, сочетающий теорию с большой практикой. В походах вынослив. Состояние здоровья удовлетворительное.

За подготовку артиллерии дивизии тов. Варенцов боролся настойчиво. В результате достигнуто: взвод па 244 сп занял 2-е место в РККА, 122-мм батарея 132 ап — 2-е место в округе, 76-мм батарея 132 ап — 1-е место в 6-й армии, 152-мм батарея 249 гап — 1-е место в 6-й армии, взвод ПТО 1170 ад — 1-е место в армии.

Боевые стрельбы выполнены: групповые гап и ап — отлично, дивизионные — хорошо, батарейные гап — хорошо, ап — посредственно, батарейные озад — хорошо, орудиями и взводами в стрелковых полках и оад — хорошо.

На смотровом учении дивизии, проводимом наркомом обороны Маршалом Советского Союза г. Тимошенко, за отличную организацию и проведение боевых стрельб артиллерии дивизии т. Варенцов награжден наркомом обороны золотыми часами.

Штаб артиллерии дивизии сколочен. Тов. Варенцов растущий и любящий артиллерийское дело командир.

Вывод: 1. Должности начальника артиллерии дивизии вполне соответствует.

2. Достоин продвижения на должность начальника артиллерии корпуса во внеочередном порядке

П. п. командир 41 сд
генерал-майор МИКУШЕВ

29.11.40 г.

С аттестацией и выводом из нее согласен

и. о. командира 6 ск
генерал-майор РИХТЕР

30.11.40 г.

Подлежит продвижению на должность заместителя начальника артиллерии армии

Командующий 6-й армией
генерал-лейтенант МУЗЫЧЕНКО

Член военного совета
дивизионный комиссар ПОПОВ

С аттестацией и выводом согласен

Зам. начальника артиллерии КОВО
полковник ГАВРИЛОВ

С аттестацией и выводом согласен

Командующий войсками КОВО***
генерал-майор ЯКОВЛЕВ
Член военного совета
дивизионный комиссар КАЩЕВ

*Публикацию подготовил
подполковник Ю. А. ПРЫТКОВ*

(Продолжение следует)

*** Киевского особого военного округа.



СОЮЗ ССР: РАЗДЕЛИЛИ, ПОБЕДИЛИ

ТЕМА КРИЗИСА, охватившего СССР, не перестает обсуждаться в средствах массовой информации всего мира. И это не является простой случайностью. Страна, выдержавшая одну из кровопролитнейших войн и получившая юридический статус великой державы, обладающая огромным ракетно-ядерным потенциалом, ныне находится в состоянии агонии. Как могло такое произойти? Кризис в переводе с греческого означает решение, приговор, решительный исход. Это не результат действия стихийных сил природы, истоки кризиса лежат в деятельности людей, наделенных властью. Происходящее только следствие тех решений, которые были приняты в феврале — марте 1990 года народными депутатами СССР.

Речь идет о фактическом разделе территории страны и ее экономической системы. Раздел территории осуществлен по ч. 1 ст. 3. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле от 28 февраля 1990 года, по ст. 20 закона о собственности в СССР от 6 марта 1990 года и ч. 3 ст. 10 Конституции СССР в редакции от 14 марта 1990 года.

Ч. 1 ст. 3 закона о земле объявила землю «достоянием народов, проживающих на данной территории». Ст. 20 закона о собственности закрепила права собственности (оно включает право владеть, пользоваться и распоряжаться) не только на землю, но «и ее недра, воды, растительный и животный мир...», не оставив на правах собственности у Союза ССР ни одного вершка, ни одной пяди земли. Собственниками земли и других природных ресурсов стали 58 национально-государственных образований (15 союзных республик, 25 автономных

республик, 8 автономных областей, 10 автономных округов). Ч. 3 ст. 10 Конституции СССР пошла еще дальше — она закрепила права собственности на землю и другие природные ресурсы вообще за Советами народных депутатов, которых по состоянию на 1 января 1987 года было свыше 52 600.

Что за этим последовало? Сепаратизм, обещанный в декларации о суверенитете и независимости, начиная с союзных республик и кончая сельскими Советами, породивший войну суверенитетов и законов, политический хаос, многовластие. Отсюда же родом национализм и расизм, поскольку данные нормы признают право собственности на землю и другие природные ресурсы только «народов, проживающих на данной территории...», а не населения. И то и другое лишено логики, ибо здесь узаконена расовая дискриминация. На практике же это привело к делению населения на коренное и некоренное, иноязычное, проживающее за пределами своих национально-государственных образований. Таких людей в стране насчитывается около 75 миллионов человек, они ныне пополняют поток беженцев.

Территория страны перестала быть единой. Не стало единого пространства, так необходимого для развития экономики. Во всех странах мира существует не только единая территория, но и единая система народного хозяйства с различными формами собственности на объекты промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры. То же самое было и в СССР до марта 1990 года, правда, в условиях господства одной формы собственности, именуемой «общим достоянием всего советского народа». А 6 марта 1990 года она стала монопольной собственностью государства, то есть фактически была осуществлена денационализация. Более того, по воле законодателей она оказалась раздробленной на «общесоюзную собственность, собственность союзных республик, собственность автономных республик, автономных областей, автономных округов, краев, областей и других административно-территориальных единиц (коммунальная собственность)» (ст. 13 Конституции СССР). Что последовало за этим? Экономический хаос, спад производства, снижение жизненного уровня народа.

Что ныне остается от Союза ССР, как государства, которому, как и любому другому, присущи такие признаки, как: территория, право и органы? Территории нет. В результате

войны законов нуллифицировано союзное законодательство. Остаются собственность и органы, находящиеся между небом и землей. Завладеть общественной собственностью очень просто, стоит лишь упразднить общесоюзные органы власти и управления и выйти из Союза ССР. Раздел собственности стимулирует разрушение верхних структур власти и управления. Чем больше их будет разрушено, тем выше шансы остающихся самых низших звеньев получить собственность. Им останется заявить о своей независимости и самостоятельности уже только перед внешним миром.

Какова же судьба Вооруженных Сил в условиях распадающихся структур органов власти и управления? Что станет с ними, если государство вследствие развала экономики окажется просто не в состоянии их содержать? На эти вопросы никто не может дать ответ.

В отношении Союза ССР произведен раздел по живому, что подтверждают происходящие в стране драматические события. Они на совести тех, кто в феврале — марте 1990 года голосовал за принятие законов о земле, собственности, дополнении и изменении ст. 10 и 13 Конституции СССР.

С полным основанием можно резюмировать: разделили, победили. Все совершено с помощью простого голосования. Союз ССР оказался поверженным, как говорится, одной левой. На референдуме 17 марта 1990 года народ страны высказался за сохранение Союза ССР. Он дал ответ на вопрос: жить вместе или умирать порознь, избрав первое. Однако на второе его обрекают законы, принятые в феврале — марте 1990 года. Они должны быть отменены как противоречащие воле народа, ст.ст. 34, 39, 75, 78, 84 Конституции СССР, международным пактам о правах человека, запрещающим расовую дискриминацию граждан. Более того, эти нормы с полным основанием могут быть квалифицированы ст. 1, 6, 11 закона СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» как посягающие на государственную независимость, территориальную неприкосновенность, экономическую систему, на национальное и расовое равноправие граждан.

В. А. ДРОЖЖИН,
кандидат юридических наук,
доцент
(Санкт-Петербург)

6 ноября 1991 г.

ЧЕРНОБЫЛЬ: ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

ШЕСТЬ ЛЕТ МИНУЛО СО ДНЯ ТРАГЕДИИ В ЧЕРНОБЫЛЕ, НО БОЛЬ, ПРИЧИНЕННАЯ ПОСЛЕДСТВИЯМИ КАТАСТРОФЫ, НЕ УТИХАЕТ ДО СИХ ПОР. ЦЕЛЬ НАСТОЯЩЕЙ СТАТЬИ, АВТОР КОТОРОЙ В ТО ВРЕМЯ ЗАНИМАЛ ПОСТ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ СССР, — ПОКАЗАТЬ, ЧТО ДЕЛАЛОСЬ НА СТАНЦИИ ДО И В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ АВАРИИ. ПУСТЬ ЧИТАТЕЛЬ САМ СДЕЛАЕТ ВЫВОДЫ ИЗ ИЗЛОЖЕННОГО.

В ПЕРВЫЕ ЧАСЫ

26 АПРЕЛЯ 1986 года в 3 ч 35 мин у меня дома раздался телефонный звонок. Оперативный дежурный Гражданской обороны СССР доложил: «На Чернобыльской атомной станции произошел взрыв газобаллонной системы и возник пожар на четвертом блоке станции». Я приказал ему доложить о пожаре и моем решении вылететь в Чернобыль начальнику Гражданской обороны СССР генералу армии А. Т. Алтунину, который находился во Львове. Попросил

выслать за мной машину и вызвать генерал-лейтенанта Максимова — специалиста по атомным станциям.

К пяти утра прибыл на работу. Дежурный подтвердил прежний доклад и сообщил, что пожар локализован. Затем я передал указание генерала армии Алтунина о приведении в готовность сил и средств воинских частей гражданской обороны Киевского военного округа и невоенизированных формирований Киевской области и направлении их в город Припять для участия в ликвидации последствий аварии. Это соответствовало плану защиты персонала АЭС и населения, проживающего вблизи станции.

Некоторый опыт в разработке действий в аварийных ситуациях в промышленности у нас уже был. Под руководством начальника Гражданской обороны СССР с 1978 года началась разработка и планирование мероприятий по предупреждению и ликвидации аварий, а также по защите населения, проживающего вблизи опасных химических предприятий. К началу 1980 года типовые планы мероприятий и необходимые инструкции уже были внедрены на всех химически опасных производствах. Практика показала, что на предприятиях, пользовавшихся нашими разработками, аварийные ситуации или были ликвидированы в зародыше, или не выходили за пределы предприятия.

В период 1980 — 1982 гг. совместно с Минэнерго, Минсредмашем и Минздравом СССР удалось создать необходимую систему защиты населения и персонала в случае аварии и на АЭС. Так что к моменту трагедии в Чернобыле Гражданская оборона СССР была готова к соответствующим действиям. Главная причина тяжелых последствий, на мой взгляд, заключается в том, что не ожидали аварии такого масштаба. Не могли предположить и того, что радионуклидами будет загрязнена столь большая территория, а их распад и проникновение в окружающую среду окажутся столь быстротечными.

В первые часы думалось, что обстановка будет складываться, как после наземного ядерного взрыва, т. е. начнется спад уровней загрязнения: в первые сутки — наполовину и т. д. Но оказалось сложнее. Уровни достигли не десятков тысяч рентген, как при ядерном взрыве, а только десятков, сотен миллирентген, но спада их, как ожидали, не произошло. Да и не знал я в первые часы, с какими нуклидами имеем дело. Обстановка сложилась весьма трудная для принятия правильных и своевременных решений, но и то, что было спланировано из расчета на аварию гораздо меньшего объема, дало возможность избежать более тяжелых последствий, особенно в деле защиты населения районов, прилегающих к Чернобыльской АЭС.

Истины ради следует сказать, что в ходе опытного учения на Воронежской АЭС (за пять лет до Чернобыля) по защите населения и ликвидации аварии на АЭС офицеры Гражданской обороны СССР высказали мнение о возможности более крупной по последствиям аварии на АЭС и загрязнения большей территории, чем проигрывалось на учении. На это товарищи из Минэнерго, принимавшие участие в учении, высказались категорически: этого не может быть, это исключено. Такого же мнения придерживались и заместитель министра энергетики СССР, и Академия наук СССР.

То, что масштаб аварии явился неожиданностью, в какой-то мере можно объяснить просчетами научного прогнозирования и проектно-конструкторской недоработкой. Трудно объяснить другое — поведение руководства АЭС, ее директора В. П. Брюханова. Последний был обязан сообщить о случившемся председателю Киевского облисполкома Н. С. Плющу, которому надлежало принять соответствующие меры по защите населения. Такого доклада директор АЭС не сделал, хотя связью был обеспечен. Бездействие директора также явилось одной из причин трагических последствий катастрофы в первые сутки.

Но вернемся к нашему рассказу. В середине дня 26 апреля я приехал в город Припять¹, где уже находился на-

чальник штаба гражданской обороны СССР генерал-лейтенант Н. С. Бондарчук. Он доложил обстановку. Уточнили задачу разведки, чтобы определить полную и точную радиационную обстановку в Припяти и других населенных пунктах и на путях массового движения. Распорядились производить замеры с одних и тех же точек. Начальнику гражданской обороны — председателю Припятского горисполкома предложили выступить по радио с информацией о случившемся. Но этого сделано не было. Уточнили план эвакуации населения города Припяти.

Что же случилось 26 апреля 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции? Ровно в 1 ч 23 мин произошел взрыв на четвертом реакторе АЭС. В 3 ч 25 мин начальник штаба гражданской обороны Чернобыльской АЭС С. С. Воробьев доложил об этом оперативному дежурному штаба гражданской обороны Киевской области. О характере и масштабе аварии сообщено не было. По докладу Воробьева и других очевидцев, а также непосредственных участников, события в первые часы развивались следующим образом.

С. С. Воробьев на АЭС прибыл около 2 ч 25 мин, там его ждал директор станции В. П. Брюханов, который приказал открыть убежище гражданской обороны, где собирался руководящий состав АЭС. Как показал дальнейший ход событий, убежище оказалось прекрасным местом для размещения органов управления, осуществляющих непосредственное руководство ликвидацией последствий аварии.

С. С. Воробьев замерил прибором уровни радиации в убежище — оказалось 30 миллирентген в час, у входа в административный корпус было 150 миллирентген в час. Об этом он доложил директору, после чего поехал на склад между вторым и третьим блоками за средствами индивидуальной защиты для пожарных, по пути измеряя уровни радиации, — на восточной стороне четвертого блока зафиксировал 20 рентген в час. На обратном пути обнаружил разбросанный графит, о чем сообщил заместителю главного инженера по науке. Предположили, что выброшен резервный графит из какого-нибудь цеха, а не из реактора.

Затем около 4 часов Воробьев со старшим инженером Сушко на автомобиле произвели замер уровней радиа-

¹ Припять (население 51 тыс. чел.) — город, расположенный в 1,5—2 км от АЭС, где проживал персонал, обслуживающий станцию. Чернобыль — районный центр, на территории которого находится АЭС, расположен в 18 км восточнее ее.

ции на территории АЭС — наивысший оказался в районе столовой «Электроника», прибор показал 200 рентген в час (больше ДП-5² не берет). Об этом доложили директору АЭС.

В 4 ч 45 мин С. С. Воробьев доложил о радиационной обстановке начальнику штаба гражданской обороны области полковнику Ю. Е. Корнюшину. Последний ответил, что имеет данные о гораздо меньших уровнях, и приказал еще раз провести измерение двумя приборами. Воробьев вместе с инженером ГО В. Д. Соловьевым поехал по периметру станции. В результате замеров подтвердились первые данные, а по дороге на Припять, возле перекрестка, уровень достиг 100 рентген в час. При удалении от АЭС к городу уровень радиации падал — менее 100 миллирентген в час. Воробьев предложил заместителю директора АЭС по режиму Ю. Г. Богдану вывести людей и снять охрану с территории, где высокий уровень радиации. Однако тот не поверил докладу Воробьева и мер по защите персонала не принял.

Доклады начальника ГО станции директор принимал как несоответствующие действительности, предложения игнорировал и даже запретил Воробьеву давать сведения об обстановке на АЭС кому бы то ни было. Последний обратился к секретарю парткома АЭС — доложил ему радиационную обстановку и попросил воздействовать на директора. Секретарь парткома попросту ответил: «Убеждай».

В 6 ч 50 мин С. С. Воробьев доложил начальнику штаба ГО Киевской области о вторичных замерах и передал данные по уровням радиации. Он попросил выслать в соответствии с планом мобильное подразделение от части ГО. Ему сказали, что подразделение уже готово к выходу и, кроме того, в Припять выезжают офицеры штаба ГО республики и области. Так развивались события на атомной станции до 7 часов утра.

Много ходило да и сейчас ходит разговор, что гражданская оборона не справилась с решением своих задач во время аварии. Эти разговоры — результат незнания теми, кто говорит, истинного положения дел. Типовым планом мероприятий по защите персонала и населения в случае аварии, утверж-

денным соответствующими министрами согласно постановлению Совета Министров СССР, определялся порядок действий и задачи должностным лицам и подразделениям. Этим планом предусматривалось строгое разграничение задач.

Защита персонала АЭС возлагалась на «центр проведения работ», которым должен руководить штаб во главе с директором АЭС. Причем директор здесь выступает не как начальник ГО АЭС, а в своей должностной роли. В состав центра проведения работ входят не формирования ГО станции, а подразделения для выполнения определенных задач, сформированные на базе цехов и отделов АЭС, отделений и лабораторий медсанчасти и военизированных пожарных частей. Это первый раздел плана.

Второй раздел, составленный штабом гражданской обороны Киевской области под руководством председателя Киевского облисполкома — начальника областной ГО, предусматривал меры по защите населения в случае аварии на АЭС. Прежде всего это выделение формирований гражданской обороны и организаций Чернобыльского района и области для проведения мероприятий по защите населения. Руководство проведением мероприятий возлагалось на председателей исполкомов — начальников гражданской обороны Киевской области, Чернобыльского района, городов Припять и Чернобыль, а также на директоров предприятий — начальников гражданской обороны предприятий.

Раздел второй плана вводился в действие начальником гражданской обороны области — председателем облисполкома на основании доклада руководителя центра проведения работ на АЭС, директора АЭС.

Необходимость проведения мероприятий по защите населения должна была быть подтверждена Минздравом СССР на основании донесения об аварии начальника медсанчасти АЭС. Вопрос эвакуации решался только по согласованию с Минздравом СССР.

Проследим подробно, по минутам, деятельность штабов, служб и подразделений гражданской обороны. О действиях персонала АЭС рассказывать отдельно нет необходимости, о них мы расскажем при освещении действий гражданской обороны.

В 3 ч 25 мин оперативный дежурный штаба гражданской обороны Киевской области принял доклад начальника шта-

² ДП-5 — дозиметрический прибор для определения уровней загрязнения местности радиоактивными веществами.

ба гражданской обороны Чернобыльской АЭС об аварии на четвертом блоке станции и пожаре. О характере и масштабе аварии не доложено, о радиации — ни слова.

После этого оперативный дежурный штаба ГО Киевской области по телефону осведомился у начальника смены АЭС Дорбы об аварии. Характер, масштабы аварии не были доложены, не было ничего сказано и о радиации.

3 ч 27 мин — начальник штаба гражданской обороны Киевской области полковник Корнюшин, получив информацию об аварии от дежурного, приказал объявить сбор офицерского состава и доложить об аварии в штаб гражданской обороны УССР.

3 ч 30 мин — оперативный дежурный штаба гражданской обороны Киевской области информировал об аварии и пожаре дежурного Управления внутренних дел Киевской области, в ответной информации получил данные о выходе 58 пожарных машин.

3 ч 40 мин — дежурный штаба гражданской обороны УССР доложил об аварии в штаб Гражданской обороны СССР и об отъезде в район аварии второго секретаря Киевского обкома КП Украины.

В это же время в штаб гражданской обороны области приехал Корнюшин и доложил об аварии и пожаре на АЭС председателю облисполкома Н. С. Плющу и начальнику штаба гражданской обороны УССР генерал-лейтенанту Н. С. Бондарчуку.

4 ч 05 мин — в штаб области поступил доклад от начальника штаба гражданской обороны АЭС, что в результате аварии пострадало 20 человек.

4 ч 30 мин — в штаб области позвонил помощник первого секретаря обкома КП Украины Фурман. Полковник Ю. Е. Корнюшин доложил ему обстановку: авария, пожар (о радиации пока ничего неизвестно). Фурман, приняв доклад, сказал: «Без паники».

4 ч 45 мин — начальник гражданской обороны АЭС С. С. Воробьев доложил полковнику Корнюшину об уровне радиации на АЭС: 15 — 20 рентген в час (это первый доклад о загрязненности на

АЭС в штаб гражданской обороны области). Полковник Корнюшин приказал проверить уровень радиации на АЭС тремя приборами ДП-5 в присутствии свидетелей и предупредил об ответственности.

5 ч 30 мин — начальник штаба гражданской обороны АЭС доложил в штаб области о поражении во время аварии 31 человека.

6 ч 20 мин — штаб ГО области получил информацию из округа о выступлении в 5 ч 50 мин мобильного отряда полка гражданской обороны округа.

6 ч 30 мин — от штаба гражданской обороны области в район аварии отправилась оперативная группа: начальник отдела инженерно-технических мероприятий полковник В. Ф. Зинкин, старший группы полковник М. Г. Балюта, начальник отдела противорадиационной и противохимической защиты подполковник В. Н. Нездойминога и начальник отдела медзащиты полковник И. Я. Мантур.

В это же время (6.30) отбыла и оперативная группа штаба гражданской обороны республики во главе с генерал-лейтенантом Н. С. Бондарчуком.

6 ч 50 мин — начальник штаба гражданской обороны АЭС доложил в штаб гражданской обороны области об уровнях радиации на АЭС до 20 рентген в час, а в городе Припяти — до 14 миллирентген в час и о том, что сорвана крыша реактора, взорван зал, пожар локализован. Поскольку мобильный отряд и оперативные группы республики и области вышли раньше, то о радиации в районе станции и локализации пожара они не знали.

8 ч 50 мин — начальник штаба гражданской обороны АЭС доложил в штаб области радиационную обстановку: у реактора уровень радиации 20 рентген в час, на расстоянии 3 км — 5 рентген в час (гряда Чистоголовка), ветер в районе АЭС — 1 м/с переменного направления, в основном на Припять.

Таков ход событий в первые часы после аварии.

*Генерал-полковник Б. П. ИВАНОВ,
Герой Советского Союза*

(Окончание следует)



ДВОРЦОВЫЕ ГРЕНАДЕРЫ

«ЖЕЛАЯ ОЗНАМЕНОВАТЬ особенное мое благоволение к тем нижним чинам лейб-гвардии, которые на Отечественной войне оказали свое мужество... я признал за благо учредить из них при дворе моею особою роту под названием дворцовых гренадер, с тем чтобы они обеспечены были в своем содержании на всю жизнь...»¹ — так в указе от 2 октября 1827 года император Николай I определил смысл создания новой части. Надо заметить, что Николай Павлович много сделал для увековечения в памяти россиян событий великой эпопеи борьбы России с наполеоновской Францией. При нем была открыта Военная галерея в Зимнем дворце, установлены Александровская колонна на Дворцовой площади в Петербурге и главный монумент на Бородинском поле, заложен храм Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве. Учреждение роты ветеранов — логичное действие из того же ряда.

Первоначально рота состояла из 120 солдат — представителей семнадцати гвардейских частей. Среди них 69 Георгиевских кавалеров. 84 солдата имели знаки отличия ордена св. Анны за 20 лет беспорочной службы. Отбор кандидатов производился с большой строгостью. Помимо прекрасного послужного списка дворцовые гренадеры должны были быть «чисты лицами», стройны и рост иметь не ниже 2 аршин 9 5/8 вершков (около 185 см). Трое офицеров роты, выслужившиеся из нижних чинов, также имели знаки отличия Военного ордена за Бородино. Первым командиром роты был Георгиевский кавалер капитан Егор Григорьевич Качмарев — выходец из солдатской семьи, гвардейский артиллерист, закончивший войну в Париже фельдфебелем. Симпатичный и рассудительный офицер, он благополучно командовал своей уникальной частью до 1856 года, дослужившись до чина генерал-майора.

Для роты гренадер была создана особая форма. Темно-зеленые мундиры и брюки богато расшивались золотыми галунами, высокая медвежья шапка покроя головных уборов наполеоновских гвардейцев напоминала о самых грозных противниках роты ветеранов. Этот комплект об-

ходился казне в приличную по тем временам сумму — 283 рубля 80 копеек.

Впоследствии чинам роты были представлены заметные преимущества перед служащими других частей. Офицеры имели чины по старой гвардии, фельдфебели — чин армии подпоручика, унтер-офицеры — армии прапорщика, а все гренадеры считались унтер-офицерами по армии. Всем были установлены высокие оклады на время службы и приличные пенсии после выхода на «заслуженный отдых». Дети гренадер пользовались правом учиться на казенный счет в специальных учебных заведениях — кадетских корпусах и институтах благородных девиц. Льготы и преимущества подчеркивали «иерархическое старшинство» дворцовых гренадер как знак уважения в их лице ко всем ветеранам Отечественной войны 1812 года.

Эта же идея прослеживается в ротном знамени. На пунцовом бархатном полотнище изображение золотого парчевого креста, по концам которого надпись: «В воспоминание — подвигов — Российской — Гвардии». На торжественном вручении знамени 6 апреля 1830 года в Георгиевском зале присутствовали Николай I, императрица, наследник, чины двора и штабов, старшие начальники частей, расквартированных в столице. По существовавшей тогда традиции вручению предшествовала церемония прибавки полотнища к древку. Однако знамя ввиду его особой ценности решили не крепить намертво, а пристегнуть особыми застежками. Первую застежку император, вторую — императрица — и так далее, вплоть до нижних чинов роты.

Обычно знамя хранилось в специальном сафьяновом ларце, но в дни торжеств его устанавливали в Военной галерее у портрета Александра I. В этом месте чины роты принимали присягу. Любопытно, что такая традиция установилась не сразу. Вообще гренадеры присягали часто: при вступлении в роту, изменении чина, должности и т. д. Исторически сложилось так, что клятву они давали согласно Своду законов Российской империи в дворцовой церкви на Евангелии. Однако в 1844 году кто-то заметил, что военнослужащие должны принимать присягу по Своду военных постановлений, где на этот счет сказано: «Присяга дается под знаменем. Присягающий должен иметь расprostертую вверх руку, другою же держать знамя». С тех

¹ Гринев С. А. История роты дворцовых гренадер. — СПб., 1912. — С. 2.

пор церемония проходила уже именно так.

В обязанности гренадер входили: несение караула в Зимнем дворце; наблюдение за коллекцией Эрмитажа; охрана личных покоев императорской семьи. Службу ветераны несли исправно, и случаи отчисления из роты за дисциплинарные проступки (главным образом за пьянство) были крайне редкими. Обычно в качестве наказания применялись методы морального воздействия. Так, гренадер 1-й статьи Алексей Аржеников был замечен в неумеренном пьянстве. Начальство, несмотря на это, сочло возможным оставить солдата в роте для испытания, но для стыда «за худое его поведение выбрать ему перед ротой усы и бакенбарды, если же и после сего замечен будет в нетрезвом виде, тогда представить о выключке его из роты»².

Конечно, подобное случалось редко, поскольку спокойная, обеспеченная жизнь гренадер не могла сравниться со службой даже в гвардейских полках. Наиболее рассудительные и умелые солдаты легко находили способы создать себе на старость приличное состояние, определиться с жильем и обзавестись семьей. А один унтер-офицер, Александр Иванов, воспользовавшись тем, что унтер роты приравнялся в правах к дворянам, сумел даже выкупить «из крепости» свою семью у помещика в Тульской губернии. К сожалению, жизнь его закончилась трагически. 17 декабря 1837 года в Зимнем дворце вспыхнул пожар. Гренадеры с солдатами и офицерами других гвардейских полков отчаянно боролись с огнем, быстро распространявшимся по зданию. Наконец, убедившись в невозможности борьбы, они стали спасать имущество, в том числе портреты из Военной галереи (их удалось вынести все). Обрушившееся перекрытие погребло троих гренадер, среди которых был и Иванов³.

Рота была неизменным участником всех празднований по случаю открытия памятников военной истории: Триумфальных ворот, Бородинского мемориала и т. д. Время было неумолимо к ветеранам, и уже император посылал «спросить у гренадер, не устанут ли идти так далеко за город в парад, и... об ответе донести»⁴. Когда в 1839 году торжественно открывали главный монумент на Бородинском поле, в рядах роты еще находились 45 участников знаменитого сражения. Они стояли на виду многотысячного парада войск и с трепетом слушали трогательные слова приказа, собственноручно написанного императором: «Перед вами памятник, свидетельствующий о славном подвиге ваших товарищей. Здесь... надменный враг возмечтал победить русское войско... Бог наказал безрассудного: от Москвы до Немана разметаны кости дерзких пришельцев — и мы вошли в Париж. Теперь настало время воздать славу великому делу... вечная слава павшим геройскою сме-

ртью товарищам вашим, и да послужит подвиг их примером нам и позднешему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотом вашему государю и общей матери нашей России»⁵.

Конечно, естественная убыль гренадер требовала восполнения, и в строю стали появляться участники Персидской, Турецкой и Польской кампаний.

С появлением в столице новых памятников Отечественной войны у них учреждались постоянные посты дворцовых гренадер. Кроме того, росло число постов в Зимнем дворце. К 1851 году их стало 39. Все это потребовало увеличения численности роты. По штатам 1857 года в строю находилось 172 человека: полковник, капитан, штабс-капитан, 2 поручика, подпоручик, 2 прапорщика, подпрапорщик, фельдфебель, 14 унтер-офицеров, 142 гренадера, 3 барабанщика и 3 флейщика.

Император посещал Москву в сопровождении дворцовых гренадер. Поездки со временем становились утомительными для ветеранов, и 14 апреля 1849 года по распоряжению Николая I в старой столице создается отдельный отряд гренадер в составе поручика, прапорщика, 3 унтер-офицеров, барабанщика, флейщика и 30 гренадер. Он нес службу на семи постах в Кремле. Одним из наиболее любимых сюжетов московских фотографов начала нынешнего века был дворцовый гренадер в воротах Спасской башни Кремля.

Частые войны, ведущиеся Россией, вызывали у гренадер желание вернуться на время в боевую часть и еще раз попытать судьбу в сражениях. Однако далеко не все рапорта ветеранов о переводе удовлетворялись начальством. Так, на Крымскую войну 1853—1854 гг. был отпущен из роты только один — бывший преобразенец Денис Петренюк, на русско-турецкую 1877—1878 гг. отправились пятеро, а на русско-японскую в 1904-м — девять. Все они воевали в своих старых частях. Необходимо отметить, что связь дворцовых гренадер с воспитавшими их полками не прерывалась. Их обязательно приглашали на полковые праздники, где ветераны занимали почетные места, как солдаты, отличившиеся в боевых действиях части и являющиеся чastiцей боевой славы полка.

В 1900 году в роту стали принимать заслуженных солдат и из армейских полков. Качество гренадер при этом не пострадало, несмотря на чрезвычайно расширяющуюся со временем «географию» представленных в роте частей. Так, в 1912 году в строю находились выходцы из пятнадцати полков и отдельных батальонов гвардии, семи гренадерских полков, пятидесяти двух пехотных частей, трех кавалерийских полков, двух саперных батальонов, одиннадцати артиллерийских бригад и трех казачьих войск — Донского, Кубанского и Оренбургского.

Седые ветераны — гордость российской армии — несли свою почетную службу до конца февраля 1918 года.

А. И. ТАЛАНОВ

² Там же. — С. 38.

³ Подробнее см.: Глинка В. М. Судьба дворцового гренадера. — М., 1979; Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. — Л., 1981.

⁴ Гринев С. А. Указ. соч. — С. 30.

⁵ Там же. — С. 49—50.

КНИГА Роберта Мэсси «Николай и Александра»* была впервые опубликована в Англии в 1968 году и за истекшие два десятилетия не раз переводилась на разные языки и переиздавалась в разных странах, исключая, разумеется, нашу. Труд Мэсси безусловно заслуживает высокой оценки: это не только фундаментальное исследование событий царствования последнего русского императора, тщательно документированное и критически рассмотренное, но и широкая панорама четвертьвековой истории России, точно отражающая общественные процессы, обусловившие крушение монархии.

Достоинство труда Мэсси заключается в правдивой передаче фактов: открыто симпатизируя личности царя и освещая предсмертную трагедию всей семьи, исследователь ни в чем не отступает от подлинных фактов, с добросовестностью летописца рассказывает об ошибках и заблуждениях монарха, оказавшегося не способным справиться с требованиями времени. Он, быть может, преувеличивает удельный вес распутинской истории, как бы заслоняющей близоручность верховной власти, общую ее обветшалость (чего стоила «министерская чехарда» и неумение ладить с Думой!), но нигде не отступает от верной передачи фактов.

За истекшие десятилетия наш читатель отучен от правдивого освещения исторических событий, и вряд ли нужно доказывать, что давно пора не только обнародовать материалы екатеринбургской трагедии, называемой в прессе «величайшим преступлением века», но и дать научно обоснованную оценку предреволюционного периода, политики царской власти, развития сельского хозяйства и промышленности. Именно утайка и искажение правды о прошлом довели нас до нынешней хозяйственной катастрофы и банкротства системы. Пришло время, разобравшись в своем прошлом, найти утраченный верный путь.

Олег ВОЛКОВ, писатель.

Роберт К. МЭССИ

Николай и Александра

У меня была твердая и безграничная вера, что судьба России, включая мою собственную и моей семьи, находится в руках Господа Бога, который определил мне мое место.
НИКОЛАЙ II

ПРОВОКАЦИИ КАЙЗЕРА

НА ПРОТЯЖЕНИИ длительного времени император Николай II¹ был связан тесными отношениями с кайзером Вильгельмом II². С первых же дней восшествия на престол Вильгельм старался быть в курсе всех дел Николая, ободрял его, льстил ему, отчитывал — одним словом, старался опекать.

Вильгельм был на девять лет старше Николая. Он стал кайзером в 1888 г., то есть за 6 лет до того, как Николай стал царем. Он был старше и опытнее Николая и старался использовать эти преимущества в отношениях с русским царем. В течение 10 лет (1894—1904 гг.) кайзер использовал свое влияние на молодого русского царя, особенно в области внешней политики. С течением времени, став старше и мудрее, Николай освободился от этого назойливого внимания, но вред был нанесен. Усиленно подталкиваемая Вильгельмом Россия потерпела катастрофу в Азии³. По своему характеру два императора были глубоко и абсолютно непохожи. Николай — благородный, хорошо воспитанный, мягкий, осторожный, болез-

* Роберт К. Мэсси (р. 1929) — известный американский писатель, историк и общественный деятель, профессор Принстонского университета. В своей книге «Николай и Александра» на основе богатого и малоизученного фактического материала всесторонне освещает жизнь русского общества на рубеже XIX — XX вв., исследует не только политическую и социальную атмосферу тех лет, но и характеры, мотивы поведения государственных и военных деятелей — Вильгельма II, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, Великого князя Николая Николаевича, И. Л. Горемыкина, В. В. Штюрмера, М. В. Алексеева, М. В. Родзянко, А. Д. Протопопова, А. Ф. Керенского и других.

Книга Р. Мэсси обладает рядом несомненных достоинств, но не лишена авторских пристрастий и своеобразия в трактовке некоторых исторических событий.

Печатается по: Роберт К. Мэсси. Николай и Александра. — Лондон, 1969. Перевод В. М. Захаровой.



■ Николай II в кругу семьи

ненно стремящийся к самоограничению. Кайзер — хвастун, склонный к показным, чванливым, шумным действиям. Николаю была отвратительна сама мысль стать монархом. Вильгельм же почти сорвал корону с головы умирающего отца Фридриха III⁴. Будучи царем, Николай избегал тем не менее суеты и шумихи. Он вел тихую семейную жизнь с женой и детьми. Вильгельм обожал показываться в высоких черных сапогах, белом плаще, в серебряных латах и устрашающем блестящем шлеме.

У Вильгельма были тонкие черты лица, бесцветные серые глаза, светлые вьющиеся волосы, почти незаметные в сравнении с самой большой гордостью кайзера — его усами. Усы были огромны, тщательно расчесаны. Их концы поднимались вверх. Это было творение опытного парикмахера, появившегося с банкой пчелиного воска во дворце

каждое утро. Эти украшения должны были хотя бы частично компенсировать физический недостаток, который Вильгельм безуспешно пытался скрыть. Его левая рука была короче. Недостаток этот произошел, как считали, в результате чрезмерного рвения хирурга-акушера, применившего щипцы при рождении Вильгельма. Кайзер появился на свет с рукой, почти полностью вывихнутой из сустава. Впоследствии рука росла очень медленно. Насколько было возможно, Вильгельм старался не показывать свою поврежденную конечность, держа ее засунутой в специально скроенный карман одежды. Во время еды он не мог разрезать мясо без помощи официанта. В воензированной атмосфере прусского двора, где рос Вильгельм, этот физический недостаток не мог не отразиться на его характере. Прусский принц должен был уметь ездить верхом и стрелять.

Вильгельм достиг в этой области высочайшего искусства. Кроме того, он стал прекрасным пловцом, гребцом и теннисистом. Его нормальная правая рука была развита необыкновенно, и рукопожатие его было стальным. Кайзер специально усиливал боль, причиняемую им при рукопожатии, поворачивая кольцо, которое он носил на правой руке, драгоценным камнем внутрь, в сторону ладони, так, что он [камень] впивался в тело его незадачливого партнера.

В возрасте 19 лет, будучи студентом Боннского университета, он влюбился в принцессу Эллу Гессенскую⁵, старшую сестру императрицы Александры Федоровны⁶. Вильгельм часто посещал Дармштадт, где жили родственники его матери. Даже в качестве гостя он был эгоистичен и бесцеремонен. Не успев приехать, требовал, чтобы ему дали возможность сесть в седло, затем выражал желание пострелять, или погрести, или поиграть в теннис. В его привычках было швырнуть ракетку в середине игры, или внезапно вскочить в седло, или потребовать, чтобы все присутствовавшие бросили свои дела и занимались тем же, что и он. Когда он уставал, то требовал, чтобы его двоюродные братья садились молча вокруг него и слушали, как он читает Библию. Алисе было всего 6 лет, когда впервые состоялся этот визит, и поэтому она не была замечена. Но Элла была прелестна в свои четырнадцать лет, и Вильгельм требовал, чтобы она играла с ним, сидела около него, внимательно слушала. Элла считала его ужасным. Получив отказ, Вильгельм, пылая негодованием, покинул герцогство Гессенское. Четыре месяца спустя он был обручен с другой немецкой принцессой, Августой Шлезвиг-Голштинской. Когда Элла вышла замуж за русского Великого князя Сергея Александровича⁷, кайзер решил никогда больше не видеть ее. Позднее он признался, что большую часть времени, проведенного им в Бонне, он посвятил сочинению любовной поэмы о своей прекрасной кузине.

Необузданный темперамент Вильгельма, тщеславие, заблуждения,

быстрые переходы от истерического возбуждения к черной безысходности держали его министров в состоянии постоянного страха. «Кайзер, — писал Бисмарк⁸, — как воздушный шар. Если не держать крепко веревку, к которой он привязан, никогда нельзя знать, где он окажется». На полях официальных документов Вильгельм с яростью царапал: «ерунда», «ложь», «негодяй», «тухлятина», «типичная восточная проституированная ложь», «завравшийся, как француз», «провал Великобритании, не наш». Он обращался со своими подчиненными с причудливой фамильярностью. Например, уважаемых адмиралов и генералов он часто по-дружески удостоивал легким ударом по заднему месту. Иногда посетители, официальные лица и все остальные бывали озадачены его многословием, не зная, что принимать всерьез и чему верить. «У кайзера, — объяснял бывший чиновник министерства иностранных дел, — была неприятная привычка говорить все более быстро и невнятно по мере того, как предмет разговора увлекал его. Случалось, что все заканчивалось речью кайзера, поскольку советники и эксперты были лишены возможности высказать свою точку зрения».

Вильгельм верил в свою непогрешимость и подписывал документы словами «Его величество». Он ненавидел парламент. Однажды на выставке о колониальных странах он увидел хижину африканского вождя, вокруг которой на шестах были повешены скальпы вождей-неприятелей. «Если бы я мог в таком же положении увидеть рейхстаг», — сказал, не подумав, кайзер.

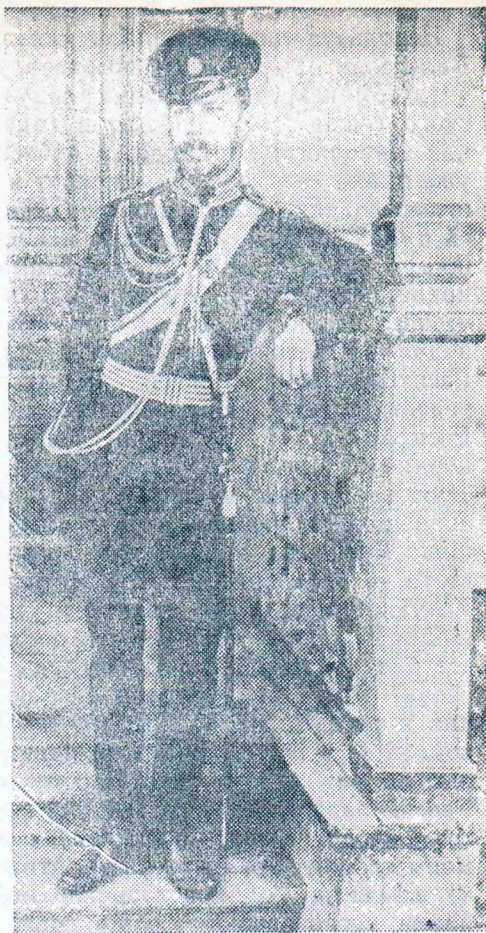
Вильгельм был бесцеремонен в отношениях с окружающими, в том числе с родственниками. Он публично обвинял свою мать, бывшую английскую принцессу Викторию, в проанглийских настроениях и в отсутствии германского патриотизма. В письме к своей матери, королеве Виктории⁹, мать кайзера Вильгельма писала о своем двадцатилетнем сыне: «Ты спрашиваешь о том, каков был Вилли во время пребывания здесь. Он был невероятно груб, неприятен, нетерпим по отношению ко мне». Царь Александр

III¹⁰ не раз отчитывал Вильгельма, считая его «плохо воспитанным, вероломным мальчишкой». Когда царь говорил с Вильгельмом, он поворачивался к нему спиной и бросал слова через плечо. Императрица Мария Федоровна¹¹ питала отвращение к Вильгельму. Она видела в нем выскочку и нувориша в монархической среде, империя которого была создана в определенной степени за счет попрания интересов ее обожаемой Дании и грубого захвата датских провинций Шлезвиг-Голштинии. Мария Федоровна разделяла чувства своей сестры Александры, супруги английского короля Эдуарда VII¹², которая писала своему сыну, ставшему впоследствии королем Георгом V¹³, по поводу присвоения ему звания почетного полковника одного из полков кайзера: «Ну вот, мой мальчик, мой Георгий стал настоящим, грубым, одетым в синий мундир и каску германским офицером. Я никогда не думала, что доживу до этого радостного дня».

В то же время, когда пришла очередь русского царя присвоить кайзеру звание адмирала русского флота, Николай вынужден был мягко, но настойчиво переубеждать Марию Федоровну, возражавшую против этого шага. Николай писал: «Я думаю, что каким бы неприятным это не казалось, мы обязаны разрешить ему надеть нашу военную форму, особенно в связи с тем, что в прошлом году он сделал меня капитаном своего собственного флота... Ничего не сделаешь. Это нужно проглотить!»

Николая одновременно отталкивала и привлекала бьющая через край энергия Вильгельма. Кайзер, в частности, добился возрождения старой традиции царствующих монархов, которые имели своих посланцев при дворах друг друга. Это, как подчеркивал кайзер, даст возможность Николаю «быстро войти со мной в контакт, без пустословия и использования тайного аппарата канцлеров, послов и т. д.».

Началась и знаменитая переписка «Вилли — Ники». Переписка шла на английском языке. Кайзер начал свои корреспонденции с обращения: «Горячо любимый Ники» и



■ Наследник престола великий князь Николай, 1893 г.

подписывался: «Любящий тебя Вилли». Кайзер окутывал царя лестью, обращался к нему с различными приятными предложениями. С восторгом встретил заявление Николая о «бессмысленных грезах» в его обращении к тверскому земству. Он без конца твердил о важности сохранить незыблемым самодержавие. «Задача, — как он заявлял, — которую возложил на нас Вседержитель». Он сообщал, что, по его мнению, «подавляющая масса русского народа связывает свои надежды с царем, обожаемым и боготворимым». Он вещал: «Народ будет приветствовать тебя коленопреклоненный и молиться за тебя». Когда они встретились наедине, Вильгельм, похлопывая Николая по плечу, говорил: «Мой совет тебе — больше речей и парадов».

пор сохранились в легендах и сказаниях».

В своих письмах к царю кайзер возвел эту ненависть в высший принцип. Он заявил, что Россия должна выполнить «святую миссию в Азии». «Совершенно очевидно, что величайшая миссия России состоит в том, чтобы принести цивилизацию на азиатский континент и защитить Европу от нашествия желтой расы. В этом деле я всегда буду твоим союзником, готовым помочь тебе всем, чем могу. Ты должен услышать голос провидения... и встать на защиту святого креста и европейской христианской культуры против нашествия монголов и буддистов... Я не разрешу никому в Европе даже пытаться вмешиваться в твои дела и нападать на тебя из-за угла, пока ты будешь вершить величайшую миссию, которую небеса предназначали для тебя».

Свою идею Вильгельм передавал в художественных образах. Он послал царю картину, на которой он сам был изображен в блестящих доспехах, держащим огромный крест в поднятой правой руке. У его ног — фигура Николая в длинном византийском платье. На лице Николая, смотрящего на кайзера снизу вверх, застыло восхищение. Сзади этих фигур было изображено море, по которому шли германские и русские боевые корабли. В 1902 г., после осмотра русских военных кораблей, во время морских маневров, Вильгельм со своей яхты передал царю, находящемуся на яхте «Стандарт»: «Адмирал Атлантического приветствует адмирала Тихого океана».

Ненависть Вильгельма к Востоку была во многом подлинной. Однако в основе ее лежали политические соображения. В течение многих лет Бисмарк настойчиво стремился направить экспансию России на Восток для того, чтобы уменьшить русское влияние в Европе. «России нечего делать на Западе, — говорил ловкий канцлер германской империи. — Там она заразится нигилизмом и другими пороками. Россия должна выполнять свою миссию в Азии; туда она должна нести цивилизацию». Пытаясь переориентиро-

Используя личные каналы связи, Вильгельм начал работу по развалу антигерманского русско-французского союза¹⁴. Не прошло и года, как Николай стал царем, а кайзер уже пишет ему: «Меня беспокоит не существование союза между Россией и Францией, но опасность, нависшая в связи с этим над нашими принципами незыблемости монархического строя, поскольку этот союз поднимает республику на пьедестал. Республиканский строй является революционным по своей природе. Республика во Франции своими корнями уходит в великую французскую революцию и сейчас остается воплощением идеалов этой революции. Кровь их королевских величеств — Людовика XVI¹⁵ и Марии-Антуанетты¹⁶ — на этой стране. Подумай, разве можно быть после всего этого спокойным и счастливым снова? Разве не породила революция и республика кровопролития и войны? И в конце концов не приведет ли это к тому, что Европу и Россию затопит один гигантский поток крови? Ники, прислушайся к моим словам: Бог проклял эту страну навсегда. Мы, христианские монархи, несем основную ношу, возложенную на нас небесами: мы должны сохранить принцип божественного происхождения монархической власти». Эти атаки кайзера против русско-французского союза не принесли никаких результатов. Однако в другой области увещевания кайзера имели огромный успех. Вильгельм ненавидел восточные народы. Время от времени он начинал вопить о «желтой опасности». В 1900 г., провожая немецкие транспорты, отправляющиеся в Китай для участия в подавлении пекинского восстания¹⁷, кайзер выкрикивал леденящие кровь инструкции: «Ребята, я хочу, чтобы вы знали, что скоро встретитесь с умелым, хорошо вооруженным, жестоким неприятелем. Встретитесь с ним и поразите его. Не давайте никому пощады. В плен никого не брать. Убивайте там, где они попадут в ваши руки. Немцы должны оставить на столетия такой же след в китайской истории, какой оставили гунны под предводительством Аггилы¹⁸, слава которых, их тотальная безжалостность до сих

вать политику России, повернуть ее к восточным проблемам, Германия преследовала две основные цели: уменьшить опасность возникновения войны между Россией и Австро-Венгрией на Балканах и развязать себе руки в отношении союзника России — Франции. Кроме того, Германию устраивало то обстоятельство, что при таком повороте у России неизбежно возникнут конфликты как с Англией относительно Индии, так и с Японией в связи с тихоокеанскими проблемами. Вильгельм был в восторге от этих планов Бисмарка. «Мы должны добиться, чтобы Россия завязла на Дальнем Востоке, с тем, чтобы она могла уделять меньше внимания Европе и Ближнему Востоку», — такие признания делал Вильгельм одному из своих министров.

Кайзер был не единственным человеком, наполнявшим голову Николая экспансионистскими грезами; многие соотечественники Николая были озабочены тем, чтобы добиться преимуществ в Азии. Искушение было слишком велико. Владивосток — главный русский порт на Тихом океане — 3 месяца в году был скован льдами. На южных границах древняя Китайская империя, как стальной каркас, преграждала России путь к океану. К огорчению Российской империи, в 1895 году молодая, уже ставшая могущественной островная Японская империя оккупировала некоторые провинции Китая, на которые претендовала Россия. Среди них — незамерзающий порт и крепость Порт-Артур. Через 6 дней после захвата Порт-Артура Россия заявила, что действия Японии «создают постоянную угрозу миру на Дальнем Востоке». Япония не пошла на риск развязывания войны и оставила Порт-Артур¹⁹. Через три года Россия дсбилась от беспомощного китайского правительства заключения договора об аренде Порт-Артура на 99 лет²⁰. Эта фактическая оккупация Порт-Артура вызвала удовольствие Петербурга: «Радостные новости... — писал Николай. — Наконец мы будем иметь незамерзающий порт». Новый отрезок Транссибирской магистрали был проложен прямо через Маньчжу-

рию, и, когда строительство магистрали закончили, русские рабочие и железнодорожная охрана остались на своих местах²¹. В 1900 г. во время восстания «боксеров» Россия «временно» оккупировала Маньчжурию²². Оставалась последняя территория, захват которой означал бы завоевание всего северного побережья Тихого океана. Этой территорией был Корейский полуостров. И вот, несмотря на то, что Россия рассматривала Корею важным звеном в своей безопасности, группа влиятельных и предприимчивых русских решается на ее захват. Их план состоял в том, чтобы учредить частную деревообрабатывающую кампанию и начать вступление русских солдат, переодетых в рабочую одежду. Если бы это наступление провалилось, русское правительство всегда могло отказаться от ответственности за него. В противном случае империя завоевала бы новые провинции, а инициаторы этой акции получили бы широкие экономические привилегии. Министр финансов С. Витте²³ резко возражал против этой рискованной политики. Однако Николай, находящийся под впечатлением от лидера инициаторов захвата Кореи, бывшего кавалерийского офицера Безобразова, одобрил этот план. В знак протеста в 1903 г. Витте ушел в отставку со своего министерского поста. Кайзер, надев на себя маску пророка, на всех перекрестках кричал: «Для каждого человека без предубеждений очевидно, что Корея должна принадлежать России». Продвижение России в Корею сделало войну с Японией неизбежной. Япония могла бы пойти на [такого рода] соглашение: Россия остается в Маньчжурии, соглашаясь предоставить Японии свободу действий в Корее. Однако министры японского императора не могли сидеть сложа руки и смотреть, как русские скапливаются вдоль Тихоокеанского побережья Азии, развешивая в каждом порту царские двуглавые орлы и уже с близкого расстояния рассматривая их острова. В 1901 г. князь Ито²⁴, один из величайших японских государственных деятелей, приехал в Петербург для переговоров. С ним обращались в высшей степени постыдно. Его игнорировали,

он не мог даже найти официальное лицо, к которому можно было бы обратиться. На его письменный запрос ответ откладывался под смехотворными предложениями со дня на день. В конце концов он покинул Россию в полном отчаянии. В течение всего 1903 г. постоянный представитель Японии в Петербурге Курино делал настойчивые представления с предупреждениями и умолял, но впустую, об аудиенции у царя. 3 февраля 1904 г. с мрачными поклонами Курино покинул Россию.

В России между тем ни у кого не было сомнений в том, что если начнется война, то она будет выиграна без всяких усилий. «Русская армия победит без единого выстрела», — так хвастали генералы в светских гостиных. Министр внутренних дел Вячеслав Плеве²⁵, взвинченный нарастающей волной недовольства внутри страны, открыто приветствовал идею «маленькой победоносной войны» с тем, чтобы отвлечь народ. «Россия создавалась штыками, а не дипломатией», — заявил он.

Николай, убаюканный верой в необычайное превосходство России, был уверен, что право решения остается за ним и что война не начнется, пока Россия не захочет этого. На ежегодном дипломатическом приеме в связи с Новым годом иностранные послы и посланники внимали речам царя о военном могуществе России и его предостережениям о том, чтобы никто не испытывал его терпения и любви к миру. Тем не менее в течение всего января 1904 г. нерешительность Николая держала кайзера в состоянии постоянной тревоги. Вильгельм писал, он умолял Николая не заключать никаких соглашений с Японией, но готовиться к войне, и был потрясен, когда Николай на это ответил: «Я по-прежнему питаю большие надежды на хладнокровное мирное взаимопонимание». Вильгельм показал это письмо канцлеру фон Булову²⁶, горько жалуясь на унижительную позицию царя. «Николай очень вредит себе своей нерешительностью, — сказал кайзер. — Такая позиция компрометирует всех остальных великих монархов».

Япония обошлась без решения

России. Вечером 6 февраля, когда Николай вернулся из театра, ему подали телеграмму от адмирала Алексеева, русского губернатора и главнокомандующего на Дальнем Востоке, следующего содержания: «Около полуночи японские торпедные катера* внезапно напали на корабли, стоящие в бухте Порт-Артура. Линкоры «Цесаревич» и «Ретвизан», а также крейсер «Паллада» были торпедированы. Размеры ущерба уточняются»²⁷. Потрясенный Николай переписал текст телеграммы в свой дневник и добавил: «И это без объявления войны! Да поможет нам Бог»²⁸.

На следующее утро огромные толпы патриотически настроенных людей заполнили улицы Петербурга. Студенты со знаменами шли к Зимнему дворцу. Николай подошел к окну и приветствовал толпу. Он был подавлен, несмотря на окружавшее его ликование. Сама мысль о кровопролитии заставляла его содрогаться. А народ теперь, после того как война была развязана, ожидал быстрой победы. В то же время Николай узнавал правду. По мере поступления конфиденциальных данных о событиях в Порт-Артуре Николая охватывали «острая тоска и горе от потерь флота. Его мучил вопрос, что скажет теперь народ России».

Катастрофа, которая разразилась, была ужасней, чем предполагал Николай. Меньше, чем за одно поколение, Япония сделала скачок от феодализма к современной индустриальной и военной мощи. Военные советники из Франции и морские — из Англии помогли Японии создать современную армию с обученными инициативными командирами. После возвращения из Петербурга униженного Ито за 2 года японские генералы и адмиралы усовершенствовали планы войны против России, и в тот момент, когда стало ясно, что переговоры бесполезны, они нанесли удар.

С самого начала борьба была неравной, несмотря на то, что японская армия насчитывала 600 тыс. человек, а русская — 3 млн. Япо-

* Автор, очевидно, имеет в виду миноносцы.

ния бросила в войну на Азиатском континенте сразу 150 тыс. человек против 80 тыс. солдат русской регулярной армии и 30 тыс. железнодорожников. Протяженность японских коммуникаций от театра военных действий до территории Японии равнялась нескольким сотням миль водным путем, и все потери можно было быстро восстанавливать. Русские же должны были везти пушки, боеприпасы, продовольствие и подкрепления за 4 тыс. миль по однопутной Транссибирской магистрали, к тому же еще не достроенной. На участке в горах около южной части Байкала существовал разрыв в сотню миль петляющего пути. Летом его преодолевали с помощью паромов, через озеро; зимой каждого солдата и каждую пушку перевозили по льду на санях, в которые впрягали лошадей.

Русский Тихоокеанский флот и императорские морские силы Японии были близки по своим размерам; у русских было больше линкоров и крейсеров, у японцев — миноносцев и торпедных катеров. Однако благодаря внезапному нападению японцы овладели инициативой и добились господствующего положения на море. Оставшиеся после первого военного удара русские корабли, изнуренные продолжающимися торпедными атаками, оказались окруженными расставленными японцами минными полями. Когда выдающийся русский адмирал Макаров²⁹ на своем флагманском корабле «Петропавловск» 13 апреля выходил из бухты Порт-Артур, корабль натолкнулся на мину и затонул. Погибли 700 моряков вместе с адмиралом. «Сегодня утром пришли необычайно трагичные новости... — пишет Николай по этому поводу. — Весь день я не мог заставить себя думать ни о чем другом... только об этом страшном ударе... На все промысел божий: мы же, смертные люди, должны просить милости у Всевышнего».

Преимущество на море позволило японским экспедиционным силам совершенно свободно выбирать место и время высадки на континентальном берегу. Первая японская армия высаживалась в Корею, разбила

5 сибирских полков, пересекла реку Ялу и начала двигаться на север в Маньчжурию. Другая заняла побережье северной части Желтого моря и начала осаду Порт-Артура, используя огромные, одиннадцатидюймовые осадные орудия. В течение лета и зимы 1904 г. японская пехота штурмовала, а затем занимала одну за другой укрепленные высоты, окружавшие Порт-Артур. В январе 1905 г. Порт-Артур наконец сдался.

Николай с ужасом наблюдал за происходящим из Петербурга. Его первым побуждением было отправиться на фронт и стать во главе сражающихся войск. Однако на этот раз Великие князья³⁰ подавили его намерение. Царь писал матери: «Я угнетен и страдаю оттого, что остаюсь здесь и не могу разделить опасности и лишения, которым подвергается армия. Вчера я спросил дядю Алексея, что он об этом думает. Он считает, что мое присутствие в армии в этой войне необязательно. Но я чувствую себя очень плохо, оставаясь в такое время здесь, а не с армией».

Николай без конца объезжал военные лагеря, инспектировал войска, вручал иконки святого Серафима Саровского³¹ солдатам, отправляющимся на Дальний Восток. Императрица отказалась от какой-либо светской жизни. Огромный бальный зал Зимнего дворца был превращен в рабочее помещение, где сотни женщин независимо от социальной принадлежности шили одежду и изготавливали перевязочные материалы. Каждый день Александра посещала помещения, отведенные для этой цели, зачастую сама шила одежду или больничные рубашки.

В обстановке, когда становилась все более очевидной угроза поражения России, Николай, подталкиваемый Вильгельмом, отдает приказ Балтийскому флоту двинуться в далекий путь к Тихому океану для того, чтобы восстановить там превосходство России. Адмирал Рожественский³² встретил эти планы без всякой надежды на успех, но поскольку царь отдал приказ, адмирал поднялся на мостик и скомандовал готовиться к походу. В октябре 1904 г. флот последний раз отдавал салют Николаю, находящемуся на

палубе яхты «Штандарт». Серые громады боевых кораблей — линкоров, крейсеров — медленно покинули свою стоянку и двинулись в Балтийское море. Под впечатлением этой картины Николай писал: «Господи, пошли им твое благословение, сохрани целыми и невредимыми на всем пути, приведи к цели и успеху их ужасной миссии, необходимой для безопасности и счастья России».

Адмирал Рожественский вышел в Атлантику, обогнул мыс Доброй Надежды, пересек Индийский океан и достиг Тихого. По пути он бросил якорь на французском Мадагаскаре и оставался там 3 месяца, пока русские агенты не облазили все верфи мира, стремясь купить дополнительные военные корабли для того, чтобы усилить эскадру. Кайзер дал указание немецким коммерческим судам обеспечить русскую эскадру углем. В уединенных бухтах Мадагаскара и Камранского залива германские моряки пересыпали тонны угля в бункеры потрепанных непогодой русских кораблей.

27 мая 1905 г. пополудни русская эскадра, возглавляемая вытянутыми в линию 8 линкорами, появилась в проливе Цусима, отделяющем Японию от Кореи. Японский главнокомандующий адмирал Того³³ расположил свои корабли в 7 тыс. ярдах от места, где русские корабли должны были выйти из пролива, и начал из пушек уничтожать один корабль за другим. Боевые суда то раскалывались, как скорлупа ореха, то переворачивались, то просто останавливались и начинали дрейфовать. Через 45 минут все было кончено. Тогда Того выпустил свои торпедные катера, которые прекратили последние судороги.

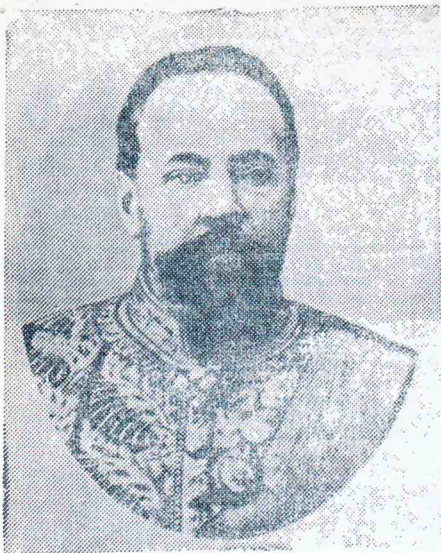
Цусима, величайшая после Трафальгарской морская битва³⁴, имела огромное значение для развития военно-морской мысли во всем мире. Особенно это касается Англии, само существование которой зависело от судьбы королевского флота и для которой из опыта Цусимы стало очевидным, что вовлечение всего флота в военные действия создавало угрожающую перспективу проигранной войны. Кайзер, лелеявший

свой флот, был также страшно напуган. Прямым уроком Цусимского сражения было то обстоятельство, что в течение первых четырех лет мировой войны огромный британский и не менее могучий германский флоты встретились только однажды — во время Ютландского сражения³⁵. Цусима убедила президента США Т. Рузвельта³⁶ в том, что ни одна нация не может позволить себе раздробить флот на части, как это сделала Россия. Рузвельт немедленно начал разрабатывать планы постройки канала через Панаму для того, чтобы соединить два океана, омывающие берега Америки³⁷. Царю сообщили о разгроме при Цусиме во время его путешествия в поезде. Вызванный к нему военный министр имел длительную беседу с царем. Вернувшись в вагон, где генералы и офицеры штаба с нетерпением ожидали информацию о реакции царя, он сказал: «Его императорское величество продемонстрировал глубокое понимание стоящих перед нами проблем и набросал в связи с этим гибкий план действий на будущее. Состояние его духа прекрасное». В своем дневнике в этот вечер Николай записал: «Полное подтверждение страшной новости о почти полном уничтожении нашей эскадры».

Понимая, что у России нет никаких шансов выиграть войну, Николай вызвал С. Витте и отправил его в Америку для участия в мирной конференции, роль посредника в которой взял на себя Рузвельт. Несмотря на то, что война кончилась так, как предсказывал Витте, он, ворча, принял поручение.

Действительно, Витте блестяще провел переговоры на конференции. «Ни один профессиональный дипломат не мог бы сделать это», — сказал Александр Извольский³⁸, который вскоре стал министром иностранных дел.

В сентябре 1905 г. Николай принял возвратившегося героя на своей яхте «Штандарт». «Витте явился к нам, — писал царь матери. — Он интересен и очарователен. После долгой беседы я сообщил ему о чести, которой он удостоился. Я возвел его в графское достоинство. Он



■ С. Ю. Витте

замер, переполненный эмоциями, а потом три раза пытался поцеловать мою руку».

Цусима все резко изменила и положила конец «священной миссии России в Азии». Разбитый и униженный японцами русский гигант опять вернулся к европейским делам. Глядя из Берлина, оценивая события в целом, кайзер считал, что у него не было оснований быть недовольным. С озлобленной поражением разбитой армией, с уничтоженным флотом и разочарованным населением царь перестал быть соседом, которого можно было бояться. Однако Вильгельм обнаружил, что Николай продолжает испытывать к нему дружеские чувства. Он старался утешить царя, напоминая ему о том, что бывали случаи, когда даже Фридрих Великий³⁹ и Наполеон терпели поражения. Он распинался в преданности, которую, по его словам, уже продемонстрировал, «охраняя» русскую границу в Европе — в основном, от своего собственного союзника — Австрии. Стараясь не тревожить раны от провала дальневосточной авантюры, развязывание которой он сам спровоцировал, кайзер снова занялся реализацией своей основной цели — ликвидации союза между Францией и Россией. На этот раз он начал соблазнять Николая монархическим союзом между Россией и Германией.

Британская пресса открыто требовала, чтобы королевский флот принял меры против снабжения русских военных кораблей углем германского флота. Кайзер пришел в ярость. Николай, отвечая на письмо Вильгельма, написал: «Я полностью согласен с твоим недовольством относительно поведения Англии... бесспорно, уже давно пришло время положить конец этому. Я так же, как и ты, вижу один выход: Германия, Россия и Франция должны объединиться для того, чтобы пресечь англо-японскую наглость и дерзость».

На следующее лето кайзер послал телеграмму царю, приглашая его приехать в качестве «простого туриста» на частную встречу где-нибудь на море. Императорские яхты — «Гогендоллерн» и «Штандарт» — вскоре бросили якорь в финском фьорде, и два императора встретились за обедом. На следующее утро Вильгельм, как бы случайно, опускает руку в карман и находит там проект договора о союзе между Россией и Германией. Одна из его статей предусматривала, что Франция будет поставлена в известность относительно договора и ее пригласят подписать его, если она захочет, только после того, как это сделают Россия и Германия. Николай, по словам Вильгельма, прочел и сказал: «Это прекрасно, я согласен»⁴⁰.

По возвращении в свои столицы как тот, так и другой императоры были неприятно поражены. Германский канцлер фон Бюлов, возмущенный подписанием этого документа, резко критиковал его и грозил уйти в отставку. В Петербурге русский министр иностранных дел Ламздорф⁴¹ в ужасе не мог поверить своим глазам. Он пытался втолковать Николаю, что «союз с Францией — краеугольный камень внешней политики России и что к нему нельзя относиться несерьезно». «Франция, — продолжал Ламздорф, — никогда не присоединится к союзу с Германией, и Россия не может участвовать в нем без консультаций с Францией».

В конце концов Вильгельма проинформировали, что в той форме, в которой договор составлен, он не может быть принят. Договор, заключенный в Бьёрке, так и не был

применен, и личная верность «Ники — Вилли» вскоре исчерпала себя, равно как и влияние кайзера. Однако Николай прозрел слишком поздно. К 1905 г. он проиграл войну, и страна была охвачена революцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николай II (1868—1918) — последний российский император (1894—1917), расстрелян в Екатеринбурге вместе с семьей, приближенными и слугами. (Здесь и далее все даты, кроме специально оговоренных, даны по старому стилю. — *Ред.*)

² Вильгельм II Гогеншоллерн (1859—1941) — последний германский император и прусский король (1888—1918).

³ Имеется в виду русско-японская война (1904—1905).

⁴ Вильгельм I Гогеншоллерн (1797—1888) — прусский король с 1861 г., германский император с 1871 г. Его сын Фридрих умер спустя три месяца после вступления на престол.

⁵ Элла Гессен-Дармштадтская (1864—1918) — старшая сестра Алисы — будущей императрицы Александры Федоровны, в 1884 г. вышла замуж за Великого князя Сергея Александровича, дядю Николая II, приняла имя Елизавета Федоровна.

⁶ Алиса Гессен-Дармштадтская (1872—1918) — последняя российская императрица. В 1894 г. вышла замуж за Николая II, приняла имя Александра Федоровна.

⁷ Сергей Александрович Великий князь (1857—1905) — брат императора Александра III, московский генерал-губернатор, убит террористом И. И. Калаяевым.

⁸ Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (1815—1898) — первый рейхсканцлер германской империи (1871—1890).

⁹ Виктория (1819—1901) — королева Великобритании с 1837 г.

¹⁰ Александр III (1845—1894) — российский император с 1881 г., второй сын императора Александра II.

¹¹ Мария Федоровна (1847—1923) — императрица, супруга Александра III, мать императора Николая II.

¹² Эдуард VII (1841—1910) — король Великобритании с 1901 г.

¹³ Георг V (1865—1936) — король Великобритании с 1910 г.

¹⁴ Русско-французский союз сложился в 1891—1893 гг. и просуществовал до 1917 г. По политическому соглашению стороны условились в случае, если одному из государств угрожало нападение, принять совместные меры. Затем в августе 1892 г. была подписана военная конвенция, по которой Россия и Франция взяли обязательство оказывать друг другу военную помощь при нападении Германии.

¹⁵ Людовик XVI (1754—1793) — король Франции (1774—1792). Осужден Конвентом и казнен.

¹⁶ Мария-Антуанетта (1755—1793) — королева Франции, супруга Людовика XVI. Казнена как активная участница заговора против революции.

¹⁷ В конце XIX века Китай подписал серию неравноправных договоров, в том числе с Германией (1898 г.). Военный десант был направлен в Китай в связи с убийством двух немецких миссионеров. В результате вторжения японской флотилией осуществление от Китая части территории, созда-

ние японской военно-морской базы в Циндао, превращение провинции Шаньдун в «сферу влияния» Германии.

¹⁸ Агтша (7—453 г.) — предводитель гуннов с 434 г. по прозвищу «Вяч Вожий», основатель огромного государства от Волги до Германии. Держал в страхе Византию, Рим и всю Европу, но после смерти его государство быстро распалось.

¹⁹ В результате поражения в японо-китайской войне 1894—1895 гг. Китай заключил с Японией Симоносекский мирный договор 1895 г., по которому признал «независимость и автономию» Кореи, передал Японии острова Тайвань и Пенхуледао (Пэнху), Лаодунский полуостров, уплачивал контрибуцию и открывал 7 портов для свободной торговли. 23 апреля 1895 г. Россия, Германия и Франция обратились к японскому правительству с требованием отказаться от аннексии Лаодунского полуострова. Япония уступила, обзав Китай выплатить дополнительную контрибуцию.

²⁰ По конвенции 1898 г. Россия получила от Китая в арендное («полное и исключительное») пользование Ляوشунь (Порт-Артур) и Далинь (Дальний) сроком на 25 лет.

²¹ Согласно русско-китайскому секретному договору 1896 г. о союзе и постройке КВЖД, подписанному в Москве, предусматривалось создание военного союза двух государств, который должен был вступить в силу в случае нападения Японии на Россию, Китай или Корею. В том же 1896 г. Общество КВЖД, а фактически российское правительство, получило право эксплуатации дороги на время ее постройки и следующие 80 лет. Китай имел право выкупить КВЖД спустя 36 лет после ее постройки. Строительство дороги было завершено в 1903 г.

²² В конце 90-х годов XIX века в Китае началось народное восстание. Пытаясь подавить его, Великобритания, Франция, Германия, Япония, США, Италия, Австро-Венгрия и Россия начали вооруженную интервенцию против Китая и заняли Пекин. В 1900 г. были введены русские войска в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию).

²³ Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — граф, видный государственный деятель России и дипломат. В 1892 г. — министр путей сообщения, в 1892—1903 гг. министр финансов.

²⁴ Ито Хиробуми (1841—1909) — князь, японский государственный деятель и дипломат. В 1885—1888, 1892—1896, 1898 и в 1900—1901 гг. — премьер-министр Японии.

²⁵ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — министр внутренних дел России и шеф отдельного корпуса жандармов (1902—1904). Убит по приговору боевой организации есеровской партии Е. С. Созоновым.

²⁶ Бюлов Берихард Генрих Мартин (1849—1929) — князь, германский государственный деятель, дипломат. В 1897—1900 гг. — имперский статс-секретарь иностранных дел, в 1900—1909 гг. — рейхсканцлер Германии и министр-президент Пруссии.

²⁷ Алексеев Евгений Иванович (1843—?) — генерал-адъютант, адмирал. С 1903 г. — наместник императора на Дальнем Востоке, в 1904 г. — главнокомандующий сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. Нападение на русские корабли было совершено в ночь на 27 января 1904 г.

²⁸ Русско-японская война продолжалась с 27 января 1904 г. по 25 августа 1905 г. и завершилась подписанием Портсмутского мира. Япония была переданы часть Маньчжурии с Порт-Артуром и Дальним и половина острова Сахалин.

²⁹ Макаров Степан Осипович (1848/49—1904) — вице-адмирал, командовал Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре.

⁸⁶ Имеются в виду Великие князья Владимир Александрович (1847—1909), Алексей Александрович (1850—1910), Сергей Александрович (1857—1905), Павел Александрович (1860—1918) — братья Александра III. Николай II приходился им племянником.

⁸⁷ Серафим Саровский — святой православной церкви, в 1903 г. были открыты его мощи в Саровской пустыни (Тамбовская губерния).

⁸⁸ Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909) — вице-адмирал, в русско-японскую войну возглавил 2-ю Тихоокеанскую эскадру.

⁸⁹ Того Хэйхатио (1847—1934) — японский адмирал, в годы русско-японской войны командовал соединенным флотом.

⁹⁰ Трафальгарское сражение произошло 21 октября 1805 г. около испанского города Кадис. Английский флот адмирала Г. Нельсона разгромил франко-испанский флот адмирала П. Вильнёва.

⁹¹ Ютландское сражение состоялось 31 мая—1 июня 1916 г. между главными силами английского и германского флотов. Закончилось безрезультатно, но английский флот сохранил господство на море.

⁹² Рузвельт Теодор (1858—1919) — 26-й президент США (1901—1909 гг.).

⁹³ По американо-панамскому договору 1903 г. США получили навечно зону панамской территории для сооружения и эксплуатации канала.

⁹⁴ Извольский Александр Петрович (1856—1919) — министр иностранных дел России (1906—1910), посол во Франции (1910—1917).

⁹⁵ Фридрих Великий — имеется в виду Фридрих II (1712—1786) — король Пруссии с 1740 г. В результате его завоевательной политики территория Пруссии почти удвоилась.

⁹⁶ Вьёрский договор между Россией и Германией был подписан 11 июля 1905 г. в Вьёрке, неподалеку от Выборга, на борту царской яхты «Полярная звезда». Вильгельм II, обеспокоенный растущей изоляцией Германии, решил использовать недовольство России позицией Великобритании, подержавшей Японию. 13 ноября 1905 г. Николай II отправил письмо, в котором проинформировал Вильгельма II о том, что договор вступит в силу лишь при условии согласия на него Франции. Таким образом Вьёрский договор так и не вступил в силу.

⁹⁷ Ламздорф Владимир Николаевич (1844—1907) — граф, государственный деятель России, дипломат. С 1900 по 1906 г. — управляющий министерством иностранных дел, затем министр иностранных дел. В 1906 г. уволен в отставку.

(Продолжение следует)

В канун Дня Победы подведены итоги конкурса лучших материалов, опубликованных в журналах Объединенных Вооруженных Сил СНГ в 1991 году. Приказом Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами СНГ вторая поощрительная премия в размере 1500 рублей присуждена генерал-полковнику запаса Г. Ф. Кривошееву, автору статей «В первых сражениях», «Цена освободительной миссии», «Война брони и моторов», «Накануне», напечатанных в «Военно-историческом журнале» (1991, № 2, 3, 4, 6).

Объявлена благодарность генерал-лейтенанту юстиции А. Ф. Катусеву, капитану 1 ранга В. Г. Оппокову — авторам публикации «Движение, которого не было» («Военно-исторический журнал», 1991, № 4, 7, 9, 12), а также капитану 1 ранга запаса А. В. Басову, капитану 1 ранга запаса Г. И. Гутенмахеру — авторам статьи «Персидский коридор» («Военно-исторический журнал», 1991, № 1).

Благотворительная подписка «Милосердие»

В благотворительной подписке, объявленной в № 12 нашего журнала за 1991 год, с уточнением номера расчетного счета в № 3 за 1992 год, в дальнейшем приняли участие:

Бодров Геннадий Васильевич (г. Саратов).

Смирнов Владимир Павлович (г. Таллинн).

Свои гонорары в фонд благотворительной подписки перечислили авторы статей, опубликованных в нашем журнале, — доктор исторических наук Н. Р. Гусева и контр-адмирал Б. А. Коновихин.

Редакция также выражает благодарность человеку, не назвавшему своего имени, из города Куйтун-1 Иркутской области, перечислившему 150 рублей в фонд подписки для фронтовиков-авиаторов.

ЮНОШИ И ДЕБУШКИ!

Только в профессионально-техническом училище № 150 г. Москвы вы сможете приобрести профессии:

— сборщика часов (с образованием 9—11 классов);

— секретаря-машинистки (с образованием 11 классов).

Внимание всех заинтересованных учреждений, организаций, кооперативов и совместных предприятий.

Профессионально-техническое училище № 150 предлагает квалифицированные кадры секретарей-машинисток для работы на вашем предприятии. Необходимым условием договора является оплата организациями первоначальной и производственной практики учащихся.

Иш адрес: Москва, Ул. Смольная, дом 108.

Телефоны: 159-79-66, 159-79-67.

ПО ГОРЯЧИМ следам событий. в жанре исторического детектива с объявленным заранее трагическим концом написан документальный очерк видного большевика И. Т. Смилга, в котором рассказывается об обстоятельствах гибели знаменитого красного конника Б. М. Думенко.

11 мая 1920 года — последний день жизни неожиданно угодившего в спалю командира конного корпуса. Оклеветанный, вчера еще такой популярный в казачьей среде, пал он от руки своих же товарищей. без всякой надежды после всего пережитого на пощаду.

Однако и после прочтения очерка точку в той, некогда тщатель но замалчиваемой истории ставить рано. Историкам еще предстоит всесторонне изучить противоречивую, полную драматизма эпоху гражданской войны, ее характер и движущие силы, объективно, без былой идеологической зашоренности сказать о сложных процессах становления нового политического строя, на базе которого впоследствии сформировался тоталитарный режим.

И сам Думенко, герой гражданской войны, предстает перед нами совершенно неоднозначной фигурой. Талантливый военачальник, он не нуждается в излишней идеализации, а тем более в умолчании свойственных ему недостатков. Впрочем, не нуждаются в исторической ретуши и прочие герои очерка. В частности, Д. П. Жлоба, конфликтовавший с командиром корпуса. Арестовав Думенко, он в ту же ночь издает приказ о своем вступлении во временное командование корпусом, угрожая расстрелом на месте тем, кто ему не подчинится.

В свои последние дни и часы, пришедшиеся на 1938 год, И. Т. Смилга, А. Г. Белобородов и Д. П. Жлоба странным образом повторяют скорбный путь, выпавший их жертве — Б. М. Думенко. Оклеветанные, обвиненные в мыслимых и немыслимых преступлениях против народа, партии и Сталина, они гибнут в безжалостных жерновах созданной ими системы «ликвидации»...

ЛИКВИДАЦИЯ ДУМЕНКО

И. Т. СМИЛГА

ДУМЕНКО является одним из довольно видных деятелей Красной Армии. В первый период его деятельности, в 18-м и начале 19-го года, у него имеются несомненно крупные заслуги в борьбе Красной Армии против Деникина¹. Несмотря на полное отсутствие военного образования (он был не то рядовым, не то вахмистром), Думенко имел несомненные природные способности в военном деле. Целый ряд его конных операций был удачным и победоносным. Его способности к маневру и к короткому удару признавало даже белое командование в своих донесениях. Думенко был на месте во главе небольших конных

групп, примерно дивизии. Попытка поставить его во главе конного корпуса кончилась неудачей. Корпусное соединение оказалось для его способностей чрезмерным. Его последний поход от Хопра до Новочеркасска ничего интересного в смысле ведения операций большими кавалерийскими массами не представляет.

По своей идеологии Думенко относится к плеяде Мироновых, Григорьевых. Махно² и прочих, которые в 19-м году пытались вести борьбу и против белых, и против красных. Несмотря на близкое сходство взглядов этих людей, между ними как личностями была огромная разница. Махно и Миронов пытались писать политические программы и платформы, причем Миронов бандитизмом не занимался, а махновщина впоследствии превратилась в уголовную банду. Григорьев был разбойником чистой воды. Думенко обнаружил все данные стать таким же разбойником. Из всех этих лиц Думенко был, бесспорно, самым глупым и неразвитым.

Я познакомился с ним в августе месяце 1919 года в Саратове, где он лечился от полученной весной раны. Я был неприятно поражен заявлением Думенки, что он является ротмистром ста-

Печатается по: Смилга И. Т. Военные очерки. — М., 1923.



СМИЛГА Ивар Тенисович (1892—1938) — профессиональный революционер, член партии большевиков с 1907 г., работу вел в Москве и Петрограде. После Февральской революции — член Кронштадтского комитета РСДРП(б), председатель областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. После Октябрьской революции — уполномоченный Совета Народных Комиссаров (СНК) в Финляндии. С мая 1919-го по март 1924 г. — член Реввоенсовета Республики (РВСР), с 1919-го по 1921 г. — начальник политуправления (ПУР) РВСР. В 1919-1920 гг. — член Реввоенсовета Юго-Восточного (Кавказского) фронта. В 1920—1927 гг. активно поддерживал оппозиционную деятельность Л. Д. Троцкого, за что XV съезд ВКП(б) в 1927 г. исключен из партии. Репрессирован.

ДУМЕНКО Борис Мокеевич (1888—1920) — участник первой мировой войны, вахмистр. В 1918—1919 гг. — командир 1-й Сводной кавалерийской дивизии 10-й армии, участник обороны Царицына. С апреля 1919 г. — помощник начальника штаба 10-й армии по кавалерийской части, в мае командовал группой войск 10-й армии. С сентября 1919 г. по февраль 1920 г. — командир 2-го Сводного конного кор. пуса 9-й армии. Награжден (пятым по счету) орденом Красного Знамени.

По обвинению в убийстве комиссара конного корпуса В. Н. Микеладзе и подготовке мятежа против Советской власти приговорен к смертной казни.



рой армии. Все мы прекрасно знали его истинное служебное положение. В разговоре со мною он больше всего останавливался на военных эпизодах недавних боев. Поддерживать разговор на политические и стратегические темы он был не в состоянии. Начавшиеся в это время успехи Буденного³ приводили его в нескрываемое раздражение. Зная по рассказам о его военных способностях, я большую часть своих первых, крайне невыгодных впечатлений о Думенке отнес за счет состояния его здоровья, которое в то время еще не было целиком восстановлено.

Однако все дальнейшее поведение Думенки целиком подтвердило первое впечатление. С огромным трудом приходилось вводить его в русло военной дисциплины и порядка. Штаб Юго-Восточного фронта⁴ имел массу неприятностей из-за его ложных донесений, прямого невыполнения ряда приказов, от отсутствия отчетности и порядка при ведении корпусного хозяйства. В штаб начали поступать сведения, что растущая слава Буденного действует на Думенку разлагающе. Очевидно, он стал понимать, что с его способностями первого места среди красных конных начальников ему занять

не удастся. Проводимые фронтом и 9-й армией мероприятия по внедрению порядка и дисциплины в наших конных частях были ему тоже не по вкусу — он чувствовал, что партизанским нравам и привычкам наступает конец. После занятия нами Новочеркасска, когда поражение Деникина наметилось по всему фронту, Думенко решил, что наступило время «отложиться», если можно так выразиться, от Красной Армии. Ряд донесений в штаб 9-й армии говорит о полном разложении штаба корпуса, о пьянстве, антисемитизме, насилиях над женщинами, убийствах и т. д. и т. п. Политическая бездарность Думенки видна уже из того обстоятельства, что, идя на конфликт с высшим командованием, он не имел никакой поддержки в своих собственных частях, все его бригады были настроены враждебно к штабу корпуса.

После первых же донесений штаба 9-й армии для меня было ясно, что с Думенко надо кончить. Я думал снять его с корпуса и отправить в тыл. После же бессмысленного убийства комиссара корпуса надо было кончить с Думенко раз навсегда. Немедленно по получении от члена Реввоенсовета 9-й армии А. Г. Бе-

лабородова⁵ доклада о положении дел в корпусе в связи с убийством Микеладзе⁶ я отдал следующий приказ:

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО

Реввоенсовет-9. Каменская 18 II — 1920

Ознакомившись с следственным материалом по делу об убийстве комиссара конкорпуса Микеладзе, приказываю: арестовать комкора Думенко и весь его штаб, как виновников убийства, и предать их суду Реввоен трибунала, как только к этому представится возможность по соображениям оперативного характера точка*. В случае неповиновения и отказа сдаться добровольно, применить вооруженную силу и смести виновников с лица земли. Действовать решительно и иметь в виду, что быстрая ликвидация главного очага бандитизма в 9-й армии имеет громадное значение для всего фронта точка Проведение вышесказанного поручается Реввоенсовету 9-й армии точка О принятых мерах донести мне точка номер 20

Член РВСР СМИЛГА

Подлинный получил

18 февраля 1920 г.

А. Белобородов.

Весь штаб корпуса был арестован командиром 1-й бригады Жлобой⁷ без единого выстрела. В мае 1920 года в Ростове сессией Рев трибунала Республики⁸ Думенко и его ближайшие сообщники были приговорены к расстрелу и расстреляны. Ликвидация Думенко имела самое положительное влияние на наши части. Надо ли говорить о том, что население тех мест, где орудовал Думенко, вздохнуло с облегчением.

П Р И К А З

**по Советским войскам IX армии
№ 40/а**

4 февраля 1920 года, ст. Каменская

2 февраля с/г. вблизи хутора Манычско-Балабинский найден зарубленный на смерть политический комиссар 2-го Сводного конного корпуса тов. Микеладзе. Злодеяние совершено вблизи расположения штаба корпуса и штабов бригад, однако до сих пор никаких официальных извещений о смерти тов. Микеладзе Реввоенсоветом армии не получено.

Политический комиссар, как представитель Советской власти, является лицом

неприкосновенным; неприкосновенность и авторитет комиссара установлены законами Р.С.Ф.С.Р. и всякое посягательство на жизнь комиссара, а тем более убийство — является тягчайшим преступлением перед Республикой.

Убийцы тов. Микеладзе понесут суровое наказание по законам Республики.

Для производства следствия об убийстве тов. Микеладзе, на основании распоряжения Реввоенсовета Кавказского фронта, Реввоенсовет приказывает:

1) Составить чрезвычайную следственную комиссию в составе:

1. Политического комиссара 21-й дивизии тов. Лиде

2. Политкомбрига 2-го Конкорпуса тов. Пескарева

3. Начальника Политотдела 36-й див. тов. Злауготниса

4. Начальника Особого Отдела Конкорпуса т. Карташева⁹.

Председателем следственной комиссии назначается тов. Лиде, которому немедленно организовать комиссию и приступить к работе и в кратчайший срок окончить следствие.

2) Чрезвычайная следственная комиссия имеет право: а) производить допросы всех без исключения лиц, показания коих, по ее мнению, будут важны для дела, б) производить обыски, выемки и осмотр всех без исключения документов по ее усмотрению, в) производить аресты всех лиц, лишение коих свободы она сочтет нужным в интересах следствия.

3) В зависимости от результатов следствия арестовать и препроводить в штаб армии вместе с следственным материалом как непосредственных виновников убийства, так равно пособников, подстрекателей и укрывателей, для предания их суду.

4) Всем строевым начальникам приказываем оказывать комиссии действительную, всемерную помощь и содействие, такую же помощь и содействие просим оказывать и со стороны начальников частей, входящих в состав соседних армий.

5) Настоящий приказ ввести в действие по телеграфу.

6) Настоящий приказ служит как для всей комиссии, так и для отдельных ее членов документом-мандатом, удостоверяющим их права и полномочия, изложенные в предыдущих пунктах.

Командарм IX А. СТЕПИН¹⁰

**Член Реввоенсовета А. БЕЛОБОРОДОВ
За штабна-9 АЛЕКСЕЕВ**

* Здесь и далее документы публикуются без изменений.

**МАТЕРИАЛЫ
РЕВВОЕНСОВЕТУ КАВКАЗСКОГО
ФРОНТА**

**Доклад о положении дел
в конном корпусе Думенко
и заключение чрезвычайной
следственной комиссии
по делу об убийстве военкомкра
тов. Микеладзе**

СОВ. СЕКРЕТНО

**РЕВВОЕНСОВЕТУ КАВКАЗСКОГО
ФРОНТА**

**Доклад о положении
Сводного конного корпуса
(корпуса Думенко)**

Через несколько дней после взятия Новочеркасска ¹¹, 12 января, меня вызвал к прямому проводу член Реввоенсовета-9 т. Анисимов ¹², находившийся тогда в Новочеркасске, и сообщил, что командир конного корпуса Думенко ведет себя вызывающе, по-махновски, под угрозой разгона местной Советской организации требует вина, не признает Реввоенсовета и т. д. Тов. Анисимов тогда предложил немедленно арестовать Думенко, полагая, что в результате промедления можно ожидать его вооруженного выступления. За день до разговора тов. Анисимов в телеграмме № 43/р от 11 января говорил то же самое (копия этой телеграммы была сообщена РВС фронта).

К этому времени с помощью частей 21-й дивизии и 1-й партизанской бригады разгул пьянства в г. Новочеркасске удалось прекратить и вопрос о ликвидации Думенко утратил несколько свою остроту.

16 января вновь назначенный политический комиссар корпуса тов. Микеладзе сообщил, что командир корпуса не допускает его к исполнению своих обязанностей. В разговоре я предложил тов. Микеладзе решительно потребовать от командира допущения комиссара. Мною была дана директива всем политработникам корпуса быть наготове и при первом же намеке на выступление против Советской власти или при попытке открыть фронт перестрелять, жертвуя собой, всех главарей и зачинщиков.

Из дальнейших разговоров с т. Микеладзе (например, разговор 24/1—20 г.) можно было заключить, что комиссару удалось в конце концов добиться, чтобы его допустили к исполнению своих обязанностей. Тов. Микеладзе передавал дословно следующее: «Удалось несколько раз серьезно переговорить с командиром. Идет навстречу некоторым моим предложениям, дает на подпись все приказы».

Очевидно, все это было попросту лживым ходом, сделанным с целью усыпить бдительность комиссара, чтобы потом можно было легче убрать его.

Дальнейшее известно по моим донесениям и из прилагаемого заключения Чрезвычайной Следственной Комиссии от 10 февраля с. г.

Чтобы сделать более ясной картину всего происшедшего и обстановку в корпусе, необходимо остановиться на тех лицах, которые окружают командира Думенко, а также указать на взаимоотношения его с подчиненными.

Ближайшими сподвижниками Думенко являются:

1. Начоппарод Блехерт — бывший офицер, месяца 3 — 4 тому назад командированный из Москвы. По отзывам всех встречавшихся и знающих его, личность чрезвычайно подозрительная. По своему умственному развитию стоит выше остальных лиц, окружающих Думенко, и имеет на него безусловное влияние. Блехерта называют вдохновителем всех безобразий и преступлений, творимых штабом корпуса.

2. Шевкоплясов, бывший начдив-37, посланный 10-й армией на должность комбрига пехоты, которую хотел формировать Думенко. Личность малозаметная вообще, но в компании Думенко играет роль исполнителя всех затей Думенко.

3. Колпаков, состоящий для поручений при командире. Грубый и нахальный тип, играющий одинаковую с Шевкоплясовым роль. При приезде т. Микеладзе Колпаков вел себя вызывающе и оскорбил т. Микеладзе (рапорт т. Микеладзе, найденный в бумагах т. Анисимова, в копии прилагаю. Лист 10).

4. Наштаб Абрамов. Очень осторожный человек, работающий давно в Красной армии, известен некоторым строевым начальникам наших дивизий, характеризующим его как человека надежного. Личность по всем данным слабовольная и подпадающая под влияние остальных.

5. Носов, командант штабкора. По всем отзывам явно преступный тип; Носова называют виновником покушения на комиссара связи т. Захарова. Носов вел двуличную политику, называя себя коммунистом, пользовался доверием т. Анисимова и, очевидно, передавал Думенко все, что узнавал от т. Анисимова. Весь корпус называет его организатором убийства т. Микеладзе.

Вся эта компания во главе с Думенко снискала себе общую ненависть всех политработников корпуса и лучшей части командного состава.

Между прочим, взаимоотношения между комкором и комбригами 1-й и 3-й натянуты. Комбриг 1-й Жлоба после убийства Микеладзе заявил, что он с готовностью арестует весь штаб, если получит предписание Реввоенсовета; те же сведения были и относительно комбрига 3-й т. Лысенко¹³. Между прочим, все политработники корпуса встречают всегда поддержку только от Жлобы.

Своего отношения к Советской власти штаб корпуса не скрывает. Начальник снабжения конкора т. Лебедев передает, что один раз Думенко спрашивал его: «Неужели ты до сих пор не убедился, что Советская власть—это сволочь?» В другой раз Думенко тому же Лебедеву говорил: «За мою голову Деникин дает миллион, а если я перейду к нему, то он даст мне десять миллионов».

Шельмование Советской власти штабом делается настолько демонстративно, что на одном совещании комбригов с комкором комбриг-3 т. Лысенко прямо поставил Думенко вопрос о том, считает ли себя Думенко сторонником Советской власти или ее противником и врагом.

Из прилагаемой при сем копии заявления Политкомбрига 2-й Горской т. Пескарева видно, что Думенко после получения выговора от Комфронта за стояние на Хопре¹⁴ сорвал с себя орден Красного Знамени и бросил его.

Штаб корпуса является очагом антисемитской агитации в частях корпуса. Ругать жидов и комиссаров и демонстрировать пренебрежение к Советской власти является самым излюбленным занятием штабных.

Оставлять безнаказанными убийство т. Микеладзе и остальные преступления штакора и комкора считаю совершенно недопустимым. Виновники убийства указаны в докладе комиссии и должны быть арестованы.

П р и л о ж е н и я:

1. Заключение следственной комиссии
2. Копия рапорта т. Микеладзе
3. Копия заявления т. Пескарева

15/II—20 г.

Член Реввоенсовета-9
А. БЕЛОБОРОДОВ

10 февраля 1920 года
гор. Новочеркасск.

Чрезвычайная следственная комиссия по делу об убийстве военкома 2-го Сводного конкорпуса Думенко — тов. Микеладзе, рассмотрев весь собранный ею материал, находит следующее:

2 февраля сего года военком конкорпуса тов. Микеладзе, встретив на позиции командира корпуса тов. Думенко, вместе с последним и полевым штабом к вечеру прибыли на квартиру полевого штаба корпуса в хут. Манычско-Балабинский, намереваясь в этот же вечер ехать к комбригу-1 тов. Жлобе. Военком корпуса взял на себя обязательство заехать по дороге в первую бригаду конной группы тов. Блинова и доставить ей вторичное предписание комкора Думенко о временном оперативном подчинении бригады конкорпусу. Из штаба конного корпуса Микеладзе со своим личным ординарцем Фоменко собирался ехать на сменных лошадях, так как свои лошади за день поездки по фронту устали. На просьбу дать ему двух лошадей для себя и ординарца товарищу Микеладзе была дана лишь одна лошадь белой масти, принадлежащая конному ординарцу штакора тов. Кулакову. Личный ординарец тов. Микеладзе за непредоставлением ему лошади остался в штабе корпуса, дожидаясь возвращения своего военкома и кормя лошадей. Вместе с товарищем Микеладзе, имевшим с собой срочный боевой приказ, вне всякого сомнения, поехал ординарец, и именно ординарец штаба корпуса (см. показание Фоменко, слова Микеладзе своему ординарцу и ответ Думенко этому же ординарцу на следующий день после убийства). Отъехав версты полторы от хут. Манычско-Балабинский по направлению в хут. Солонный, сопровождавший товарища Микеладзе ординарец в балке произвел из браунинга выстрел в голову едущему вместе с ним военкому Микеладзе (вспышка выстрела была замечена ехавшими сзади в саженах 100 — 200 красноармейцами Сухоруковым и Коваленко, звук они не заметили** за дальностью расстояния и неровностью поверхности дороги. Выстрел произведен из браунинга, это доказывает акт, составленный при обмывании тела убитого, когда из разрубленной головы выпала пуля браунинга). После преступного выстрела со-

** Так в тексте. Правильно — не услышали.

проводивший военкома ординарец закончил его жизнь, нанеся собственной Микеладзе шашкой три удара по голове. Преступник запутал у белой лошади, на которой ехал Микеладзе, повод, скинув его с шеи и привязав узлом к ноге, дабы лошадь не могла за убийцей непосредственно следовать и тем навлечь на него подозрение (см. показание Сухорукова и Коваленко). Совершив гнусное убийство, преступник — ординарец быстро рысью помчался обратно к месту расположения штакара в хут. Маньгско-Балабинский (его встретили мчавшиеся из балки оба кавалериста 1-го Кубанского полка Сухоруков и Коваленко), когда оба кавалериста Сухоруков и Коваленко, видевшие перед этим впереди себя в балке вспышку выстрела, далее поймавшие следовавшую за убийцей запутанную в повод белую лошадь, спустились в балку, то там они заметили лежащего человека. Убедившись, что перед ними убитый человек, они немедленно инстинктивно приступили к обычному для красноармейцев конного корпуса мародерству и сняли с убитого незнакомого им человека сапоги и револьвер. Под страхом близости притаившегося противника дальнейшее обирание свежезарубленного трупа они прекратили и быстро поехали на место расквартирования своего полка, где донесли командиру полка об убитом человеке и сдали ему револьвер, сапоги и лошадь с седлом.

Исходя из изложенной картины убийства Чрезвычайная Следственная Комиссия обратила главное внимание на выяснение лица, сопровождавшего товарища Микеладзе в его последней роковой поездке. Свидетельские показания по этому вопросу разбиваются на две группы:

1) С одной стороны, полевой штаб корпуса во главе с командиром конкорпуса товарищем Думенко отделяются полным незнанием, как и с кем поехал товарищ Микеладзе, но определенно отрицают, что его сопровождал ординарец штакара.

2) С другой стороны, личный ординарец убитого военкома — Фоменко определенно заявляет, что товарищ Микеладзе, получив только одну лошадь лично для себя, выходя из штаба, сказал ему — ординарцу, «что лошадей дают только ему и что вместе с ним поедет штабной ординарец». Дальше тот же Фоменко показывает, что Микеладзе действительно выехал со двора штаба корпуса

вместе с дождавшимся его ординарцем, и заметил, что «ординарец, с которым ехал тов. военком, был на лошади темной масти». Фоменко показывает, что 3 февраля около 11 часов дня, когда он справлялся в штабе корпуса, не вернулся ли Микеладзе, то командир корпуса тов. Думенко сам лично ему ответил, «что военком Микеладзе еще не вернулся и что не вернулся также и тот ординарец, посланный вместе с ним». Показания красноармейцев Сухорукова и Коваленко также подтверждают показание Фоменко о том, что Микеладзе ехал из штакара с ординарцем вдвоем, ибо они, т. е. Сухоруков и Коваленко, по дороге, не доезжая до балки, замечали впереди себя двух всадников, впоследствии спустившихся в балку, и затем после вспышки в балке вскоре один, именно на лошади темной масти, быстро выскочил из балки и промчался им навстречу обратно в Маньгско-Балабинский, второго же, лично им неизвестного, оказавшегося потом военкомом Микеладзе, они нашли убитым в балке и дальше по дороге за балкой, несмотря на то, что ехали быстро, всадников перед собой не видели.

Показания второй группы свидетелей Чрезвычайная Следственная Комиссия считает наиболее правдоподобными, ибо не может быть, чтобы никто из чинов штаба корпуса не знал и не поинтересовался, как и с кем едет Микеладзе, имеющий при себе срочный важный оперативный приказ. Далее ответ командира корпуса ординарцу Фоменко определенно и ясно говорит, что командир корпуса и весь его штаб не только знают, но и сами послали с военкомом Микеладзе своего штабного ординарца, возвращение которого т. Думенко в своем ответе отрицает. Для комиссии стало ясно, что штаб корпуса сознательно скрывает следы убийцы, а поэтому криминальное лицо, совершившее акт убийства, и его подстрекатели должны разыскиваться по направлению к штабу корпуса.

Преследуя эту задачу, Чрезвычайная Следственная Комиссия собрала в особом деле № 2 материал, характеризующий настроения корпуса в политическом отношении, из которого ясно видно, что Думенко со своим штабом ведет непрерывную борьбу против Советской власти, в частности против представителей Р.К.П. (большевиков) и комиссаров в корпусе, и старается их скомпрометиро-

вать путем гнусной клеветы и грубой демагогии перед массой красноармейцев, пытаясь мешающих его работе уничтожить. Комкор Думенко и его штабные чины своей деятельностью спекулируют на животных инстинктах массы, пытаясь завоевать себе популярность и поддержку тем, что дают полную волю и поощрение грабегам, пьянству и насилию. Злейшими их врагами является каждый политработник, пытающийся превратить разнузданную и дикую массу в регулярную дисциплинированную и сознательную боевую единицу.

Учтя и обсудив все изложенное, Чрезвычайная Следственная Комиссия по делу убийства военкома тов. Микеладзе в составе председателя тов. Лиде, членов: Злауготниса и Пескарева и секретаря Карташева делает следующее свое заключение:

1) Военком Микеладзе убит неизвестным ординарцем штаба конного корпуса; подстрекателями и прямыми укрывателями убийцы являются комкор Думенко и его штаб. Полная картина убийства и контрреволюционных безобразий, производимых штабом внутри и посредством корпуса, может быть выяснена лишь немедленным личным арестом Думенко и его штаба.

2) Ввиду того что особым распоряжением Реввоенсовета Кавказского фронта (полученным 5 февраля за № 152) (лч. на имя Председателя Комиссии от Реввоенсовета 9-й армии) командир корпуса при производстве следствия личному задержанию не подлежит — Чрезвычайная Следственная Комиссия считает свои полномочия исчерпанными и дело передает Революционному военному совету 9-й армии.

**Председатель Чрезвычайной
Следственной Комиссии
Член ВЦИК А. ЛИДЕ
Члены: ПЕСКАРЕВ
ЗЛАУГОТНИС
Секретарь КАРТАШЕВ**

* * *

**К о п и я
Члену Реввоенсовета IX армии
тов. АНИСИМОВУ**

Д О К Л А Д

Имею честь довести до вашего сведения следующий случай, имевший место в штабе конкорпуса Думенко.

Когда я 10-го с/м¹⁵ (назначенный военкомом конкорпуса политотделом Юго-Восточн. фронта, с согласия члена Реввоенсовета т. Трифонова¹⁶ и утвержден-

ный на эту должность политотделом IX армии) прибыл в штаб корпуса, то первое, что я увидел, были две намалеванные кокетки, спускающиеся вниз по лестнице. Вошедши в штаб, я спросил одного из присутствовавших в штабе (их было четверо), могу ли я увидеть т. Думенко, на что мне в самой грубой форме было сказано, что его нет в штабе, что он на фронте, чего на самом деле не было. На следующий мой вопрос, где он и скоро ли он прибудет в штаб, мне ответили, что неизвестно. Тогда я спросил о местопребывании т. Ананьина, начполита корпуса. Взбешенный чем-то, он крикнул: «Чего вы надоели со своими глупыми вопросами, уходите вон!» На эту дерзкую выходку я ему в твердой, но вежливой форме попросил, чтобы он умерил до нормального свой тон и дал бы мне ординарца к Ананьину, ибо я вновь назначенный комиссар корпуса и мне необходимо видеть и того и другого.

«Ординарца нет у нас. Ищите сами». Удивленный тем, что при штабе корпуса в такую важную минуту нет ординарцев, я ему сказал следующее: «Странно, что при штабе в такое время нет ординарцев, что не замечается порядка».

Тогда сей почтенный муж (фамилия его Колпаков), выведенный из себя, зарорал во все горло: «Прошу не указывать! Мы сами знаем, что делаем!» Я ему ответил: «Виноват, но я имею право указывать вам не только как комиссар, но и как коммунист».

«Пошел вон отсюда, сволочь!» — был его ответ.

Сохраняя хладнокровие, я остановил его окриком: «Послушайте, не забывайте, что кричите на представителя Советской власти». На что получил ответ: «Наплевать мне на Советскую власть». А другой, здесь же находящийся, крикнул: «Мы не боимся, у нас танки».

После этого мне не оставалось больше ничего, как уйти. На другой день мне передал т. Ананьин, что т. Думенко приказал своим людям снять с меня «котелок» (т. е. голову), если я вновь приду в штаб.

Не обращая никакого внимания на эту угрозу, я вместе с т. Ананьиным вновь 12-го с/м. отправился в штаб, но не был принят т. Думенко. 13-го мне ответили, что его нет.

Не делая никакого вывода, ибо все вполне ясно, довожу это до вашего сведения.

Военком конкора — МИКЕЛАДЗЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ

в Политотдел Конкорпуса
политкома 2-й Горской Кавбригады

За три месяца моего нахождения во 2-й Горской кавбригаде, живя вместе с полевым штабригом, я имел возможность при частых посещениях комкора Думенко, Абрамова и Блехерта, нашего штабрига, вести с ним споры на политические темы и очень хорошо узнал политические физиономии как членов нашего штабрига, так и полевого штакора. Все они, за исключением Абрамова, который слишком осторожен в выражениях, — ярые противники коммунистического строя и коммунистической партии и большой руки антисемиты. Думенко и Блехерт однажды определенно заявили, что коммунисты ничего не могут дать рабочим и крестьянам, а что в скором времени народится новая партия (ясно намекая на себя), которая будет бить и Деникина и коммунистов.

После же того, как Думенко получил выговор по приказу Юго-востокфронта, за неисполнение приказа, он, по словам начснабрига 2-й Кравченко, сорвал с себя орден Красного Знамени и, с ругательством бросая его в угол, сказал, что «от жида Троцкого¹⁷ получил, с которым мне все равно придется воевать». Ненависть и клевета на коммунистов и комиссаров — вот отличительная черта этой компании, которая к тому же не прочь и пограбить и понасиловать. За время стоянки в с. Дегтево были взяты в плен две сестры милосердия противника, которые на следующее утро оказались расстрелянными и которых, по словам бывшего ком-ра взвода ординарцев корпуса тов. Журникова, всю ночь насиловала вся эта компания из корпуса. Кроме этого, Журников выгнан из корпуса за то, что не мог угодить их развратным требованиям, передает, что кроме сестер в этом селе они искали спрятавшуюся 15-летн. дочь хозяйки, где стояли на квартире, с целью насилия, т.е. не найдя ее, изнасиловали молодую женщину, сестру хозяйки.

Подлинное подписал:
Политком 2-й Горской бригады
ПЕСКАРЕВ
С подлинным верно:
Секретарь Политотдела корпуса
(подпись)

¹ Деникин Антон Иванович (1872—1947) — участник русско-японской и первой мировой войн, генерал-лейтенант. В апреле — мае 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, затем — главнокомандующий Западным и Юго-Западным фронтами. За поддержку мятежного генерал-лейтенанта Л. Г. Корнилова был арестован. Один из организаторов Добровольческой армии, с апреля 1918 г. — ее командующий, с октября — главнокомандующий, с января 1919 г. — главнокомандующий вооруженными силами Юга России (ВСЮР). В январе 1920 г. объявлен адмиралом А. В. Колчаком Верховным правителем России. В апреле 1920 г. сдал командование генерал-лейтенанту барону П. Н. Врангелю. Умер в эмиграции.

² Миронов Филипп Кузьмич (1872—1921) — в первую мировую войну — войсковой старшина. В декабре 1917 г. избран командиром 32-го Донского казачьего полка. С мая 1918 г. командовал войсками Усть-Медведицкого округа, затем — командир 23-й стрелковой дивизии. С июня 1919 г. — член Казачьего отдела ВЦИК и командующий Особым экспедиционным (Донским казачьим) корпусом Южного фронта, 24 августа 1919 г., вопреки запрету, выступил с частями корпуса на фронт, за что был приговорен к расстрелу, но помилован ВЦИК. С сентября по декабрь 1920 г. командовал 2-й Конной армией. В 1921 г. арестован по ложному обвинению и убит при невыясненных обстоятельствах в Бутырской тюрьме.

Григорьев Николай Александрович (1878—1919) — участник первой мировой войны, штаб-капитан. С 1917 г. служил в войсках Украинской Центральной рады, у гетмана П. П. Скоропадского и С. В. Петлюры. В феврале 1919 г. перешел на сторону Красной Армии, командовал 1-й Заднепровской бригадой и 6-й Украинской стрелковой дивизией. В мае 1919 г. поднял мятеж против Советской власти, в июле присоединился к Н. И. Махно.

Махно Нестор Иванович (1889—1934) — анархист, из крестьян, преследовался царским правительством. В апреле 1918 г. в селе Гуляй-Поле создал вооруженный отряд, вел партизанскую войну с австро-германскими оккупантами и гетманскими войсками, в 1919—1920 гг. воевал с белогвардейцами, петлюровцами и красноармейцами. Трижды вступал в соглашение с Красной Армией, в августе 1921 г. переправился в Румынию. Умер в эмиграции.

³ Буденный Семен Михайлович (1883—1973) — участник первой мировой войны, старший унтер-офицер. С июня по сентябрь 1918 г. — помощник командира 1-го Социалистического кавполка, с сентября по декабрь — помощник командира 1-й Донской кавбригады, с декабря — помощник начальника 1-й Сводной кавдивизии. В марте—августе 1919 г. — начальник 4-й кавдивизии, одновременно в начале—ноябре — командир конного корпуса. С ноября 1919-го по октябрь 1923 г. командовал 1-й Конной армией. Маршал Советского Союза

⁴ Юго-Восточный фронт образован 30 сентября 1919 г., штаб находился в Саратове. В ноябре—декабре 1919 г. войска фронта провели Хопёр-Донскую операцию, освободили Новохопёрск, Урюпинскую и Калач. 3 января 1920 г. был освобожден Царицын, 7 января — Новочеркасск, 16 января 1920 г. фронт переименован в Кавказский. 2-й Сводный конный корпус под командованием В. М. Думенко входил в состав 9-й армии.

⁵ Белобородов Александр Георгиевич (1891—1938) — с января 1918-го по январь 1919 г. — председатель Уральского облисполкома, в июле 1918 г. подписал решение Совета о расстреле бывшего императора Николая II и его семьи. С апреля 1919 г. — уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны по подавлению Вешенского казачьего восстания. С октября 1919-го по июнь 1920 г. — член Реввоенсовета 9-й армии. За поддержку оппозиционной деятельности Л. Д. Троцкого преследовался властями. Репрессирован, расстрелян.

⁶ Микеладзе В. Н. (?—1920) — комиссар 2-го Сводного конного корпуса.

⁷ Жлоба Дмитрий Петрович (1887—1938) — участник первой мировой войны, младший унтер-офицер. В сентябре—ноябре 1918 г. — начальник 1-й Стальной дивизии, затем — командир Особого партизанского отряда 11-й армии. С января 1919-го по февраль 1920 г. — командир 1-й Партизанской кавбригады, в феврале—июле 1920 г. — командир 2-го Конного корпуса, затем — начальник 20-й кавдивизии. Репрессирован, расстрелян.

⁸ Реввоен трибунал Республики — специальный судебный орган, состоял из председателя и двух членов назначаемых Реввоенсоветом Республики. Выносил приговоры именем РСФСР, руководствуясь при этом «интересами социалистической Республики, обороны ее от врагов социалистической революции и интересами классовой войны за торжество пролетариата, как это подсказывается ему революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью». Решения и приговоры этого органа не подлежали обжалованию и приводились в исполнение в течение 24 часов.

⁹ Лиде Адольф Михайлович (1895—1941) — организатор отрядов Красной гвардии в Петрограде и Латвии в 1917 г. С октября 1918 г. — комиссар 6-го Сводного полка ВЧК, в январе—марте 1919 г. — военный комиссар 5-й Уральской стрелковой дивизии, с марта 1919-го по апрель 1920 г. — военный комиссар 21-й стрелковой дивизии. В 1920 г. награжден орденом Красного Знамени. В марте—июле 1920 г. член РВС 9-й армии, в октябре—ноябре 1920 г. — член РВС 13-й армии. Сведений о Пескареве, Злауготнисе и Карташове не обнаружено.

¹⁰ Степин (Степину) Александр (Артур) Карлович (1886—1920) — участник первой мировой войны, поручик. С октября 1919 г. командовал сводным отрядом в составе 9-й армии. В январе—июне 1919 г. — начальник 14-й стрелковой дивизии. С июня 1919 г. — командующий 9-й армией. 29 февраля 1920 г. умер от тифа.

¹¹ В ходе Ростово-Новочеркасской операции войска Юго-Восточного фронта разбили Донскую армию противника и 7 января 1920 г. заняли Новочеркасск.

¹² Анисимов Николай Андреевич (1892—1920) — председатель Грозненского Совета в 1917 г. С декабря 1917-го по май 1918 г. — председатель Ставропольского военного революционного комитета (ВРК) гарнизона, политический комиссар Брянского района Западного участка отрядов завесы. С ноября 1918-го по февраль 1919 г. член РВС 12-й армии и одновременно с декабря 1918 г. по март 1919 г. — член РВС Каспийско-Кавказского фронта. С июля 1919-го по январь 1920 г. — член РВС 9-й армии. 24 января 1920 г. умер от тифа.

¹³ Лысенко Михаил Филиппович (1890—1964) — участник первой мировой войны,

старший унтер-офицер. С августа 1918-го по июнь 1920 г. — командир 3-й Донской отдельной кавбригады (позднее 3-я бригада 2-й кавдивизии) и одновременно командир конной группы. С июня 1920-го по март 1921 г. (с перерывом) — начальник 21-й кавдивизии. Участник Великой Отечественной войны, генерал-майор.

¹⁴ В октябре 1919 г. войска Юго-Восточного фронта вели оборонительные бои на реке Хопёр. В ноябре—декабре провели Хопёр-Донскую операцию, форсировали р. Хопёр. Командовал фронтом В. И. Шорин (1870—1938).

¹⁵ Января 1920 г.

¹⁶ Трифонов Валентин Андреевич (1888—1938) — один из организаторов Красной гвардии в 1917 г. в Петрограде. С декабря 1918-го по май 1919 г. — член РВС 3-й армии. С октября 1919-го по май 1921 г. — член РВС Юго-Восточного (Кавказского) фронта. Репрессирован, расстрелян.

¹⁷ Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940) — член РСДРП с 1897 г. В сентябре 1917 г. избран председателем Петроградского Совета, один из главных организаторов Октябрьского вооруженного восстания. С ноября 1917-го по март 1918 г. — нарком по иностранным делам, с 1918-го по 1925 г. — народный комиссар по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Республики (РВСР). Член ЦК партии большевиков с 1917-го по 1927 г. В 1929 г. выслан из страны за оппозиционную деятельность. В 1932 г. лишен советского гражданства. Убит в Мексике по заданию И. В. Сталина.

*Публикацию подготовил
кандидат 2 ранга И. А. АНФЕРТЬЕВ*

От редакции. Публикуя военный очерк И. Т. Смилги, редакция сознательно уходит от пространного комментария. Ведь приведенные в нем документы, многочисленные факты беззакония, жестокости говорят сами за себя, свидетельствуя о полнейшей бесперспективности братоубийственной войны. Итог многолетнего физического и нравственного самоуничтожения только один — дальнейшая деградация общества, попавшего в тиски насилия, взаимной неприязни и всеобщей подозрительности. Да послужит нам печальная история «ликвидации Думенко» уроком и серьезным предостережением на будущее.

Ушел из жизни доктор исторических наук, профессор генерал-лейтенант в отставке Мацуленко Виктор Антонович.

В. А. Мацуленко был широко известен как видный военный ученый, историк, много сделавший для разработки кардинальных проблем военно-исторической науки, правдивого освещения истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода.

Виктор Антонович в течение многих лет являлся главным редактором «Военно-исторического журнала». Возглавляя творческий коллектив, Виктор Антонович проявил незаурядный организаторский талант, научную добросовестность, высокую гражданственность, честность и мужество исследователя отечественной военной истории.

Память о Викторе Антоновиче Мацуленко навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал при жизни.

**Коллектив редакции
«Военно-исторического журнала»**

«СОЛДАТ, КОННОЗАВОДЧИК, ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИК»

АРХИВЫ СТРАНЫ... Отдельные дела, хранящиеся в них, вмещают порой многие события и судьбы людей. Расскажем об одном из них.

В фонде Инспекторского департамента Военного министерства России, который осуществлял кадровую политику военного ведомства, хранится дело об увольнении от службы поручика лейб-гвардии Уланского его величества полка Афанасия Фёта¹. В четырех документах заключены 13 лет жизни «безусловно гениального», по словам П. И. Чайковского, поэта России. Певец, воспевший в своих стихах «служения чистой красоты», в лучшие свои годы остро испытывал чувства унижения, неполноценности, усиливаемые сословно-дворянскими предрассудками.

Драма рождения этого человека определила его судьбу на долгие годы, отравив горечью неполноценности большую часть жизни.

В сентябре 1820 года после почти годового отсутствия вернулся на Родину оставший гвардеец Шеншин. С собой из Германии, куда он ездил лечиться на воды, он привез двадцатидвухлетнюю Шарлотту Фёт, которая бросила в Дармштадте своего мужа Иоганна Фёта, дочь Каролину и старика отца. Вслед беглецам полетело письмо разгневанного отца:

«...Я должен сказать вам, что крайне жалею о таком поступке вашем, который запрещают законы божеские и человеческие, а христианская религия полагает в числе величайших грехов. Добрый и благородный человек, если он в здравом рассудке, не сделал бы того. Вы увезли дочь мою, и притом беременную. Не подыли ли это поступок?.. Вы učinили сию чрезвычайную несправедливость против невинных и добрых людей, которые, свято уважая божеские законы и семейственные связи, не могли согласиться на ваше буйное и бесстыдное желание разрушить оные. Они полагали свое благополучие не в большом свете между испорченными людьми, а в малом кругу честных членов семейства... Крайне жалкое положение доброй, бедной и любимой моей дочери Шарлотты заслуживает, конечно, великих уважений, которые сохраняю я в отеческом сердце. Но вы, государь мой, что можете чувствовать к сей несчастной женщине? Мы, напротив, сохраним на веки к ней чистейшую любовь и почтение за превосходные

ее качества, ибо вынужденное преступление не может их уничтожить одним ударом. Все знающие с малолетства сию всеми любимую женщину утверждают, что употреблением ужаснейших и непонятнейших средств прельщения лишена она рассудка и до того доведена, что без предварительного развода оставила своего обожаемого мужа Фёта и горячо любимое дитя, бросила престарелого и больного отца своего, к которому была привязана узами природы, любви и благодарности столько, что часто жертвовала своим здоровьем, сохраняя и услаждая жизнь его, наконец, покинула отцовский дом, место рождения для того, чтобы ехать в дальние страны с посторонним человеком, которого знала она только несколько месяцев... Если вы думаете, что не нужно вам согласие моего на брак с Шарлоттой, если вы не исполните обещания мне, письменно данного, то не остается мне иного делать, как принести на вас жалобу присутственным местам Российского государства с пожертвованием даже всего нашего имущества... Мы уверены, что российское правительство не оставит без наказания такой дерзости... Не почитайте сего за безрассудную угрозу, а за обдуманное намерение. Единственное средство к защите и спасению бедной моей дочери. Весь Дармштадт, все члены Двора знают и почитают мою Шарлотту, теперь столь несчастную, образцом добродетели и благочестия... Вы обязаны сохранением своей жизни Шарлотте и нашей к ней любви. В противном случае сидели бы вы теперь в тюрьме и размышляли о великости вашего преступления. Бог отвратил сие. И так судите, сколь близко бывает справедливое наказание от дурных дел и что если мера грехов исполнится, то хитрости всей Азии и все крестьяне Орловской губернии не могут защитить преступника от наказания, особливо когда будет то угодно богу. Ибо если он допускает, что невинные оскорбляются, то, верно, накажет и виновного. Постарайтесь понять сие, ибо оно может послужить к будущей вашей пользе»².

В России появился на свет сын Шарлотты Афанасий, который был записан в метрических документах и сыном Шеншина. Однако А. Шеншин не был его отцом, а И. Фёт не признавал мальчика своим сыном. В 1834 году это приняло огласку, по-

¹ ЦГВИА, ф. 395, оп. 50, д. 356.

² Там же, ф. ВУА, д. 780, лл. 5—6.

следовал официальный запрос, и, прожив в родовом имении Шеншиных Новоселках 14 лет, Афанасий был отведен в лифляндский город Верро, лишен российского подданства и фамилии, взамен получив гессен-дармштадское и фамилию Фет. Эта фамилия спасла мальчика от позорного клейма незаконнорожденного, которое отбросило бы его на самое дно общества, но вместе с тем она принесла ему «жесточайшие нравственные пытки», подготовившие в его душе почву для пессимизма, который был свойствен поэту всю жизнь.

Сколько сил и энергии было затрачено поэтом, чтобы занять подобающее место в семье Шеншиных. С завидной целеустремленностью он будет добиваться этого, а пока по воле Шеншина Афанасий сменил Лифляндию на Россию и был помещен в пансион профессора Московского университета Погодина, после обучения в котором в 1838 году поступил в университет. Однако окончив его, делает неожиданный для многих выбор. Уже будучи известным поэтом, в 1845 году вступает унтер-офицером в Кирасирский Военного ордена полк. Что побудило А. Фета так поступить? Дело в том, что военная служба открывала путь достижения определенного положения в обществе, которое не давала даже поэтическая слава, но приобреталась с первым офицерским чином, гарантировавшим потомственное дворянство.

«Формулярный список о службе и достоинстве лейб-гвардии Уланского его величества полка поручика Фета» от декабря 20 дня 1857 года³ с педантичной точностью фиксирует всю службу поэта. В степях Херсонской губернии, где квартировался полк, вчерашний вольный студент обнаружил энергию, упорство и терпение, которое трудно было раньше в нем предположить. В феврале 1846 года «гессен-дармштадтский подданный» Афанасий Афанасьевич Фет присягает на подданство России, а 14 марта уже получает первый офицерский чин корнета. Но тут выходит высочайший указ, согласно которому потомственное дворянство давал отныне чин майора. Корнет Фет не дрогнул, продолжая с прежним упорством и блеском свою, теперь уже офицерскую службу. Его замечают и назначают исправляющим должность полкового адъютанта с утверждением в ней 16 октября 1849 года и производят в чин поручика.

Должность адъютанта тяготила поэта. В письме своему другу И. П. Борисову он писал: «...меня поймал полковник в должности полкового адъютанта, и долго ли продолжится это заключение — не знаю, и через час по столовой ложке лезут разные гоголевские Вии на глаза, да еще нужно улыбаться». Но жизнь шла своим чередом, и вот уже за отличие по службе 6 декабря 1851 года Фет производится в штабс-ротмистры, а в следующем году «за отлично усердную и ревностную службу всемилоостивейше награждается орденом св. Анны 3-й степени».

Несмотря на определенные успехи, служить поэту становилось все тяжелее и

тяжелее. Годы шли. Тому же Борисову он писал: «...мне самому еще, быть может, скверней на душе твоего — и никого кругом, и толчется около меня люд, который, пророни я одно только слово, осмеял бы это слово». В 1853 году Афанасий Фет покидает Херсонские степи:

Нигде жилья не видно на просторе.

Вдали огня иль песни и не ждешь!

Все степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

«По высочайшему приказу и по собственному желанию» А. Фет 8 января 1854 года переводится в лейб-гвардии Уланский его величества полк поручиком. Гвардия давала преимущество в два чина по сравнению с армией. И за несколько лет службы поэт мечтал заслужить чин штабс-ротмистра гвардии, что соответствовало майорскому цензу. В гвардии он продолжал образцово выполнять служебный долг, несмотря на начавшиеся физические недомогания. С 8 марта 1854 года по 7 октября 1855 года он участвовал в Крымской войне, за что получил бронзовую памятную медаль. Но судьба как будто не наделилась в игре с ним: выходит новый указ императора Александра II, по которому потомственное дворянство теперь уже давал только чин полковника, а чтобы его достигнуть, надо было служить всю жизнь, и даже это не гарантировало его получение. В связи с ухудшением здоровья 23 июня 1856 года А. Фет уходит на 11 месяцев в отпуск «для излечения болезни... из коего к полку на службу не прибыл по случаю увольнения в 3 день июня 1857 года в бессрочный отпуск, в коем и находится с 23 мая сего же года».

На службу А. Фет уже не вышел. 18 декабря 1857 года он подал прошение об отставке и реверс, которые хранятся в нашем деле⁴. В прошении поэт писал: «Усердно желал бы я продолжать воинскую вашего императорского величества службу, но необходимые домашние обстоятельства вынуждают меня оставить оную...» В реверсе А. Фет писал, что в случае, «если по всеподданнейшей просьбе моей будет разрешено мне увольнение по необходимым домашним обстоятельствам от службы с награждением следующим чином», то он отказывается от «казенного пропитания». 27 января 1858 года Фет получил следующий чин вместе с приказом об увольнении.

Служба в армии на благо Отечества превратила поэта в зрелого мужа. Афанасий Афанасьевич Фет прожил еще более 30 лет. Женившись на Марии Петровне Боткиной, девушке из богатой московской семьи, купив хутор в Мценском уезде, он с головой ушел в сельское хозяйство. Так, сочетая хозяйственную и литературную деятельность, он прожил до 1892 года, оставив нам свои прекрасные стихи.

**А. В. ШАРОВ,
Д. И. ВЛОДАВЕЦ**

³ Там же, ф. 202, кн. 50, д. 256, лл. 5—8.

⁴ Там же, кн. 2—4.

БЕДА, КОГДА ИСТОРИКА «ЗАНОСИТ»

В НОЯБРЕ 1991 года еженедельник «Собеседник» опубликовал материал Владимира Воронова о венгерских событиях 1956 года. Признав во врезке, что статья «не может не шокировать» читателя, редакция констатировала: «Но даже если молодого историка и «заносит», собранные им материалы помогают нам все же лучше понять, почему они (венгры. — В.Ф.) так рады были освободиться от объятий «старшего брата».

Забегая вперед, скажу, что именно на вопрос «почему» статья ни в коей мере не отвечает.

История сильна правдой. В противном случае надерганые из сомнительных источников «цифры и факты» лишь «шокируют», но вовсе не убеждают. На мой взгляд, молодой историк не только оказался неразборчив в подборе фактов, но и явно с пренебрежением отнесся к такому понятию, как «компетентность». Автор статьи «Красный флаг над Будапештом», не рассчитывая на оригинальность, видимо, стремился вызвать у читателя желание упрекнуть советского солдата за то, что произошло в этом городе через одиннадцать лет после его освобождения от фашистов. При этом, конечно, забывая о том, что как в том, так и в другом случае наш воин выполнял свой долг, причем дорого заплатив за это. И не его вина, что отданный сверху приказ оказался преступен, а сам он был напичкан идеями того строя и системы, которые представлял. Упрекать его за все что глупо, а тревожить память погибших — кощунственно.

К тому же советские войска первоначально вводились в Будапешт по просьбе венгерского руководства с задачей поддержания общественного порядка. Разумеется, это ни в коей мере не снимает ответственности с советских руководителей, которые выполнили такого рода просьбу (возможно, даже горячо желали военного вмешательства). Но стоит ли обвинять солдат, получивших приказ не открывать огонь первыми и действовавших исключительно по указаниям венгерских органов власти? Многим из них даже в голову не приходило, что дело дойдет до кровопролития.

Инструктируя ночью 24 октября личный состав мотоциклетной роты танкового полка, первым прибывшего в Будапешт, я передал приказ командования:

на провокации не поддаваться, огонь не открывать. Запомнился удивленный взгляд молодого солдата:

— Неужели в нас будут стрелять, товарищ капитан?

— Возможно.

— Кто же? Ведь венгры — наши друзья!

Не скрою, в тот момент мне было трудно ответить на заданный вопрос. Я и сам не верил, что прольется чья-то кровь, и воспринимал случившееся скорее как нелепость или ошибку. Дружеские чувства к населению, лояльность к требованиям революционной венгерской молодежи, а иногда прямую поддержку ее со стороны советских военнослужащих отмечают в своих воспоминаниях многие участники событий и их исследователи, причем даже те, кто находился по другую сторону баррикад.

В книге известного венгерского историка Петера Гостони «Всколыхнулось море...1956» подробно описана драма, которая произошла на площади перед парламентом 25 октября 1956 года. «Площадь покрылась трупами,— пишет Петер Гостони.— И теперь уже советские войны ввязались в огневой бой (они выступили против тех, кто стрелял в народ.— В.Ф.), который до этого велся лишь одной стороной. Возможно, инстинктивно, поскольку они понятия не имели, кто и почему стреляет в венгров, так дружески относившихся к ним.

Сколько времени продолжалось кровопролитие на площади Лайоша Копута?

Не более десяти минут, но и его было достаточно, чтобы пролилась кровь и дикие крики воцарились над площадью.

После этого как-то сразу стрельба прекратилась. Прекратили ее и русские, которые вели пулеметный огонь по крышам домов, откуда стреляли¹. Так пишет ученый, которого не заподозришь в излишних симпатиях Советским Вооруженным Силам.

Иначе сообщает то же событие историк В. Воронов. То ли из-за собственной неразборчивости, то ли из желания произвести «сенсацию» молодой историк рассказывает о том же эпизоде следующим образом: «Стреляли венгерские чекисты. Дьявольский расчет был прост:

¹ Gostony Péter, Feltámadott a tenger... 1956.— Budapest, 1988.

чтобы заставить русских воевать с народом, надо открыть по ним огонь. И обезумевшие от перекрестного огня танкисты в ярости стали палить во все стороны, практически весь огонь пришелся на демонстрантов... Более 400 человек осталось лежать на этой площади...».

По воспоминаниям генерал-лейтенанта в отставке Е. И. Малашенко, первыми от пуль террористов погибли советский солдат и офицер. Ему лично пришлось расследовать обстоятельства их гибели. В связи с тем, что к тому времени был пущен слух о причастности советских танкистов к расстрелу собравшихся, он обратил особое внимание на проверку его достоверности. Но версия не подтвердилась.

Не располагая данными о том, кто стрелял, Петер Гостони оставляет вопрос открытым, хотя в его распоряжении имеется много материалов и гипотез на этот счет. Воздерживается историк и от того, чтобы назвать точную цифру убитых и раненых на площади. Он ссылается лишь на донесение британского посольства в Будапеште, в котором указывается, что убито было от 100 до 150 человек. Не называет точных цифр и генерал Малашенко, хотя ему стало известно, что после случившегося на площади осталось не более 30 трупов. Если согласиться с Вороновым, то от пулеметного огня трех наших танков, в упор расстреливавших толпу, должны были погнубить или быть ранены тысячи человек.

Автор статьи, опубликованной в «Собеседнике», некомпетентен не только в чисто военных вопросах. В противном случае статья не начиналась бы с заведомо ложной посылки о том, что первая манифестация в Будапеште, переросшая, как он утверждает, в «антиправительственную», состоялась 6 октября 1956 года «в память о поражении венгерской революции 1848—1849 гг.». Если быть точным, то в венгерском календаре с этой датой связана казнь в 1849 г. 13 полководцев народно-революционной армии Кошута в Араде-Маре. Но десятки тысяч будапештцев в тот день вывел на улицу не траур по «арадским мученикам», а похороны останков Л. Райка и его сподвижников, ставших в свое время жертвами необоснованных репрессий сталинского режима М. Ракоши. Но истинному историку должно быть известно, что к началу событий М. Ракоши не только не был у власти, но и находился за пределами своей страны. Демонстранты знали, где находится их бывший первый секретарь ЦК ВПТ (по крайней мере, он был очень далеко от Дуная, куда, как утверждает В. Воронов, они собирались его сбросить).

Ошибается автор, когда пишет, что столкновения советских войск с венгерским населением начались после того злополучного случая на площади перед парламентом. В действительности же они

начались с момента привлечения их венгерскими органами власти к операции по освобождению объектов, захваченных повстанцами. К тому же историк сильно преувеличивает численность наших войск, вторично вводимых в Будапешт в ночь на 4 ноября 1956 года. Особый корпус входил в город почти в том же боевом составе, что и вышел. Его общая численность крайне далека от тех 200 тыс., которые называются автором.

Не собираюсь винить В. Воронова в том, что он не мог назвать точной численности наших войск. Не только цифры, но и большинство других документов о событиях в Венгрии у нас до сих пор остаются за семью печатями. Однако это не снимает ответственности с автора за ввод в научный оборот недостоверных фактов и соответствующую их оценку.

Нельзя обойти вниманием упрощенчество исследовательской манеры историка. Можно ли всерьез повторять пущенную на Западе байку о том, что наши солдаты, находясь в Венгрии, не могли догадаться, что перед ними Дунай, а не Суэцкий канал? Кстати, о канале. Конфликт вокруг него автор преподносит таким образом, что якобы он, расколов союзников по НАТО, «развязал Хрущеву руки» и тот мог «крешить венгерскую крохежку без оглядки на Запад». Иными словами, исходя из логики мышления историка В. Воронова, Эйзенхауэр непременно «проучил» бы СССР так же, как Д. Буш в 1991 году — Иран. В таком случае как объяснить незадачливый историк то, что США все же остались в стороне, когда Советский Союз вводил войска в Прагу в 1968 году и в Афганистан в 1979 году?

Видимо, дело было не только в Суэцком канале, когда президент США дал понять советскому руководству, что Венгрия по-прежнему не входит в сферу интересов его страны. Нужно просто знать историю и те соглашения, которые были заключены между странами антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны. А они, как известно, предусматривали раздел сфер влияния в послевоенном мире, в том числе и в Европе.

Цитируя зарубежные данные, В. Воронов не только не подверг их критическому анализу, но даже не удосужился проверить правильность упоминаемых в них фамилий советских генералов. Так, генерал-лейтенант Степченко фигурирует у него под фамилией Степанов, а генерал-майор Щелбанин стал Щербаниным...

Напоминая об элементарных требованиях, предъявляемых к публикациям на исторические темы, я прежде всего зываю к личной порядочности и ответственности автора перед читателями. Это относится и к авторам публикаций «Собеседника», делающего свою «карьеру» на сенсациях.

В. И. ФОМИН,
кандидат исторических наук

РЯДОВОЙ ГЕРОЙ



Герой Советского Союза
полковник Н. Н. Кольчак.
1945 г.

В А ИСХОДЕ 1942 года под Москвой открылись курсы для подготовки девушек-снайперов, впоследствии преобразованные в Центральную женскую школу снайперской подготовки. За 27 месяцев существования это уникальное учебное заведение подготовило 1885 снайперов. Воспитанницы школы умело и мужественно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Снайперы уничтожили около двенадцати тысяч фашистских захватчиков. Абсолютное большинство девушек-снайперов были награждены орденами и медалями, а две из них — ленинградка Алия Молдогулова и Татьяна Барамзина из Удмуртии — стали Героинями Советского Союза. И еще один человек из школы был удостоен этого высшего воинского отличия. О нем наш рассказ.

...Николай Николаевич Кольчак родился в 1905 году в Гродненской области в семье мещанина Николая Кольчака. Отец после окончания университета получил личное дворянство, но в 1916 году

был лишен его по суду. Он работал юрисконсультом в частных торговых домах Москвы, а затем в советское время — в финансовых органах в Петрограде. В 1931 году отца арестовали и выслали на вольное поселение в Алма-Ату, где он и умер в 1933 году. Об отце Николае Николаевиче знал мало, так как еще в декабре 1917 года он ушел от родителей в Кронштадт и определился юнгой на один из кораблей Балтийского флота. Шел ему тогда тринадцатый год. Во время наступления генерала Юденича на Петроград Кольчак служил на линкоре «Андрей Первозванный». Вместе с другими матросами линкора он записался в 1-й Кронштадтский матросский отряд. В одном из боев был ранен. После выздоровления продолжал службу. В 1922 году был уволен с флота по демобилизации.

Николай мечтал стать морским командиром. Однако судьба распорядилась по-своему: вместо военно-морского училища в 1925 году его направляют в пехотную школу.

После окончания школы молодой краском получил назначение в Среднюю Азию в пехотный полк. Начальником у Кольчака был И. Е. Петров, будущий прославленный полководец Великой Отечественной войны. Более близкое их знакомство состоялось в Объединенной Среднеазиатской Краснознаменной военной школе. Иван Ефимович Петров, будучи комбригом, командовал школой, а Кольчак служил в ней ротным командиром. Они участвовали в походах против банд Ибрагим-бека, Мадалин-бека, войск эмира Бухарского. За умелое командование и личную храбрость Н. Н. Кольчак был награжден Почетной грамо-

той ЦИК Туркменской ССР.

Кольчак мечтал поступить в академию, однако осуществить это не удалось. В 1936 году его исключили из большевистской партии за то, что он якобы скрыл свое «дворянское» происхождение. Но Кольчак не делал из этого секрета, он просто не придавал ему никакого значения и не предполагал, что это ему поставят в вину, когда в стране развернется борьба с «врагами народа». Кольчак со дня на день ждал если не ареста, то увольнения из Красной Армии. В эти трудные дни И. Е. Петров не оставил в беде боевого командира и своего товарища. Заступничество комбрига возымело действие, и Кольчака при его содействии переводят к другому месту службы. В 1937 году он становится преподавателем, а затем и старшим преподавателем огневой подготовки Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования командиров пехоты «Выстрел».

На новом месте службы с присущей ему настойчивостью Николай Николаевич Кольчак занялся научной работой, совмещая ее с преподавательской. К 1940 году он опубликовал в военной печати 52 работы по теории стрельбы и использованию в бою стрелкового оружия. В том же году вышла книга «Проведение занятий со стрельбой по панораме с помощью оптического прицела». Это было совершенно новое слово в огневой подготовке курсов «Выстрел».

В 1943 году подполковника Кольчака назначают начальником Центральной женской школы снайперской подготовки. Новый начальник решительно выступил против упрощенчества в обучении снайпе-



Вручение знамени. Центральная женская школа снайперской подготовки. Январь 1944 г.

ров, за улучшение их тактической и физической подготовки. Он выезжает на фронт, изучает боевой опыт снайперов, внедряет его в практику обучения своих подчиненных, лично разрабатывает и пишет памятку снайпера. По его настоянию для обмена опытом в школу приезжают с передовой выпускницы-снайперы Нина Соловей, Вера Артамонова и другие.

Н. Н. Кольчак считал, что война не женское занятие. Он понимал важность дела, которым занимался в школе, но в душе его угнетала мысль о том, что девушки отправляются на фронт, а он, мужчина, офицер, остается в тылу. Николай Николаевич написал три рапорта с просьбой об отправке на фронт и каждый раз получал отказ. Не в его правилах было пользоваться расположением высших начальников, но случай был особый. Решив во что бы то ни стало попасть на фронт, Кольчак пишет письмо генерал-полковнику И. Е. Петрову, в то время командующему 2-м Белорусским фронтом, с просьбой посодействовать в этом вопросе.

Генерал не забыл сослуживца, ответил на письмо, пожелав успехов в службе. А вскоре поступило указание из управления кадров об откомандировании подполковника Н. Н. Кольчака в распоряжение командующего 3-м Белорусским фронтом. Боевую биографию

Кольчак продолжил командиром 294-го стрелкового полка 184-й стрелковой дивизии.

О том, как Николай Кольчак воевал, рассказывают его письма к жене. «17 августа 1944 года... Сегодня на рассвете мой полк первым из всей армии вышел на границу с Восточной Пруссией. Досталось мне это нелегко, но зато можно сказать, что вошли в историю...»

«21 августа 1944 года... С сегодняшнего дня я член партии... Можешь поздравить. За один день

боя перед выходом на границу только на долю моего полка досталось отбивать контратаку 50 ганков. При этом 27 штук мы разбили и сожгли, а остальные, основательно подбитые, драпанули в свое логово...»

«7 сентября 1944 года... Целый месяц не выходим из боев. Много пережил трудного и очень критического, но много было и приятного. Вчера, например, приезжал ко мне на КП хозяин и сказал, что мой полк стал за этот месяц ведущим в корпусе по всем видам боевой работы. Это, конечно, приятно...»

24 марта 1945 года Николаю Николаевичу Кольчаку Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоили звание Героя Советского Союза.

Бывший начальник Центральной женской школы снайперской подготовки Николай Николаевич Кольчак за боевые подвиги был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалью «Золотая Звезда». Умер в Москве в 1968 году.

В. С. КИСЕЛЕВ

СТАРЫЙ СНИМОК

КОГДА я мысленно разговариваю со своим дедом — командармом Станиславом Гиляровичем Поплавским*, мне кажется, что пишу ему письмо. Эти письма тихо, как снег, опускаются в почтовые ящики моей памяти и

ждут своего адресата в стране, имя которой — Вечность. В сегодняшнее письмо я вкладываю снимок — тот самый.

Старые фотографии... Как много могут они рассказать. На пожелтевшей бумаге — улыбаю-

* Генерал армии Станислав Гилярович Поплавский родился 22 апреля 1902 г. в с. Хейлово Винницкой области в семье польского крестьянина. В Советской Армии с 1923 г. Окончил Военную академию имени Фрунзе в 1938 г., затем находился на преподавательской работе в этой академии. В 1940—1941 гг. — начальник оперативного отдела штаба дивизии. В Великую Отечественную войну — командир полка, затем стрелковой дивизии, с 1943 г. — командир корпуса. С 1944 г. — командующий 2-й, с декабря 1944 г. — 1-й Польской армией. Герой Советского Союза (1945 г.). В 1945—1956 гг. в Войске Польском — командующий сухопутными войсками и заместитель министра национальной обороны Польши. С апреля 1958 г. — инспектор-советник Группы генеральных инспекторов МО СССР. Скончался 9 августа 1973 г. Автор военных мемуаров «Товарищи в борьбе». Книга была издана также в Польше и Германии.

иногда и сражалась женщина, кто в далекие годы были молодыми. Вот и я держу в руках маленькую фотокарточку военных лет. На ней — дедушка, совсем еще молодой, в экипаж танка. «Три танкиста, три веселых друга»... Все же есть что-то в тех песнях, от этого не вылечиться. Все четверо улыбаются, хотя головы у них перебинтованы, а у деда (на снимке до «деда» ему далеко) забинтованы руки. Однажды я спросила, почему он сфотографирован у танка вместе с танковым экипажем, ведь знаю, что он не был танкистом. И вот что он мне рассказал.

Это было в ночь на 29 июля 1942 года в районе Ржева. Наши войска шли в наступление. Погода не благоприятствовала — из-за проливного дождя артиллерия и повозки с боеприпасами вязли в грязи. Автомшины пришлось вытаскивать из трясины тракторами. Танкам тоже трудно было преодолевать болота, и тогда дедушка сел в головной танк и повел его в атаку. Фашисты открыли сильный огонь, пехоте пришлось залечь, а танки продолжали вести огонь с места. Боевая машина, в которой находился тракторами. Танкам тоже трудно было преодолевать болота, и тогда дедушка сел в головной танк и повел его в атаку. Фашисты открыли сильный огонь, пехоте пришлось залечь, а танки продолжали вести огонь с места. Боевая машина, в которой находился тракторами.

Пробраться к своим не удалось — добровольца, командира танковой роты, настигла вражеская пуля. В стальной коробке остались четверо: три члена экипажа и дедушка. В танке был запас гранат, ими и отбивались до наступления темноты. На всякий случай обменялись адресами и договорились, что тот, кто останется жив, напишет родным погиб-



С. Г. Поплавский

ших. Наступила ночь. Все четверо были легко ранены, но не теряли присутствия духа. Дед приказал наглухо задраить люки и ждать помощи. Около полуночи один из батальонов 673-го стрелкового полка прорвался к танку, дедушка услышал знакомый голос комбата. Свобода! На память они сфотографировались.

Всего один эпизод. А сколько дедушка мог еще рассказать, если бы не умер, когда мне было только 10 лет. О С. Г. Поплавском я слышала от тех, кто знал и любил его. Судьба деда была счастливой — он не погиб на фронте, не был уничтожен в сталинских лагерях, хотя в 1939 году его по доносу исключили из академии, выгнали из армии и направили работать директором отстающего совхоза в Тульскую область. Моей маме, в то время дошкольнице, сказали: «Едем на дачу», — а она не могла понять, какая дача в феврале.

Другой случай. В 1943-м

дед приехал к своей семье, эвакуированной на Урал, лишь десять суток, чтобы побыть два дня. С ним был ординарец, рядовой с прекрасными именем и фамилией — Иван Богатырь, замечательный русский парень с копной пшеничных волос и задорной улыбкой. Он рассказал о военном совещании, которое проходило в самый трудный момент боев под Москвой. Положение было критическим, командиры расходились молча, мрачные и удрученные. И тогда встал дедушка:

— А где у нас гармонист? Сейчас спляшем!

Гармонист нашелся, мой дед (почти двухметрового роста) широким, истинно славянским жестом развел руки и пошел по кругу. Люди заулыбались: «Если генерал пляшет, не так уж все плохо, выдюжим!» До этого дед ни разу в жизни не плясал. Ивану Богатырю тогда было лет двадцать, быть может, он жив.

Каждый год в День Победы кто-то кладет на могилу деда цветы уже много лет. Иногда букет алых гвоздик или роскошных гладиолусов, а иногда васильки с ржаным колоском.

Мне захотелось написать о маленьком фронтовом снимке не потому, чтобы лишний раз напомнить о заслугах своего деда, генерала армии, командующего 1-й Польской армией. Сейчас это не модно. Для меня выцветшая фотография — документ эпохи, жестокой и яркой, эпохи преданности и предательства, духовной чистоты и редкого цинизма. Можно вздохнуть: трудное было время. А сейчас?

Н. Е. РОЖКОВА
(Поплавская)

участница IX Всесоюзного
совещания
молодых писателей

К. Клаузевиц о... современной военной доктрине России

Вопрос: Почему необходим переход к принятию однозначно оборонительной доктрины, в чем суть современной обороны?

Ответ: «В чем заключается смысл обороны? В удержании. Легче удержать, чем приобрести; уже из этого следует, что оборона, предполагая одинаковые средства, легче, чем наступление. ...Оборона легче, чем наступление, но так как оборона преследует негативную цель, удержания, а наступление — цель позитивную, завоевание, и так как последнее увеличивает наши средства вести войну, а первое — нет, то, чтобы быть точным, надлежит сказать: оборонительная форма ведения войны сама по себе сильнее, чем наступательная».

Вопрос: Исключает ли современная военная доктрина наступательные действия?

Ответ: «В чем заключается понятие обороны? В отражении удара. Следовательно, каков ее признак? Выжидание этого удара.

...Но абсолютная оборона находится в полном противоречии с понятием войны, ибо в этом случае вела бы войну лишь одна сторона; поэтому оборона на войне может быть лишь относительной... Но для того чтобы и нам со своей стороны действительно вести войну, надо и самим давать неприятелю сдачу в виде ответных ударов, и этот наступательный акт в оборонительной войне происходит до известной степени под основным заглавием обороны, если развиваемые нами наступательные действия остаются в пределах понятия позиции или театра войны. Таким образом можно в оборонительной кампании сражаться наступательно, а в оборонительном сражении использовать отдельные дивизии для наступательных действий...

Отсюда оборонительная форма ведения войны является не непосредственным щитом, а щитом, составленным из искусных ударов...

Даже в тех случаях, когда задача войны сводится к одному лишь сохранению status quo... все же простое отражение удара явится противоречащим понятию войны, ибо ведение войны заключается бесспорно не в одном претерпевании. Когда обороняющийся добился значительных преимуществ, оборона свою задачу выполнила, и он должен под защитой полученных выгод отплатить со своей стороны ударом за удар, если не хочет идти навстречу неминуемой гибели... Переход к ответному удару надо мыслить как тенденцию обороны, следовательно как существенную составную часть ее, и что всякий раз, когда в обиходе войны достигнутая посредством оборонительной формы победа не используется каким-либо образом и вследствие этого бесплодно отцветает, совершается крупная ошибка.

Быстрый, могучий переход в наступление — этот сверкающий меч возмез-

дия — составляет самый блестящий момент обороны. Кто мысленно не связывает с ним оборону или даже более, кто не включает этот момент непосредственно в понятие ее, для того превосходство обороны никогда не будет ясным. Он всегда будет думать лишь о том, что можно приобрести или насколько можно ослабить противника посредством наступления; но ведь результат зависит не от того, как завязан узел, а от того, как он развяжется. Часто допускается и грубое смешение понятий, когда под всяким наступлением разумеют неожиданное нападение и, следовательно, оборону представляют себе лишь в образе бедствия и смятения».

Вопрос: Остается ли в силе требование высокой боевой готовности войск?

Ответ: «...Завоеватель предпринимает войну раньше, чем это делает безмятежный обороняющийся, и если завоевателю удастся достаточно сохранить в тайне свои мероприятия, он может захватить оборону врасплох... так быть не должно... Завоеватель всегда миролюбив (как это всегда утверждал Наполеон), с большой охотой он спокойно бы занял наш край: именно для того, чтобы он не мог этого сделать, мы и должны ...готовиться к ней (войне. — В.К.), т.е. другими словами... должны быть всегда во всеоружии, дабы не подвергнуться внезапному нападению; таково требование военного искусства...

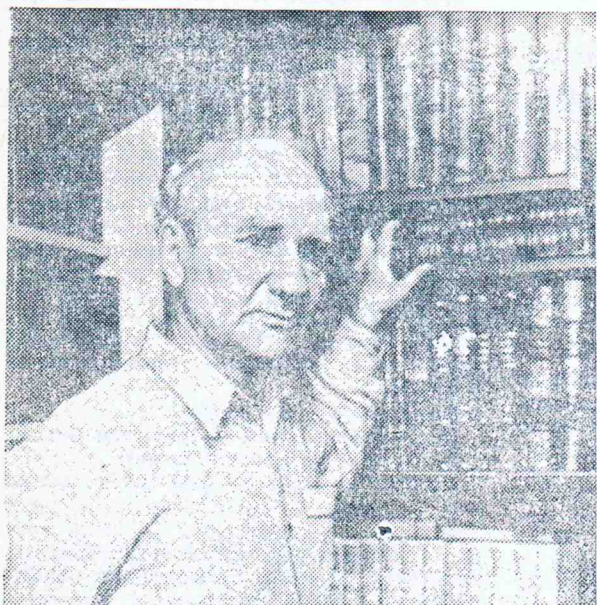
Таким образом, если мы мыслим оборону таковой, какой она должна быть, то она будет рисоваться нам имеющей в возможной готовности все средства: отвечающую требованиям войны армию, полководца, выжидающего неприятеля не вследствие растерянности и страха, а хладнокровно, по свободному выбору, крепости, не страшась никакой осады, наконец, здоровый народ, не боящийся врага более того, чем последний его опасается».

Вопрос: В России сейчас сложное положение. В чем вы видите главную угрозу?

Ответ: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т.е. оккупировать; по крайней мере этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров. Добиться же до этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны»*.

*Публикацию подготовил
подполковник В. В. КРУГЛОВ,
кандидат военных наук*

* Клаузевиц К. О войне. — М.: Воениздат, 1934. — С. 297—298, 310—311, 585.



СОЛДАТ— СЛОВО ГОРДОЕ

«Солдат — всегда солдат», — поется в популярной песне. На протяжении тысячелетий образ воина приковывал к себе внимание не только военных историков, стратегов-полководцев, но и деятелей литературы, искусства. Не обходится без него и народное творчество. Достаточно сказать, что солдат и матрос — герои многочисленных песен, баллад, сказаний, сказок, легенд, пословиц и поговорок.

Пословицы и поговорки следует выделить особо — в них в лаконичной форме выражена мудрость народа, его философия. Как же проявляются в них народные воззрения на «служивых», с оружием в руках защищающих государственные интересы Отечества? Рассмотрим этот вопрос пристальнее.

Полнокровен запечатленный в пословицах и поговорках образ солдата как человека, стоящего на страже родной земли, отстаивающего правое дело, воина-патриота. Народ дает ему такие наказы: «За правое дело стой смело»; «С родной земли умри — не сходи». Он и предостерегает: «Не постой за волосок — бороды не стает!». А в грозную пору напутствует: «Смело иди в бой — Родина за тобой».

Полны глубокого смысла пословицы-

заповеди, вдохновляющие воина на верную службу Отчизне:

За Родину-мать не страшно умирать;

Своя земля и в горсти мила;

Кто за правду горой, тот истый герой;

Одна у человека мать, одна у него и

Родина.

А ведь военная служба во все времена была тяжким бременем для простого человека. Недаром ее считали не просто службой, а повинностью. Вспомним, как, например, служили солдаты в эпоху рекрутчины. Тогда говорились: «У царя есть колокол на всю Россию». И по этому колоколу «забывали» «рекрутов» на многие годы, до четверти века.

Двадцать пять лет — солдатский век;

Прослужил двадцать пять лет, выслужил двадцать пять реп.

Уделом служивого были палочная дисциплина, оскорбления и унижение его человеческого достоинства. Все, кто был хотя бы на чин выше рядового, вольны были поступать с ним как с вещью, как с бесправным рабом. Не случайно в пословице подмечено: «Солдат-горемыка хуже лапотного лыка». А потому:

Более полувека посвятил Александр Федорович Чистяков сбору и изучению пословиц, поговорок, афоризмов. Ныне его коллекция крупнейшая в стране.

В ней только печатных изданий, увидевших свет за последние два столетия, более 700. Среди них «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем, вышедшие в Санкт-Петербурге в 1785 г.,

«Собрание 4291 древней русской пословицы», напечатанное в Москве в 1787 г., а также книги на французском, немецком, английском, испанском, чешском, польском, венгерском и многих других языках.

Особый раздел коллекции составляют сборники военных пословиц, афоризмов, крылатых выражений.

Солдата за все бьют: недошагнешь — бьют, перешагнешь — бьют;
На учение идешь — жмут подтяжки, домой пришел — дождайся растяжки (т. е. сечения);
За неимением капрала и ефрейтор правит.

И в результате:
Хорошо, сказывают, в солдатах, да что-то мало охотников;
Солдатская голова — что под дождичком трава;
Солдат домой пишет — поминать велит;
В рекрутчину — как в могилу.

Страдания солдата довершались плохим его обеспечением, неважным питанием:
Солдату три денги¹ в день — куда хочешь, туда и день;
Казна с голоду не уморит, да и досыта не накормит;
Без дыр и заплат не живет солдат.

В общел, «Веселое горе — солдатская жизнь». Да куда от рекрутчины денешься? «Пошел на службу, терпи и нужду». На то тебе и «лоб забили», «под красную шапку» и «под барабан» отдали. А коли благополучно отслужил свое, уходи домой с тем, с чем когда-то пришел. Разве что: «Нажил от службы чирей на боку». И на том спасибо: жив остался! Иному вот и не положено было становиться рекрутом, да куда родителей заставила: дал им местный богатей малую толику, чтобы вместо его любимого чада их сын отправился служить царю и Отечеству, а то и голову сложить. Хоть и знал мироед, что «грешно чужой кровью откупаться», да родная-то кровь жалче, чем соседская.

Вообще же о службе солдатской создано немало пословиц и поговорок, прежде всего таких, которые дают характеристику самому воину, его добрым или, наоборот, неприглядным качеством. К положительным относятся, конечно, мужество, отвага, героизм, ценимые в любую эпоху.

Бой отвагу любит;
Храбрость — силе воевода;
За смелые дела — от Родины похвала;
Отважному и счастье навстречу идет (белорусская);
Где отвага, там и сила (грузинская);
Смелым отвага владеет (украинская);
Смелого оружие бьется (кабардинская, черкесская).

Одним из ценнейших качеств солдата по праву считается верность воинскому долгу, присяге, уставам. В ней залог достижения в воинском обучении и воспитании, исток успехов в бою.

Верность присяге рождает героев;
Принял присягу — покажи в бою отвагу;
Кто присяге верен, тот в службе примерен.

Трудно представить себе хорошего воина без крепкой дисциплины, собранности. Расхлябанный солдат не сможет как положено выполнить приказание, принять

правильное решение в сложной обстановке, действовать инициативно, разумно.

Дисциплина — против беспорядка плотина;
Дисциплина — мать победы;
Дисциплина кровь бережет;
Дисциплинированный воин похвалы достоин.
Один из важнейших элементов дисциплины — исполнительность.
Исполнительность воина славит;
Вразумись здраво, начни рано, исполни прилежно;
Что приказано, должно быть исполнено;
Исполнительность — душа дисциплины.

Молодому воину-новобранцу в первые же дни службы начинают толковать о бдительности. Чтобы был он и на посту зорким, и в увольнении язык не распускал, и в письмах не писал что не положено, и в боевой обстановке держал ухо востро. Поэтому многие пословицы, посвященные бдительности, обращены непосредственно к солдату.

Гляди в оба, зри в три;
Не доглядишь оком — заплатишь боком;
Не разевай рот; ворона влегит;
Не всякому верь, запирай крепче дверь.

И в целом о бдительности фольклор толкует так: «Бдительность — наше оружие, бдительность врага обнаруживает»; «Бдительного воина враг врасплах не застанешь».

Воинский быт суров и порой сложен. Выдержать его в силах солдаты не только стойкие, но и неприхотливые, умеющие мириться с трудностями и невзгодами не только казарменной, но и полевой, фронтовой жизни. И вот как говорят о том в народе:

Солдат шилом бреется, дымом греется;
Хлеб да вода — солдатская еда;
Костюм солдата таков: встал — и готов;
Солдат походя наестся, стоя выпится;
Солдат небом укроется, стоя выпится,
штыком побреется, росой умоется, ветром причешется, походя кашу сварит, в бою погрееется, на одной ноге отдохнет и снова вперед.

Вся многовековая история русской армии свидетельствует, что российский солдат и в мирное время, и на войне выказывает недюжинный ум, сметку, хитрость. Качества эти были присущи и былинному богатырю Илье Муромцу, и участнику Куликовской битвы монаху-боярину Родиону Ослябе, и воинам Кутузова в сражениях против наполеоновских «непобедимых» войск. А разве не эти замечательные качества помогли нам в битвах Великой Отечественной войны?

У солдата глаз остер, а ум хитер;
Враг коварен, как змей, а ты перехитришь сумей;
Сметлив и хитер — пятерым нос утер;
Бей врага винтовкой, бей и сноровкой.

Разумеется, в журнальной публикации невозможно осветить все вопросы, связанные с затронутой темой. Для этого нужна книга. И она уже создается. И автором ее станет весь наш народ.

¹ Денга — старинная медная монета, полкопейки.

В нашем селе Великая Мечетня Николаевской области открыли памятник адмиралу В. С. Завойко. Что мы о нем знаем? Только то, что он был генерал-губернатором Камчатки, командовал обороной Петропавловска, участвовал в Наваринском сражении, с 1856 года служил в высшем военно-морском суде.

После ухода в отставку Завойко поселился у нас в деревне, где получил землю. По сей день сохранились дом, который он построил, лес, двухэтажная школа и мельница. Похоронен он был в лесу на фамильном кладбище в 1898 году. Кладбище за это время разорили, говорили, якобы потому, что на нем похоронены помещики-эксплуататоры. А теперь около его дома поставили памятник.

Очень прошу, опубликуйте его биографию и послужной список.

В. И. ВЕРБИЦКИЙ

(Великая Мечетня Николаевской обл.)

Адмирал Василий Степанович Завойко родился в 1810 году в селе Прохоровка Полтавской губернии (ныне Каневский район Черкасской области) в семье потомственных дворян. Двенадцатилетним мальчиком он поступил на морскую службу. В 1827 году был произведен в мичманы, служил на Балтийском флоте, участвовал в Наваринском сражении в Средиземном море на корабле «Александр Невский».

Поступив в 1839 году на службу Российско-Американской компании, он в 1840 году был назначен начальником Охотской фактории, где вскоре убедился в совершенной непригодности Охотского порта как места погрузки и выгрузки судов и сделал правлению компании представление о приискании другого, лучшего порта.

Это представление Завойко и послужило толчком для дальнейших событий, происшедших на Дальнем Востоке, которые закончились Айгунским договором. В результате Охотская фактория была перенесена в Аяны, откуда выючный путь до реки Май, притока Лены, не превышал 220 верст.

В бытность свою правителем Аянской фактории Завойко с большой любовью относился к инородцам, оберегая их от алчности приказчиков компании и стараясь платить за пушнину столько, сколько следовало по законам добросовестной торговли. Когда же было признано необходимым учредить Камчатское

губернаторство, Завойко был назначен губернатором Камчатки. В этот период он очень много сделал для экономического развития края: был выписан и роздан населению молочный скот, начато проведение дорог, устраивались выставки огородных овощей, за лучшие экземпляры выдавались награды.

Во время Крымской войны генерал-майор В. С. Завойко организовал успешную Петропавловскую оборону 1854 года, отразив нападение англо-французской эскадры. В своем приказе, которым он объявлял о начале военных действий, Завойко говорил: «Я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочислен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческого возможно, и драться до последней капли крови; я убежден, что флаг Петропавловского порта, во всяком случае, будет свидетелем подвигов чести и русской доблести».

Не только войска, но все гражданские чиновники, до последнего журналиста, все мирные жители порта, кантонисты, камчадалы соседних деревень — все работали день и ночь, строили батареи и вооружали их пушками.

17(29) августа с дальнего поста дали знать о приближении союзной эскадры, которая 18-го вошла в Авачинскую губу и стала на якорь против Петропавловска (ныне Петропавловск-Камчатский). Завойко постоянно обходил все шесть батарей, посещал фрегат «Аврору»,

транспорт «Двину», которые стояли в глубине гавани, и всех воодушевил к подвигам.

20 августа был первый бой, который показал врагу, с кем он имеет дело, а 24 августа (5 сентября) закипел второй бой, Петропавловский бой, окончившийся полной, блестящей победой. 27 августа противник вынужден был уйти в Ванкувер и Сан-Франциско. Сразу после победы Завойко принялся за исправление поврежденных батарей и за приведение порта вообще в такой вид, чтобы следующей весной быть готовым встретить врага должным образом. Но было совершенно ясно, что Петропавловск, отрезанный от мира, при нападении врага будет поставлен в критическое положение, а небольшая Сибирская флотилия, зимовавшая там, окажется в отчаянном положении. По высочайше утвержденному распоряжению было решено оставить Петропавловск, «перевести все военные способы, команды, управления и жителей, кто пожелает, на Амур».

5 марта 1855 года началась титаническая работа по развооружению батарей и вооружению эскадры, по снятию порта

и по погрузке всего имущества на суда. 4 апреля все было готово к выходу. Плавание было крайне тяжелое: в море было еще много льда, сильные ветры, снежные метели, суда перегружены. К тому же ежеминутно можно было ожидать нападения противника. Эскадра подошла к лиману Амура, но он был покрыт льдом. 14 мая лиман вскрылся от льда. Не теряя ни минуты, Завойко в темную ночь выводит свою эскадру сначала в лиман, а затем в Николаевск.

В Николаевске (ныне Николаевск-на-Амуре) снова начинается работа по возведению батарей. Среди непроходимых болот низовьев Амура, при ничтожнейших средствах, при постоянном ожидании врага Завойко возводит батареи, которые помогают закрепить за Россией новый край.

В 1856 году В. С. Завойко вернулся в Петербург, где служил в высшем военном-морском суде (аудиторе).

Л. И. БУЛЫЧЕВА

Справочная литература: Жданко М. Памяти адмирала Василия Степановича Завойко. — Владивосток, 1908; Петропавловский бой и Камчатская эскадра адмирала Завойко. — СПб., 1883.

Read in this issue:

A. S. Stepanov — Before Munich ● Did the USSR prepare a preventive blow? (Publication of Y. I. Zuzin) ● Defence of Leningrad, 1941 (Publication of B. N. Petrov) ● GKO resolves... (Publication of N. S. Gishko) ● N. M. Zaitsev — Together with Alta ● W. T. Roshupkin — «Reconnaissance had an important role» ● C. Shtrite — They are not comrades for us ● ...And shall overthrow with the powerful hand (Publication of Ju. A. Pritkov) ● B. P. Ivanov — Chernobil: with the eyes of a witness ● A. I. Talanov — Palace grenadiers ● Robert K. Massy — Nicolay and Alexandra ● I. T. Smilga — Liquidation of Dumenko ● A. W. Sharov, L. I. Wlodavez — «Soldier, horse breeder, poet and enterpreter» ● W. I. Fomin — It's a pity when a historian overdoes ● A. F. Chistyakov — The word soldier sounds proudly

Lesen Sie in diesem Heft:

A. S. Stepanov — Vor München ● Hatte die UdSSR den Präventivschlag vorbereitet? (Publikation von E. I. Süsin) ● Die Verteidigung von Leningrad, 1941 (Publikation von B. N. Petrov) ● GKO hat erklärt... (Publikation von N. S. Gischko) ● N. M. Seizew — Mit Alta zusammen ● W. T. Rotschupkin — «Aufklärung hatte eine große Rolle» ● K. Streit — Sie sind für uns keine Kameraden ● ...Und mit harter Hand gestürzt (Publikation von Ju. A. Prytkow) ● B. P. Iwanow — Augenzeuger: Tschernobyl ● A. I. Talanow — Palastgrenadiere ● Robert K. Messi — Nikolaj und Aleksandra ● I. T. Smilga — Liquidation von Dumenko ● A. W. Scharow, L. I. Wlodawez — «Soldat, Gestütbesitzer, Dichter und Übersetzer» ● W. I. Fomin — Schlimm wenn Historiker verdreht ● A. F. Tschissjtjakow — Soldat — ein stolzes Wort



Форма одежды роты дворцовых гренадер 1827-1855 гг.
1 – гренадер в сюртуке; 2 – барабанщик роты; 3 – гренадер 1-й статьи; 4 – барабан роты; 5 – украшение перевязи барабанщика; 6 – парадный мундир барабанщика; 7 – шапка гренадера (вид сзади); 8 – каска к вицмундиру с 1848г.

Художник В.Н. БОЛТЫШЕВ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1р. 10к.

4-5 1992 1-96

Индекс 70137

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!
Подписка на наш журнал принимается всеми отделениями связи и органами "Союзпечати" без каких-либо ограничений и на любой срок. В связи с тем что розничная продажа журнала, к сожалению, ограничена, советуем подписываться на наше издание заблаговременно.
Подписная цена: на год – 13 р. 20 к.; на 6 месяцев – 6 р. 60 к.
Часть тиража журнала реализуется по коммерческой цене.
В случае отказа в подписке просим обращаться в редакцию.



**ЛЕТОПИСЬ
ПОЛКОВ
РОССИЙСКИХ**

● Дворцовый гренадер. Конец XIX – начало XX века.

Неизвестный художник